

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-исторический журнал № 11 (14), ноябрь, 2017

ISSN 2542-0135

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Предлагаем вашему вниманию ноябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ». В осеннем издании представлены произведения самых различных жанров, так как это время действует на людей по-разному, навевая грусть на одних и возбуждая фантазии, побуждая к творчеству других.

Не отходя от принятых принципов формирования журнала, мы закрепили в «Александре» рубрику «Герой нашего времени», повествующую о жизни настоящих людей, преданных России, людей, на которых стоит равняться, настоящих патриотов своей Родины.

В последнее время наряду с новыми материалами и отзывами на публикации в редакцию поступают книги, брошюры и прочие произведения авторов с пожеланиями и предложениями, что особенно ценно.

Стоит отметить то, что по иному принципу стал наполняться сайт журнала «Александръ» alexlib.ru, теперь новые произведения появляются там регулярно, с периодичностью в два-три дня, что, по нашему мнению, позволяет более подробно ознакомиться с размещёнными материалами.

Хочется выразить слова благодарности нашим постоянным читателям и заверить, что работа над качеством публикуемых в журнале произведений и дизайном «Александра» продолжается ежедневно.

***С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА***

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ-ЧИТАТЕЛИ!

Большими и важными событиями был наполнен уходящий 2017 год. Но, пожалуй, самое выдающееся из них – это 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Можно как угодно относиться к историческим фактам, но то, что ровно век назад начался тектонический сдвиг в общественной жизни не только нашей страны, но и многих сопредельных, да и далёких от России государств – неоспоримо, как аксиома, не требующая доказательств.

О смысле, значении, причинах и последствиях этого грандиозного события с первых же лет революции и поныне говорят, пишут и спорят политики, историки, архивисты, философы, социологи, публицисты. Рождаются новые фильмы, идут театральные постановки. Трагические и драматические моменты того времени нашли отображение в книгах классиков отечественной литературы – Михаила Шолохова, Леонида Леонова, Андрея Платонова, близкого тамбовцам Николая Вирты. Соответствующие тематические полотна создавали мастера кисти – достаточно вспомнить имя нашего земляка А. М. Герасимова. А сколько родилось стихов, песен, скульптурных композиций – не счесть...

Многие новые направления обрела и наука, всегда служившая и продолжающая служить интересам и чаяниям народа. Атомные электростанции, генетика и кибернетика, невиданный прорыв в машиностроении, кораблестроении, ракетостроении, наконец, триумфальный полёт человека в космос – это лишь некоторые отблески той зарницы, которые последовали после бури, как называл революцию Максим Горький.

И всё же больше ни стране, ни миру не нужны никакие революции, как бы красиво и привлекательно они ни назывались – мягкие, цветные, бархатные... Человечеству необходимы мир и покой, уверенность в завтрашнем дне и простое семейное благополучие. Людям нужны возможности свободного трудоустройства, получения желаемого образования, доступного здравоохранения, социальная и культурная обеспеченность, отсутствие всякой тревоги за себя, судьбы детей и внуков.

Думаю, эти мысли и убеждения разделяет весь многочисленный отряд читателей очень интересного и содержательного литературно-исторического журнала «Александръ», успешно преодолевшего первую годовщину своего существования, все мои друзья и коллеги, которым я, пользуясь предоставленной возможностью, искренне желаю добра и успехов, дерзания на творческой ниве и процветания! Доброго пути, «Александръ»!

Анатолий ЗАВРАЖНОВ,

главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Мичуринский ГАУ»,
член научно-технического совета Мичуринска – наукограда РФ, академик РАН

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ, шеф-редактор (Мичуринск)
Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)
В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва)
Л. Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)
В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов)
В. А. КАЗМИН (Луганск)
С. И. КОТЬКАЛО (Москва)
Л. В. КОЛПАКОВ (Москва)
Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)
А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург)
Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва)
Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск)
А. Н. СЁМИН (Екатеринбург)
В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов)
В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)
Я. Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 11 (14), ноябрь, 2017 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Шеф-редактор В. С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.11.2017

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

РОДНОЕ

- 4** Александр Лежнёв.
Пушкинское время

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 16** Алла Беляева. О «генеалогических предрассудках» в мировоззрении и творчестве А.С. Пушкина

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 23** Василий Попков.
Слово о подвиге благочестия

ПРАВОСЛАВИЕ

- 27** Роман Леонов.
Скорбященское кладбище

КАНОНЫ

- 32** Владимир Алексеев.
Божественная литургия в описании
Н. В. Гоголя и С. И. Фуделя

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

- 38** Владимир Стручков.
Графское наследие

ПОЭЗИЯ

- 40** Павел Сухачёв

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 42** Мария Знобищева

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- 44** Анатолий Труба. Великий День
Победы – это судьба!

ДАЛЁКОЕ-БЛИЗКОЕ

- 46** Игорь Мартынов.
Степной поход донского казачества

ПАМЯТЬ

- 49** Анна Павлова.
Солдат и актёр

ИСКУССТВО

- 52** Татьяна Николаева.
Театр во мне, со мной...

КРУГИ ЖИЗНИ

- 57** Виктор Фоменков.
Степан. Гулящая. Кумовья

ПРОЗА

- 69** Валерий Аршанский. Чёрное-белое
82 Зинаида Королёва. Ожидание
84 Марина Елютина. Пастушок

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

- 86** Вадим Гранитов. Мерси, Баку!

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 91** Шаги «Александра»

ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ

А. С. ПУШКИН И А. Н. ВЕРСТОВСКИЙ

Алексей Николаевич Верстовский

Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862) – известный русский композитор и театральный деятель, руководивший московскими театрами с 1825 по 1859 год, родился в Козловском уезде Тамбовской губернии, в имении Селивёрстово при селе Мезинец. А. Н. Верстовский написал несколько водевилей и опер, в числе которых популярная опера «Аскольдова могила», романсов, песен, кантат на стихи А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, В. А. Жу-

ковского и других поэтов XIX века. Похоронен композитор на Ваганьковском кладбище в Москве. Имя Верстовского носят улицы в Староюрьеве и Тамбове.

Жизни и деятельности известного композитора посвящены экспозиции в Староюрьевском историко-музыкальном музее имени А. Н. Верстовского, в Тамбовском областном краеведческом музее, есть о нём материалы в ряде музеев Москвы и Мичуринска.

Знакомство и творческое содружество Александра Сергеевича Пушкина и Алексея Николаевича Верстовского связано с 20-ми и началом 30-х годов XIX века. Они встречались в домах общих друзей и знакомых – П. В. Нащокина, П. А. Вяземского, М. П. Погодина, А. С. Грибоедова, С. Т. Аксакова и других. Встречи друзей обычно посвящались поэзии и музыке. Поэта и композитора сближало отношение к творчеству, к высокому искусству, к театру.

В 1823 году появилась баллада Верстовского «Чёрная шаль» на стихотворение Пушкина, написанное в 1820 году. Баллада получила распространение и часто исполнялась в домашних концертах. В своих воспоминаниях Е. Соковкина, племянница С. Н. Бегичева – друга Верстовского, – писала: «Часто оживлял общество весельчак А. Н. Верстовский, который тогда написал знаменитый романс "Чёрная шаль" и певал его с особенным выражением своим небольшим баритоном, аккомпанируемый Грибоедовым».

Имена великого поэта и известного композитора часто звучали вместе. С. Т. Аксаков вспоминал: «Слушали мы, и с наслаждением, и музыку, и пение Верстовского. Его... "Приди, о путник молодой" из "Руслана и Людмилы", "Чёрная шаль" Пушкина и многие другие пьесы – чрезвычайно нравились всем, а меня приводили в восхищение. Музыка и пение Верстовского казались мне необыкновенно драматичными. Говорили, что у Верстовского нет полного голоса; но выражение, огонь, чувство заставляли меня и других не замечать этого недостатка». Советский музыковед Б. В. Асафьев в статье «Композитор из плеяды славяно-русских бардов: Алексей Николаевич Верстовский» писал: «Верстовский чутко отзывался на лирику современных ему русских поэтов, и современники любили его музыку, соотносящуюся с тогдашней поэзией Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Дмитриева, Языкова...»

Беспокойная жизнь Пушкина вынуждала друзей на частые и длительные разлуки. Но и на расстоянии они не забывали друг друга, поддерживая связь письмами. В июне 1823 года поэт был отправлен на службу в Одессу и, переписываясь с поэтом П. А. Вяземским, просил его передать Верстовскому «усердный поклон», сообщить, что скоро и ему ответит. Спустя год Пушкина ссылают в село Михайловское. И снова в письме к Вяземскому Пушкин просит передать ноты Верстовскому, если не будут они гравированы. Вероятно, речь шла о балладе «Чёрная шаль».

Дошедшие до нас материалы говорят о встречах и сотрудничестве Верстовского и Пушкина в последующие годы. Известно, что в 1828 году композитор написал на стихи Пушкина «Гишпанскую песню» («Ночной зефир»), а в разное время 20-х годов XIX века – песни «Певец», «Муза» и на отрывки из поэмы «Руслан и Людмила» – «Ложится в поле мрак ночной» и «У Лукоморья».

Портрет Н. Н. Пушкиной
работы Александра
Брюллова (1831–1832 гг.)

Портрет композитора
А. Н. Верстовского.
П. В. Соколов, XIX век,
первая половина

Творческое сотрудничество композитора и поэта продолжалось. 29 мая 1829 года Верстовский писал Шевырёву: «...Пушкин ко мне пристал, чтобы я написал музыку Казака из "Полтавы" – посылаю его к Вам, – мысль пришла недурная выразить галопом всю музыку».

Знаменательное событие для поэта и композитора произошло 23 декабря 1829 года – они были избраны в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Осень 1830 года застала Пушкина в Болдино. Это была знаменитая болдинская осень, когда Пушкин переживал необычайный творческий подъём. Он дорабатывал тогда роман «Евгений Онегин», написал маленькие трагедии «Скупой рыцарь», «Каменный гость», повесть в стихах «Домик в Коломне», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и другие.

Несмотря на такую одержимость творчеством, Пушкин помнит о Верстовском и пишет ему письмо из Болдино, обращаясь на «ты» – свидетельство близких, доверительных отношений поэта к композитору.

Приближалась важная перемена в личной жизни Пушкина. Ещё в апреле 1830 года родители Натальи Гончаровой дали согласие на брак своей дочери с ним. Через год должна была состояться свадьба. Она была назначена на 18 февраля 1831 года. Накануне свадьбы Пушкин устроил встречу друзей и приятелей, на которую собрались И. В. Киреевский, Е. А. Боратынский, Д. В. Давыдов, П. В. Нащокин, Н. М. Языков, П. А. Вяземский с сыном Павлом, брат Л. С. Пушкин и А. Н. Верстовский. Это было в доме на Арбате, где теперь находится мемориальный музей поэта.

В 1832 году Верстовский создал одно из своих наиболее популярных произведений – «Песню Земфиры» на слова цыганской песни, которую Пушкин в переводе на русский язык использовал в поэме «Цыганы». Композитор написал песню для Надежды Васильевны Репиной – будущей жены. На этот текст писали музыку и другие известные русские композиторы, например А. А. Алябьев, А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, но наибольшая популярность выпала на долю песни Верстовского. Надежда Васильевна была её замечательной исполнительницей.

В своём творчестве Верстовский обращался не только к стихам Пушкина. Г. В. Кугушев сделал инсценировку романа «Евгений

Онегин», и Верстовский написал к ней музыку. Премьера драматического представления с музыкой Верстовского состоялась в 1846 году в Москве на сцене Малого театра.

Последним сочинением Верстовского на стихи Пушкина стала кантата «Пир Петра Первого», написанная в 1859 году.

Пока ещё не все сохранившиеся материалы, рассказывающие о дружбе и совместном творчестве А. Н. Верстовского и А. С. Пушкина, собраны и изучены, но с некоторыми из них можно ознакомиться в Московском мемориальном музее Пушкина. Здесь хранится портрет Дж. Фильда, одного из учителей Верстовского. Посетители могут прочитать статью В. Ф. Одоевского «Несколько слов о кантатах Верстовского», напечатанную в первом номере «Вестника Европы» за 1824 год. В музее есть портреты Алексея Николаевича Верстовского и его жены Надежды Васильевны Репиной – примадонны московских театров. В музее хранится материал о постановке «Чёрной шали», именно об этом сочинении писал Николай Алексеевич Полевой в статье «Обозрение русской литературы в 1824 году» в «Московском телеграфе»: «Песни Пушкина сделались народными: в деревнях поют его Чёрную шаль. А. Н. Верстовский с большим искусством сделал на сию песню музыку, и доньне жители Москвы не наслушаются очаровательных звуков, вполне выражающих силу стихов Пушкина».

Сведения о Верстовском и его творческом содружестве с Пушкиным находятся в Тамбовском областном краеведческом музее и в Историко-музыкальном музее имени А. Н. Верстовского села Староюрьево. А афиши и концертные программы нашего времени говорят о том, что произведения Верстовского на стихи Пушкина входили и входят в репертуар выдающихся певцов современности, среди которых прежде всего хочется назвать Елену Васильевну Образцову, исполнявшую на одном из концертов в областном центре «Песню Земфиры» и балладу «Чёрная шаль».

Н. Ф. ПАВЛОВ И А. Н. ВЕРСТОВСКИЙ

*Не говори ни да, ни нет,
Будь равнодушной, как бывало,
И на решительный ответ
Накинь густое покрывало.*

*Как знать, чтоб да и нет равно
Для сердца гибелью не стали?
От радости ль сгорит оно
Иль разорвётся от печали?..*

Так начинается стихотворение «Романс» Николая Павлова, написанное в 1829 году и напечатанное впервые в альманахе «Радуга». К этому времени Павлов известен в основном как переводчик: в Москве идёт драма «Мария Стюарт» в его переводе. Пишет и стихи, и комедии-водевили. Успех сопутствует водевилю «Дипломат», который Николай Павлов создал вместе с С. П. Шевырёвым. В том же году молодого автора избирают действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. Николая Павлова принимают в это общество вместе с Пушкиным, Боратынским, Верстовским. Вскоре Алексей Николаевич Верстовский напишет музыку к стихотворению «Романс», и получится очаровательное произведение «Не говори ни да, ни нет...» На стихи Павлова писали музыку, в основном романсы, М. И. Глинка, А. С. Даргомыжский, В. Н. Всевожский и другие известные композиторы, сочинения которых любимы и исполняемы и сегодня.

Кто же такой Павлов? Литературоведы сходятся во мнении, что Николай был незаконнорождённым сыном помещика В. М. Грушецкого и привезённой из персидского похода графом В. А. Зубовым грузинки. После появления на свет мальчика передают в семью крестьянина Филиппа Павлова, от которого будущий мастер русского слова получает и фамилию, и отчество. Ему даётся прекрасное образование: Павлов окончил театральное училище и словесное отделение Московского университета. Он владел в совершенстве немецким, французским, латинским языками. Ещё мальчиком Николай Павлов был отпущен помещиком на волю.

Это был очень интересный человек. О нём сохранились отзывы В. Ф. Одоевского, Н. А. Полевого, А. И. Кошелева, П. А. Вяземского и многих других известных людей Российской империи. Литературный энциклопедический словарь (общая редакция В. М. Кожевникова, П. А. Николаева) называет Николая Филипповича Павлова критиком, журналистом, редактором-издателем газеты «Наше время» и основателем и

Н. Ф. Павлов

А. Н. Верстовский

редактором газеты «Русские ведомости». Писал Павлов и прозу. Так, до сегодняшнего дня известна его повесть «Именины», посвящённая Н. В. Чичерину. В посвящении Павлов пишет:

*Тебе понятна лжи печать;
Тебе понятна правды краска;
Я не умел ни разу отгадать,
Что в жизни было,
что в жизни сказка.*

Эта повесть рассказывает о судьбе крепостного музыканта, наделённого Богом талантом, но именно его проигрывает барин. Музыкант пытается убежать, но его арестовывают и отдают в солдаты. И тут герою удаётся отличиться и получить офицерский чин. Пройдёт время, и бывший крепостной станет баринком, который быстро усвоит привычки, свойственные хозяевам-крепостникам. Финал повести трагичен: герой завершает земной путь на дуэли.

Повесть Н. Ф. Павлова была напечатана в 1835 году, как и его же произведения «Ятаган», «Аукцион», в том же году пришли к читателям и популярные до сих пор книги: «Стихотворения» А. В. Кольцова, «Арабески» Н. В. Гоголя, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова, «Ледяной дом» И. И. Лажечникова. Поэт Фёдор Иванович Тютчев так отозвался о повести «Ятаган»: «Свободная мысль сразилась с роковыми общественными вопросами и, однако, не утратила художественного беспристрастия».

Композитор Алексей Верстовский и поэт Николай Павлов, по всей вероятности, встретились или в театральном училище, или в доме директора данного учебного заведения Ф. Ф. Кокошкина. Вот что отмечает исследователь творчества Павлова литературовед Л. М. Крупчатков: «Именно в доме Кокошкина, куда хозяин часто приглашал остроумного, талантливого и энергичного юношу, Павлов впервые познакомился со многими литераторами, художниками, композиторами, здесь получил представление о жизни светского общества, с его внешним блеском, внутренней пустотой, социальными и нравственными контрастами – всё это позднее нашло отражение в его творчестве».

Будущему писателю приходилось иногда прислуживать гостям за столом. Надо полагать, что Павлов от этого не был в восторге.

Верстовскому он был интересен и как актёр.

Позже, когда они являлись соавторами, Верстовского сближало с Павловым и то обстоятельство, что писатель был дружен, находился в приятельских отношениях со многими известными земляками композитора. Так,

К. К. Павлова

Б. Н. Чичерин оказался его университетским товарищем, добрые отношения сложились у Николая Филипповича с братьями Боратынскими. Он даже гостил в имениях и Боратынских, и Чичерина на Тамбовщине, где, кстати, были написаны повести «Именины» и «Аукцион». Именно эти сочинения да повесть «Ятаган» получили высокую оценку Гоголя: «Н. Павлов, писатель, который первыми тремя повестями своими получил с первого раза право на почётное место между нашими прозаическими писателями».

В 1832 году Павлов пишет стихотворение «Ф. Д. Хвоцинскому» (это дядя жены Н. В. Чичерина), оно начиналось следующими строками:

*Там, где толпились татары,
Где веки замели их след,
Где буйный вихорь из побед
Едва нам слышен в звуках Мары...*

Публикуется это стихотворение в популярном журнале «Телескоп» с примечаниями, одно из них относится к слову «Мара»: «На границе Саратовской и Тамбовской губерний урочище, где находится село, принадлежащее Б.» (речь, конечно же, идёт о братьях Боратынских).

Откроем книгу П. А. Стеллиферовского «Евгений Абрамович Боратынский» (М., 1988) и прочитаем следующее: «В Москве Боратынский познакомился и с К. К. Яниш, молодой и

талантливой поэтессой, вышедшей позднее за его доброго знакомого, даровитого литератора Н. Ф. Павлова...» Каролина Яниш-Павлова стала страстной почитательницей поэзии Боратынского, перевела многие его стихотворения на немецкий язык. Ей он написал несколько милых и остроумных стихотворений и ободрил в поэтических начинаниях. К. К. Павлова в 1842 году создала послание «Е. А. Боратынскому», ставшее данью благодарности за полученный

сборник «Сумерки», сочувственно упомянула об умершем поэте в стихотворении «Зовёт нас жизнь: идём, мужаясь, все мы...» (1846) и посвятила ему поэму «Кадриль»...

Ну а романс «Не говори ни да, ни нет...» Николая Павлова и Алексея Верстовского звучал в салонах Москвы, Петербурга и радовал слушателей. Вполне вероятно, что это не единственное совместное сочинение двух талантливых людей.

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ И А. Н. ВЕРСТОВСКИЙ

Имена композитора, крупнейшего театрального деятеля Алексея Николаевича Верстовского (1799–1862) и поэта пушкинской поры Евгения Абрамовича Боратынского (1800–1844) в первой половине XIX столетия в России пользовались у музыкально-театральной публики и читателей большой популярностью.

Это были люди, которые в культуре и литературе того времени сделали очень многое. Вспомним хотя бы, что период творчества композитора в России называли эпохой Верстовского. Драматург А. Н. Островский признавался: «Известно, каким безграничным уважением между артистами всех отраслей искусства пользуются совершенные мастера в том или другом искусстве и люди, обладающие очень тонким вкусом. Таким же знатоком был Верстовский в сценическом искусстве: все артисты жаждали его замечаний, боялись их и с доверием и благодарностью их выслушивали. Артисту и в голову не могло прийти обижаться на Верстовского за то, что он ему говорил ты, особенно, когда он его похвалит». П. В. Нащокин веско заметил: «У вас в театре ламповщик и лампы не зажжёт без дозволения Алексея Николаевича!» Режиссёр С. П. Соловьёв подчёркивал, что Верстовский «всегда сообщал артистам жизнь и одушевление». И он же отмечал: «Театральный люд очень метко и характерно называл его, употребляя простонародное слово, – театральным вортилой, или многозначительным "сам"».

Е. А. Боратынский

Не забудем и то, что Боратынского критики и любители литературы ставили на первое место после «солнца русской поэзии» ещё при жизни Пушкина. Высоко ценили талант Верстовского и Боратынского, кроме Пушкина, их великие современники: В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, М. Н. Загоскин, А. А. Алябьев, С. Т. Аксаков, М. И. Глинка. Многие блистательные писатели, музыканты, актёры того времени тоже были в восторге от поэзии Боратынского и музыкальных творений Верстовского.

Судьба уготовила Верстовскому и Боратынскому появиться на свет на одной и той же земле – земле Тамбовской губернии.

Основоположник русского оперного искусства родился в имении Селивёрстова, что располагалось недалеко от села Мезинец Козловского уезда (ныне Староюрьевский район Тамбовской области), в дворянской семье. В нём текла не только русская, но и турецкая кровь, так как отец Алексея Николаевича был сыном генерала А. Селивёрстова и пленной турчанки. Однако в музыкальной литературе до сих пор встречается версия, что дед композитора был приписан к дворянскому сословию как выходец из «польского шляхетства».

Боратынский – уроженец усадьбы Мара Кирсановского уезда (ныне Умётский район Тамбовской области), он появился на свет тоже в дворянской семье. Предки поэта были выходцами из Польши. В любой биографической справке прочитаем, что в первой половине XVII века И. П. Боратынский покинул родину и перешёл на русскую службу. В конце XVIII века за верность царю и новому отечеству Абраму и Богдану Боратынским, потомкам Ивана Петровича, подарены земли в Тамбовской губернии. Это было поместье Вяжля. Абрам Андреевич Боратынский вместе с молодой женой поселился в той части села, которая называлась Марой. Она и есть малая родина поэта.

Таковы факты биографии, известные всем, кто интересуется историческими корнями Верстовского и Боратынского – земляков и ровесников.

Земляков и ровесников, конечно же, всегда объединял великий Александр Сергеевич Пушкин. Без Пушкина невозможно представить жизнь и творчество как композитора, так и поэта. Невозможно поверить сегодня в то, что Верстовский и Боратынский не могли быть друзьями Пушкина, что они никогда не встретились бы, не общались. И это тоже факт истории, как и тот, что, несмотря на то, что Пушкин не бывал на Тамбовщине, тем не менее прочными нитями связан с родиной Верстовского и Боратынского. Здесь находились друзья и приятели Александра

Сергеевича, его литературные спутники, в конечном счёте его дальние и близкие родственники или когда-то жили на тамбовской земле, или пребывали в то время, когда ярко вспыхнула звезда Пушкина на поэтическом небосклоне. Не забудем, что и жена Пушкина, Н. Н. Гончарова, появилась на свет именно на Тамбовщине – в имении дяди своей матери Н. А. Загряжского в селе Кариан Тамбовского уезда (ныне райцентр Знаменка Знаменского района Тамбовской области). Примерно в одно и то же время Пушкин встретился, познакомился и подружился и с Верстовским, и с Боратынским.

В 1820 году Пушкиным была написана «Чёрная шаль», а через несколько лет Верстовский дал этому стихотворению музыкальные крылья. Романс пользовался потрясающим успехом. Современница вспоминала, как сам Верстовский пел в одном из салонов это произведение, а аккомпанировал ему Грибоедов. Вскоре романс «Чёрная шаль» стал исполняться по всей России. Другая современница (Е. С. Телепнёва) в дневнике 22 июня 1827 года записывает о сёстрах Ушаковых, которыми первый поэт России был покорён: «В их доме всё напоминает Пушкина: на столе найдёте его сочинения, между нотами – "Чёрную шаль" и "Цыганскую песню", на фортепианах – "Талисман" и "Копеечку", в альбоме несколько листочков картин, стихов и карикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкин».

Были у Верстовского и Пушкина и другие совместные сочинения, тоже нашедшие тропинки к сердцам любителей прекрасного. Несомненно, они были известны и Боратынскому.

Пушкин и Боратынский состояли в переписке. Переписывался Пушкин и с Верстовским. Правда, не все письма друзей сохранились. А вот о переписке Верстовского и Боратынского не упоминает ни один современник, никто из литературоведов тоже не пишет об этом.

Верстовский дебютировал в качестве композитора в 1819 году, когда сочинил музыку к водевилю «Бабушкины попугаи».

«Русский художественный листок» спустя десятилетия точно заметит: «Юность Верстовского пронеслась в упоении успехов, посреди похвал и торжеств. В нём видели замечательный талант». В том же году в журнале «Благонамеренный» печатается несколько стихотворений молодого поэта Боратынского. На сочинения композитора и поэта стали обращать внимание слушатели и читатели. У Верстовского и Боратынского появились поклонники и поклонницы.

В «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800–1844» читаем следующее:

«1829 год. Декабрь, 23. Москва. На заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете Боратынский заочно избран в члены общества (наряду с Пушкиным, Булгариным и Верстовским). Сообщение об избрании опубликовано в "Московских ведомостях"».

Общество любителей российской словесности при Московском университете, как информирует современного читателя одна из энциклопедий, создано в 1811 году. В разные годы председателями его были М. Н. Загошкин, А. С. Хомяков, М. П. Погодин, И. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев и другие. Так Пушкин, Верстовский, Боратынский оказались в одном списке. На торжественном вечере в честь признания заслуг Пушкина и уроженцев Тамбовского края звучала и музыка Верстовского, в том числе Кантата на всерадостнейший мир России с Турцией на слова А. И. Писарева. Пройдут годы, и Верстовский экстерном сдаст экзамены за курс Московского университета (1833).

Верстовский и Боратынский были в приятельских отношениях с поэтом, прозаиком Николаем Филипповичем Павловым. Алексей Николаевич, как уже отмечалось, написал романс на стихи Павлова «Не говори ни да, ни нет». Во многих салонах Москвы и Петербурга звучало это сочинение. Надо вспомнить и ещё об одной ранней совместной работе Верстовского и Павлова – комедии-водевиле «Дипломат» (соавтором Н. Ф. Павлова выступил С. П. Шевырёв, вместе с которым он сделал перевод с французского языка пьесы

Э. Скриба, К. Деламина). Премьера состоялась 21 июня 1829 года. В 1835 году в «Московском наблюдателе» появились две критические статьи Павлова, где речь шла об опере Верстовского «Аскольдова могила» и о комедии Загошкина «Недовольные». Между прочим, В. Г. Белинский признал эти статьи «особенно примечательными».

Боратынский был знаком и с будущей женой Павлова – К. К. Яниш, талантливой поэтессой и очаровательной собеседницей. Каролина Карловна Яниш была в восторге от поэзии Боратынского. Немало сделала она для пропаганды в Европе творчества Евгения Абрамовича, выступая в качестве переводчица его стихотворений.

Боратынский женился на Анастасии Львовне Энгельгардт летом 1826 года. Верстовский присматривался в это время к молодой актрисе Надежде Репиной, которую московская публика сразу полюбила, как только та оказалась на подмостках после окончания театрального училища. Пришла вскоре и любовь, однако, по свидетельству А. Д. Эшлиман (урождённой Верстовской), отец композитора выбора сына не одобрил, потребовал разорвать с актрисой все отношения. Верстовский отца не послушался, ушёл из семьи и поселился с Репиной без брака. Он обвенчался с Надеждой Васильевной лишь 21 апреля 1841 года.

Пушкин же никак не мог определиться с выбором спутницы жизни. Вскоре обе стороны стали говорить о предстоящей женитьбе Александра Сергеевича на Н. Н. Гончаровой. На сей раз это оказалось правдой. Пушкин перед свадьбой устроил «мальчишник», на который особыми записками пригласил самых близких ему людей. Он направил такие приглашения и Верстовскому, и Боратынскому.

Давайте не забудем, что Боратынский родился в семье, где по-настоящему, как и доме Верстовских, преклонялись перед музыкой. Владимир Павлович Пешков, автор нескольких знаковых исследований, краевед, в книге «Звезда разрозненной плеяды...» (Тамбов, 1999) пишет, как Боратынские-старшие прививали детям любовь к хорошей русской

и зарубежной музыке. «С большим удовольствием занимаются дети музыкой. У всех – неплохие голоса, отличный слух. Впоследствии в доме Баратынских силами семейства ставили музыкальные спектакли и даже оперы».

Да, музыка объединяла Боратынского и Верстовского. В то время потрясающим успехом у слушателей пользовался романс М.И. Глинки «Не искушай меня без нужды», созданный на стихи Боратынского (1825). Это произведение имеет и другое название – «Разуверение». На стихи Боратынского писали романсы, песни композиторы А.Т. Александров, А.Т. Гречанинов, Ц.А. Кюи, А.С. Даргомыжский и другие.

Верстовского никогда не включали в подобный список, потому что Алексей Николаевич прежде всего сочинял музыку на тексты В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Н. Загоскина, А.А. Писарева и некоторых других своих «старых» друзей. Тем не менее в «Летописи жизни и творчества Е.А. Боратынского» (Москва, 1998) сообщается: «28 января 1828 года в Москве на обеде, устроенном в честь живописца К.П. Брюллова в Московском художественном классе, исполнялись куплеты "Там, где парил орел двуглавый...", написанные Верстовским, вероятно, на стихи Боратынского». Профессор Антонина Александровна Соболева в биобиблиографическом указателе «Алексей Николаевич Верстовский» (Тамбов, 1999) утверждает, что действительно музыка куплетов написана Верстовским на стихи Боратынского. Учёный Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина ссылается и на одну из публикаций в «Московских ведомостях» того времени.

Возможно, были ещё какие-то совместные сочинения Верстовского и Боратынского, и это предположение основывается прежде всего на том, что до сегодняшнего дня не всё богатое наследие композитора найдено и изучено. Однако таких творений не могло быть, на мой взгляд, много. Сошлюсь на авторитетное мнение исследователя жизни и творческого пути А.Н. Верстовского Владимира Алексеевича Корнеева, написавшего и издавшего о Верстовском немало статей, ко-

торые затем вошли в его интереснейшую книгу «Тайна старинного парка» (Тамбов, 1994). Корнеев размышлял так: «Конечно, можно говорить о различных особенностях личного характера каждого, даже и о противоположных темпераментах, и в силу этого о несходстве мироощущения – хоть оба они и романтики! – но всё это до конца так и не вносит ясности. Правда, Боратынский со своей элегической мечтательностью, безусловно, является антиподом Верстовского с его неукротимой турецкой кровью...» С Владимиром Алексеевичем Корнеевым нельзя не согласиться. Но будем ждать сообщений архивистов, которые помогут краоведам, литературоведам глубже проникнуть в данную тему.

Романс «Разуверение» композитора М.И. Глинки на стихи Е.А. Боратынского, о котором уже шла речь в этом материале, прекрасно исполняла народная артистка Советского Союза Н.В. Обухова – внучатая племянница Боратынского. В репертуаре Надежды Васильевны была и «Цыганская песня» Верстовского. Это говорит о том, что и в другое время, и в другой стране, которая называлась Советским Союзом, Боратынский и Верстовский словно встретились снова. И дядя Обуховой, Сергей Трофимович Обухов, занимал в Москве должность управляющего театрами. Как тут снова не вспомнить Верстовского!

Желательно не оставить без внимания и вот эти факты. 15 июня 1986 года «Тамбовская правда» информировала читателей о прошедшем на днях на родине Боратынского очередном празднике поэзии. Газета пишет: «На умётской земле звучали не только стихи, но и торопилась музыка в души многочисленных зрителей. В том числе исполнялось одно из сочинений Верстовского – увертюра к водевилю "Обман за обманом". Заслуженный работник культуры РФ Ю. Попов подготовил это произведение с камерным оркестром музыкальной школы № 1 города Тамбова. Во втором отделении вечера, посвящённого 200-летию со дня рождения Верстовского, что проводился 4 марта 1999 года в Концертном зале Тамбовской государственной филармонии, заслужен-

ная артистка России Зоя Загумёнова читала стихотворения Пушкина и Боратынского».

Таких примеров, мне кажется, можно привести немало. Именно они красноречиво говорят о том, что земляки по-прежнему преклоняются перед талантом поэта и композитора, перед их бессмертными сочинениями, перед тем, что судьба уготовила уроженцам Тамбовского края быть друзьями А. С. Пушкина. А в таком случае, даже если бы Алексей

Николаевич и Евгений Абрамович не создали бы того, что им удалось сделать для своей России, для своего народа, всё равно их имена были бы вписаны в летопись Отечества.

А ещё в Тамбове есть улицы Боратынского и Верстовского. На географической карте областного центра имена поэта и композитора снова по воле благодарных потомков оказались рядом. Это не только добрая примета, но, пожалуй, знаковое событие.

НОВИКОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ГНЕЗДО

УРОЖДЁННАЯ АЛЯБЬЕВА

Начнём рассказ с бабушки писателя, публициста, общественного деятеля Александра Ивановича Новикова по материнской линии. Её звали Александрой Васильевной Киреевой (урождённая Алябьева) (1812–1892). Это была сказочно красивая женщина, внешностью и умом которой восхищались А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов. Некоторые современники невольно сравнивали её с Н. Н. Гончаровой, будущей женой первого поэта России, уроженкой тамбовской земли. Князь П. А. Вяземский назвал красоту Александры Алябьевой классической, а Натальи Гончаровой – романтической. Александр Сергеевич воспел московскую красавицу в стихотворении «К вельможе» (1830), а семнадцатилетний Михаил Лермонтов увековечил в пленительных строчках небольшого стихотворения «Алябьевой» (1831), которое, между прочим, в XXI веке включено в школьную программу по литературе. Осенью 1844 года А. Алябьевой посвятил стихотворение часто посещавший её литературную гостиную поэт Н. М. Языков.

Да, в доме Александры Васильевны был великосветский салон. Она и все члены семьи – славянофилы – т.е. представители консервативного политического и идеалистического философского течения русской общественной мысли, стремящиеся обосновать необходимость особого (по сравнению с западноевропейским) пути развития России. А.В. Алябьева вышла замуж

А. В. Алябьева

за гвардейского офицера А.Н. Киреева. Она сама занималась воспитанием сыновей Александра и Николая, дочери Ольги. Брак Александры Васильевны с красавцем Алексеем Киреевым оказался счастливым.

Вот как вспоминала об Александре Васильевне Киреевой А. Ф. Тютчева (старшая дочь русского поэта):

«У меня была с визитом г-жа Киреева, московская дама, очень известная несколько

лет назад своей большой красотой... Она сохранила ещё остатки былой красоты и, несмотря на некоторую полноту, её черты не утратили ещё античную правильность. Но странно в этой даме то, что она нисколько не тщеславится этой красотой, которую поэты воспели в великолепных стихах. Её честолюбие в том, чтобы быть умной женщиной, учёной и прежде всего образцовой матерью. Она говорит только об учёных – своих близких друзьях и о

всех достоинствах, умственных и нравственных, которые она развила в своих детях, которых я после двухчасового разговора с их мамашей знаю, как будто я сама произвела их на свет...»

Бабушка писателя была похоронена в семейном склепе дворян Новиковых в селе Новая Александровка Тамбовской губернии (ныне село Новиково Староюрьевского района Тамбовской области).

«35-Й ГОД МОЕЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ДВА ДНИ ВЁДРА НА 363 НЕНАСТЬЯ»

Следует заметить, что и с отцовской стороны в роду Новиковых были поэты и прозаики – тонкие ценители изящного слова. Прежде всего необходимо назвать владельца Ново-Александровки Петра Александровича Новикова (1797–1876), выпускника Московского университета, ставшего в студенческие годы членом Общества любителей российской словесности, на протяжении всей жизни занимавшегося сочинительством: писал и публиковал и стихи, и прозу.

Хорошо было известно любителям литературы поэтическое наследство Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823), князя, автора сборника стихотворений «Бытие сердца моего», которого, как отмечается в книге А.Н. Соколова «История русской литературы XIX века (первая половина)» (М., 1970, с. 32), «интересует не действительность, а собственное сердце, этот "глубокий лабиринт". Не богатство жизни, а "все оттенки чувств своих" поэт хотел бы сохранить в поэзии». Сын Ивана Михайловича, Дмитрий Иванович Долгоруков (1797–1867), был товарищем А. С. Пушкина по нелегальному обществу «Зелёная лампа». Другой сын князя, Павел Иванович Долгоруков (1787–1845), оказался сослуживцем Пушкина по Кишинёву, а дочь поэта, Варвара Ивановна, вышла замуж за Петра Александровича Новикова, и их сын, Иван Пе-

трович Новиков (1824–1890), став взрослым, женился на О. А. Киреевой. Ольга Алексеевна была второй женой Новикова.

Но вернёмся к П. И. Долгорукову, приехавшему в Кишинёв на службу 1 августа 1821 года. А. С. Пушкин в это время находился на юге. Поэт в мае 1820 года прибыл к генералу И. И. Инзову в Екатеринослав, а с конца сентября того же года до начала июля 1823 года жил в Кишинёве. Находясь в Кишинёве, Пушкин, приступив к изучению молдавского языка, постигает историю этого края, осматривает возле Бендер следы лагеря Карла XII, тут же у опального поэта зарождается мысль о написании поэмы «Цыганы». Иван Петрович Долгоруков же начинает вести дневник. Ему он даёт необычное название: «35-й год моей жизни, или два дни вёдра на 363 ненастья».

Мстислав Александрович Цявловский, известный исследователь жизни и творчества Пушкина, предполагал, что Пушкин и Долгоруков познакомились в Петербурге, но дружбы между ними не возникло. Не сложилась она и на молдавской земле, ибо, по мнению Цявловского, «слишком разные они были люди». Павел Иванович встречался с Пушкиным в основном в доме генерала Инзова. На страницах дневника Долгорукова создаётся образ великого русского поэта, кстати, отнюдь не ангела. 23 записи о Пушкине сохранились

в дневнике, о котором практически никто не знал. Дневник будет опубликован только в 1951 году в девятом сборнике «Звенья».

История находки дневника и его публикации до сих пор вызывает интерес исследователей разного уровня, краеведов. Сошлюсь на авторитетное мнение Ираклия Луарсабовича Андроникова, который в одной из работ рассуждает, как порой к нам неожиданно возвращаются весточки из прошлого: «А возле Мичуринска, во дворе техникума, двое учащихся нашли ещё более редкую вещь: дневник чиновника, служившего вместе с Пушкиным в Кишинёве. Автор этого дневника рассказывает, как сосланный Пушкин отзывался о политических порядках тогдашней России...

...Ученики передали находку преподавательнице русского языка. Та, в свою очередь, доставила её в Москву, в Литературный музей, и вручила пушкинисту М. А. Цявловскому. Дневник опубликовали».

Думаю, что не мог пройти мимо такого сенсационного события известный краевед тамбовской земли Иван Степанович Никулин. И действительно, в книге «Мичуринские были» (Воронеж, 1973, с. 74) Иван Степанович пишет: «Автор дневника признаёт, что Пушкин умён и остёр, но нравственность его, по мнению добропорядочного чиновника, на самом жалком положении – "нет ни к кому ни уважения, ни почтения. Всё основано у него на удалстве, насмешках и ругательствах". И.С. Никулин утверждает: учёный М.А. Цявловский установил автора дневника, им-то и был Павел Иванович Долгоруков, сослуживец Пушкина по Кишинёву. Дневник, считает Никулин, найден в родовом имении Новиковых. После революции в здании, построенном А.И. Новиковым на личные сбережения для учительской семинарии, размещался педагогический техникум, во дворе которого и обнаружен бесценный дневник пушкинской эпохи. Вероятно, в Ново-Александровку тот попал через сестру хозяина дневника В. И. Новикову (урождённую Долгорукову).

Необходимо было найти подтверждение причастности дневника Долгорукова к староюрьевской земле у новиковского краеведа Ми-

Могила А. И. Новикова в Новикове. Современное фото

хаила Антоновича Жилыева (1925–1988). Не знаю, как уж так случилось, но после смерти Жилыева в Староюрьевском районном музее имени А. Н. Верстовского из всего собранного краеведом, патриотом своей малой родины оказалась лишь частица, как говорится, видимая часть айсберга. Мне показали обычную школьную тетрадь, где размашистым почерком Михаил Антонович написал на обложке: «Жилыев М. А. Новиковская тропинка к Пушкину. Из цикла "История одного поиска". По вопросу о создании музея в селе Новиково. Февраль 1985 года». Краевед писал, что ему удалось завязать переписку с Никулиным, он пригласил Ивана Степановича в Новиково, но тот, сославшись на нездоровье, не смог посетить село. Тогда в дорогу собрался сам Жилыев, было это в начале марта 1981 года. Краеведы встретились в Мичуринске, в доме Никулина на Набережной Дёмина. Жилыев скупко замечает: «Я сказал: "Иван Степанович, этот дневник-то найден в нашем селе Новиково". Никулин внимательно посмотрел на меня, взял брошюру в руки, задумался: "А знаете, Михаил Антонович, я изучал эту историю с дневником и даже писал об этой находке. Я уверен, что дневник найден в вашем селе Новиково..."»

Как бы хотелось верить, что так оно и было...

Впрочем, если это легенда, то и от легенды, связанной с именем Александра Сергеевича Пушкина, не станем отказываться. **А**

Александр ЛЕЖНЕВ

PODES

Водня Блгоутрнаго
Великаго Князя Александра
Невскаго прїѣхавъ въ Россію
въ 868 г. именовъ
Радина.

Пушкінъ.

О «ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДРАССУДКАХ» В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Самый русский из российских поэтов Александр Сергеевич Пушкин любил Россию беспредельно, возвышенно, трепетно. «При имени Пушкина, – писал Гоголь, – тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... Пушкин есть явление чрезвычайное, и может быть, единственное явление русского духа... В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер...» Сколько дивных описаний родной природы оставлено нам поэтом! А наш природный календарь – любимые Пушкиным времена года – утренняя свежесть наших вёсен, пышное очарование осени, белоснежные картины зимы! С величайшим художественным обаянием Пушкин раскрыл глубокую поэтичность неизъяснимой для каждого прелести великорусского пейзажа:

Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых –
Раздолье уток молодых...

Начиная с Пушкина, русская литература научилась быть поэтическим отражением целых исторических эпох. Пушкин прозорливо провидел родную страну не в застывшем монументальном величии, а в живой многоголозой жизни. Образы героев он рисовал не только в реальной данности, ограниченной конкретным историческим бытием, но в идеальном облике, с лучшими чертами национального характера. «Повсюду у Пушкина, – отмечал Достоевский, – слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь...» Но если кто посторонний позволял себе оскорбительные высказывания о российской жизни, тон пушкинских строк менялся: «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев».

Художественное отображение национального прошлого Пушкин считал важной задачей русской литературы. «История народа принадлежит Поэту», – писал он Н. Гнедичу в Петербург. Русская историческая тема приковала внимание поэта. Любопытное свидетельство оставил игумен Святогорского монастыря Иоанн: «Пушкин живо интересовался монастырскими книгами и древностями, для чего ему, Пушкину, отводили в монастыре келию...» Изучая старинные тексты, поэт старался «в них угадать образ мыслей и язык тогдашних времен». В письмах к друзьям Пушкин не скрывал радости по поводу получения высочайшего разрешения, открывавшего ему доступ к государственным архивным материалам. «Зимой, – писал он П. Нащокину, – зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем». Мысль о предстоящей исследовательской работе не оставляла поэта. Царь, писал он П. Плетнёву, «открыл мне архивы с тем, чтоб я рылся там...». Чуть позднее увлечённый Пушкин разъяснял своё намерение «рыться в архивах для составления Истории Петра I». И, наконец, грустная констатация в письме М. Корфу всего за несколько месяцев до гибели: «Какое поле – эта новейшая рус-

Николай Михайлович Карамзин

ская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять!»

Отношение Пушкина к своему дворянству следует рассматривать в контексте понимания и художественного отображения поэтом важной роли древних родов в становлении и развитии российской государственности. Не раз, поднимая тему прямой взаимосвязи судеб дворянских родов с историческими судьбами России, Пушкин противопоставлял родовое дворянство, отличавшееся независимостью суждений, честью, воинской доблестью, верностью убеждениям, высокой духовностью и культурой, новой знати, возвысившейся в XVIII веке благодаря фаворитизму и придворной службе. Пушкин сожалел, что «бледнеет блеск и никнет дух» древнейших боярских родов.

Проявляя постоянный интерес к биографии предков, считая моральным долгом отстаивать достоинство ушедших поколений древнего рода, Пушкин написал стихотворение «Моя родословная». Факты, обретаемые поэтом, копились и приумножались. «Имя предков моих встречается поминутно в на-

шей истории», – записал поэт, среди прочего отметив, что «четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых...» А в письме к А. Дельвигу он уже сообщал: «Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту! Да двое руку приложили за неумением писать!» (Не четверо или шестеро, а на самом деле семь представителей рода Пушкиных участвовали в избрании российского государя. – Прим. авт.)

Пушкин ценил историческую роль древних родов. Старинные родословные для него – славнейшая летопись служения Отечеству. Принадлежность поэта к древнему роду, берущему начало от легендарного Радши – сподвижника Александра Невского, – позволяла Пушкину причислять себя к представителям «древнего и подлинного дворянства». Отец поэта Сергей Львович, отмечавший родственные и дружеские связи своего родителя со «знатнейшими фамилиями Российской империи», обратился к императору Александру I с прошением «сыну моему Александру выдать свидетельство о дворянстве». Свидетельство Герольдии, полученное поэтом, подтверждало, «что он происходит от древнего дворянского рода Пушкиных, коего герб внесен в общий дворянских родов гербовник и высочайше утвержден...»

Гордиться славой своих предков, отмечал поэт, не только можно, «но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие». Пушкин относился к своим предкам с великим почтением и уважением: «Я чрезвычайно дорожу именем моих предков...»

*Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдалённой старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трёх строках Карамзина.*

Пушкин боготворил автора «Истории государства Российского». «Читаю только Карамзина да летописи», – признавался он В. Жуковскому. И после смерти великого историка Пушкин поддерживал тёплые отношения с его близкими родственниками, к

Сергей Сергеевич Кушников

каковым, несомненно, относилась семья любимого племянника Карамзина по материнской линии Сергея Сергеевича Кушникова (его мать, Екатерина Михайловна, была старшей сестрой писателя-историка). Жизнь и деятельность этого верного сподвижника генералиссимуса А. В. Суворова, позднее сенатора, губернатора Москвы и Петербурга, члена Государственного Совета получила высокую оценку Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского и других именитых современников. Карамзин писал о Кушникове: «Россия может гордиться таким сенатором, а человечество таким человеком». Его образ запечатлён выдающимися русскими художниками В. Боровиковским и В. Тропининым. Признанием заслуг Кушникова явилось воссоздание О. Монферраном и П. Клодтом его облика рядом с фигурами других верных сынов России на пьедестале памятника Николаю I в Петербурге. Его могила с эпитафией Вяземского до сегодняшнего дня бережно сохраняется на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Пушкин был хорошо знаком с дочерьми Кушникова Елизаветой и Софьей и его женой Екатериной Петровной Бекетовой, бывал же-

ланном гостем в домах их близких родственников. Брат жены Кушников Платон Бекетов, когда-то однокашник Карамзина по пансиону доктора философии И. Шадена, а ныне первый председатель Московского общества истории и древностей российских, известный меценат и коллекционер, владелец лучшей в Москве типографии, где печатались Н. Гнедич, В. Жуковский, И. Дмитриев, В. Измайлов, А. Мусин-Пушкин и, разумеется, Н. Карамзин, приобрёл под Симоновым монастырём просторный загородный дом на берегу Москвы-реки, в котором бывали букинист П. Котельников, издатель «Москвитянина» М. Погодин, историк Бантыш-Каменский, литератор А. Мерзляков, археологи И. Снегирёв и К. Тромонин, поэт С. Глинка. Предполагается, что именно здесь, в доме родственника и друга, Карамзин написал «Бедную Лизу», после выхода которой и Лизин пруд вблизи Симонова монастыря, и древняя сосновая Тюфелева роща стали излюбленным местом гуляния москвичей. Изысканные дамы приезжали сюда собирать ландыши, зная, что здесь их собирала героиня повести.

Владельцем рощи был министр полиции генерал Александр Дмитриевич Балашов, женатый на Елене Петровне Бекетовой, единокровной сестре и Платона Бекетова, и жены С. С. Кушникова. Ставший прототипом одного из героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир» Балашов хорошо знал Пушкина и, как член Государственного Совета, в своё время немало поспособствовал прекращению длившегося два года политического процесса по делу о распространении стихотворения Пушкина «Андре Шенье». Балашов живо откликнулся на предложение поэта, пожелавшего ходатайствовать за своего товарища о приобретении у Балашова участка земли для хозяйственных нужд. Товарищем, в судьбе которого Пушкин принимал живейшее участие, был Павел Воинович Нащокин, ближайший друг поэта последних лет. «Дай бог мне зашибить денегу, – писал Пушкин чуть ранее Нащокину, – тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведем тебя с сожительницей, заведем мельницу в Тюфлях, и заживешь припеваючи и пишучи свои записки».

Хозяин Тюфелевой рощи подтвердил Пушкину письмом, впервые опубликованным В.Я. Брюсовым в 1903 году, своё намерение продать участок земли в имении, «под Симоновым монастырем находящемся и называемом Тюфили», сколь возможно учтя пожелания великого поэта. В полное собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина вошло письмо к А.Д. Балашову с изъявлением признательности и благодарности за проявленное внимание и участие в решении этого вопроса.

И вскоре поверенный Павла Нащокина А. Кнерцер уведомил поэта о том, что «посредством покровительного Вашего посредничества» всё сладилось самым лучшим образом. Сохранились письма Нащокина и Кнерцера, отправленные Пушкину из Тюфелевой рощи в январе 1834 года. Кнерцер писал: «Посчастливилось мне получить одно из важнейших под самую Москву для мануфактурных заведений место, Туфелево, на каковое <...> и поселился временным владельцем <...> хи-

С. С. Бибикова

жине моей, на самом берегу реки Москвы построенной...»

Сенатор С. С. Кушников жил в Петербурге на Гагаринской улице в новом собственном доме вместе с дочерью Софьей и зятем Дмитрием Гавриловичем Бибиковым – легендарным героем Отечественной войны 1812 года, генералом от инфантерии, а позднее министром внутренних дел. На верхнем этаже вместительного дома поселилась тётка Кушникова Екатерина Андреевна Карамзина, сестра поэта П. А. Вяземского, одна из самых выдающихся женщин своего времени. Здесь, в уютной гостиной, собирался весь цвет золотого века русской культуры. Вечера начинались в десять и длились иногда до двух часов ночи. Желанными гостями всегда были А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Вл. Одоевский, В. Жуковский, Н. Муханов, П. Вяземский, поэт и остролов И. Мятлев. Именно здесь Лермонтов впервые прочитал стихи из «Демона», а Гоголь – первые главы «Мёртвых душ». Именно здесь, в этом доме, Лермонтовым были написаны знаменитые строки: «Тучки небесные, вечные странники...» Сам Кушников считался автором анонимно изданного памфлета «Разговор в царстве мёртвых с Екатериной II». По словам современника, это был единственный дом, «где не играли в карты и говорили по-русски». Известный литератор граф В. А. Соллогуб называл гостиную Карамзиной «самой остроумной и учёной гостиной в Петербурге», а устраиваемые здесь приёмы, по его мнению, «носили отпечаток самого тонкого вкуса, самой высокопробной добропорядочности».

Пушкин – постоянный и желанный гость, почти ежедневный посетитель кушниковского дома. Мы узнаём салон и его милую хозяйку Е. А. Карамзину в черновых строфах «Евгения Онегина»:

*В гостиной истинно дворянской
Чуждались щегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей.
Хозяйкой светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал её ушей
Живую странность своей.*

Карамзина постаралась окружить поэта заботой и вниманием. В свою очередь, сам поэт постоянно проявлял к ней прочную и глубокую привязанность. Именно у Карамзиной Пушкин просил совета и разрешения на брак с Натальей Гончаровой. Именно Е. А. Карамзину хотел видеть в последние минуты жизни умирающий поэт. «Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, а потом махнул, чтобы я вышла, – записала Карамзина. – Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять протянул мне руку и сказал тихо: "Перекрестите еще", тогда я опять, пожавши еще раз его руку, я уже перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке; он ее тихонько поцеловал и опять махнул». В письме к сыну Андрею проявились все благородные черты характера Карамзиной, её понимание значения Пушкина для русской культуры. «Пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестью; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина! Он дрался в среду на дуэли с Дантезом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вчера, в пятницу, отлетел от нас...»

Кушников встречался с Пушкиным и на литературных вечерах, устраиваемых И. Дмитриевым, В. Жуковским, П. Вяземским. 14 июля 1833 года Пушкин и Кушников были на обеде, устроенном петербургскими литераторами в честь ныне почти забытого поэта И. Дмитриева, автора «Модной жены», «Чужого толка», а главное – популярного тогда романа «Стонет сизый голубочек». Племянник Кушникова и родственник Карамзина, Иван Иванович Дмитриев был личностью яркой и незаурядной, успешно сочетал свои творческие таланты с преуспеванием на поприще государственной службы. «В ранге действующего тайного советника, он любил литературу <...> Министр юстиции <...> русский помещик – без долгов; поэт <...> с которым всегда приятно проводить время, приветливый, ласковый», – писал о нём историк М. Погодин. Дмитриев напечатал 16 стихотворений в лучшем журнале того времени – «Вестнике Европы», издаваемом Карамзиным. В. Жу-

ковский, посылая ему в подарок портрет Гёте, писал: «Ваши стихи (Переводы из Гёте. – Прим. авт.) были первые выученные мною наизусть... и первые же мною написанные стихи были их подражанием... Вы мой учитель». На обеде в честь И. Дмитриева Пушкин и Кушников участвовали в подписке на устройство памятника Н. М. Карамзину в Симбирске. Сохранился подписной лист с их именами. В письме к Дмитриеву Пушкин восторженно писал о его творчестве: «Утешительно для всякого русского видеть живость Вашей деятельности и внимательно-сти... Живите ж долго, милостивый государь! Переживите наше поколение, как мощные и стройные стихи Ваши переживут тщедушные нынешние произведения».

Приверженность поэта самой идее подлинного русского дворянства не могла остаться незамеченной не только в кругу друзей, но и среди откровенных врагов, кои усматривали во многих строках Пушкина лишь прямое и колкое указание на ущербность своего происхождения. Недоброжелатели из числа «сильных мира» стремились унижить поэта, преуменьшая общественное значение его творчества. «Обида, – отмечал первый биограф Пушкина П. Анненков, – наносилась <...> самым чувствительным сторонам его существования: <...> его чувству русского дворянина, равного по своему происхождению со всяким человеком в империи, на каком бы посту он ни стоял». Но Пушкин «с увлечением старался противопоставить в отпор гордости чиновничества и вельможества двойную <...> гордость знаменитого писателя, а затем и потомка знаменитого рода, часто поминаемого в русской истории». Деликатнейший Анненков утверждал, что Пушкин «сделал из этой темы нечто вроде знамени для борьбы с господствующей партией».

Дворянство позволяло Пушкину в обстановке несвободы и усиливающегося давления со стороны этой «господствующей партии» сохранять ощущение внутренней свободы и независимости, что было неременным условием и важным источником его творчества. И вот ценнейшее признание самого поэта: «Мы можем праведно гордиться: наша словесность не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы...» В этом – весь Пушкин, неподвластный превратностям судьбы и в самых сложных жизненных ситуациях заявлявший: «Я сумею осуществить свои права русского дворянина». Но остановить поток обвинений в аристократизме, в подражательстве Байрону поэту было не под силу.

Казалось бы, что может быть общего во взглядах Фаддея Булгарина, Виссариона Белинского и Максима Горького?! Активное неприятие дворянского начала в мировоззрении и творчестве Пушкина. Злобная статейка Булгарина в «Северной пчеле» с оскорбительными нападками на предков поэта... Мнение о классово ограниченной дворянской окраске мировоззрения Пушкина, распространяемое Белинским, считавшим опре-

Е. М. Кушникова

А. Д. Кушникова

деление «народный» применительно к поэту «верным лишь наполовину»... Откровенное и бесцеремонное горьковское «Всё дворянское, всё временное – это не наше, это чуждо и не нужно нам...»

От революционных демократов не укрылись и патриотические чувства поэта. «Эта спесь, конечно, столь же мало извинительна, как и доведенный до крайности аристократизм лорда Байрона», – писал А. Герцен более десяти лет спустя после гибели Пушкина, указав, между прочим, на «недостаток гордости и сопротивления» у поэта. Согласие Пушкина поступить на государственную службу Герцен расценил как странную податливость, в которой «узнаешь дурную сторону русского характера». Николай Добролюбов считал Пушкина «натурой неглубокой», но живой, лёгкой и увлекающейся, которая «вследствие недостатка прочного образования... под руководством французских эмигрантов конца прошлого столетия» просто не могла «проникнуться духом русской народности...»

События 1917 года принесли, по словам очевидца, «небывалое ожесточение и огрубление во всех без исключения слоях русского народа». Потомки старинного дворянского рода Кушниковых с болью и тревогой воспринимали происходящие изменения. Елена Михайловна Кушникова, родная бабушка автора этих строк, стойко и бесхитростно сохраняла верность родовой исторической памяти, учила детей и внуков не поддаваться политической конъюнктуре. В её доме всегда висел портрет А. С. Пушкина. Русской культуре, предсказывал Вл. Ходасевич, «предстоит полоса временного упадка и помрачения. С нею вместе омрачен будет и образ Пушкина». Ходасевич был убеждён, что «большевикам не нужен и вреден не только пушкинизм, но и, прежде всего, сам Пушкин».

Патологическое презрение к культуре и истории, к её святыням и символам, отсутствие чувства исторических корней находило выражение в попытках ниспровержения героев прошлых времён. Уже совсем пророчески Ходасевич написал: «Время гонит толпу людей... шумя и теснясь, толпа топчет

треножник поэта». Александра Дмитриевна Кушникова, в худших предчувствиях в связи с дискуссией о грядущем запрете Пушкина, заставила своих дочерей выучить его произведения наизусть, чтобы потом в устной форме передать его бессмертные строки детям. По прошествии многих лет, уже в старости, устраивая домашние вечера, сёстры часами декламировали Пушкина, изумляя собравшихся (по воспоминаниям В. И. Газетова – внука А. Д. Кушниковой).

Чтобы хоть как-то ослабить разрушительные колебания, предпринимались весьма оригинальные и неожиданные попытки смыть с поэта «клеймо монархических убеждений». Слишком увлекшемуся «своей любовью к поэзии Пушкина» В. Брюсову на «нечто подобное» публично указал А. Луначарский. Брюсов знал, что его упрекали в старании «выставить Пушкина революционером и почти коммунистом, чтобы "обелить" его образ в глазах современного русского человека». Несмотря на всю фарсовость и курьёзность ситуации, Брюсов посчитал необходимым отметить, что коммунистом представлять Пушкина нелепо, но в том, что «Пушкин был революционером», у него лично сомнений нет никаких. «Это мое решительное убеждение». Однако, видимо, указание наркома просвещения всё же возымело действие, и Брюсов вскоре признал, что «Пушкин родился в дворянской семье, воспитывался в кругу дворян-помещиков. При всем своем гении, Пушкин <...> не мог не поддаваться идеологии этой среды, этого класса». Поэтому некоторые выражения великого поэта «режут современный слух».

Сам же Пушкин, озорно и гордо заявляя: «Бояр старинных я потомок», по поводу того, что ещё Добролюбов лукаво обозначил «генеалогическими предрассудками», писал: «Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками, дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой...»

Алла БЕЛЯЕВА,
историк-генеалог
Фото: Роман ФЕРАРУ

СЛОВО О ПОДВИГЕ БЛАГОЧЕСТИЯ ОТ СОЛУНСКИХ БРАТЬЕВ ДО ОТЦА ИОАННА (МАСЛОВА)

ИЗУЧЕНИЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ В АРХИВАХ И ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩАХ МОСКВЫ, С.-ПЕТЕРБУРГА, МНОГОЛЕТНИЙ ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ПЕДИНСТИТУТА НЕ ТОЛЬКО ПОЗВОЛЯЮТ ОТМЕТИТЬ ЖАНРОВОЕ И СТИЛЕВОЕ БОГАТСТВО И СВОЕОБРАЗИЕ ЭТОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЕЁ ИДЕЙНУЮ И СОДЕРЖАТЕЛЬНУЮ ГЛУБИНУ, НО И ОЦЕНИТЬ ПОДВИГ УЧЕНЫХ МЕДИЕВИСТОВ А. С. ОРЛОВА, Н. К. ГУДЗИЯ, В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ, Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА, А. В. ПОЗДНЕЕВА, А. М. ПАНЧЕНКО, А. Н. РОБИНСОНА, О. А. ДЕРЖАВИНОЙ, А. В. ТВОРОГОВА, О. В. ТВОРОГОВА, А. С. ДЕМИНА, О. И. ФЕДОТОВА, СУМЕВШИХ В УСЛОВИЯХ БЕЗБОЖНОГО ВРЕМЕНИ СОХРАНИТЬ НЕЗАМУТНЁННУЮ ДУШУ И УБЕРЕЧЬ НАУКУ ОТ ВУЛЬГАРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ. МОЙ УЧИТЕЛЬ Н. И. ПРОКОФЬЕВ ПИСАЛ О РЕЛИГИОЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ МЫСЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПИСАТЕЛЯ И ЧИТАТЕЛЯ.

ВОЗГЛАВЛЯЮТ СОНМ ПОДВИЖНИКОВ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ПРОДОЛЖИВШИЕ АПОСТОЛЬСКИЕ ДЕЯНИЯ СЯТЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ, КНЯГИНЯ ОЛЬГА И КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, КРЕСТИТЕЛЬ РУСИ; ДАЛЕЕ ОТМЕТИМ ПЕРВОГО РУССКОГО МИТРОПОЛИТА ИЛЛАРИОНА И ТУРОВСКОГО ЕПИСКОПА КИРИЛЛА, ОГНЕННЫХ ПРОПОВЕДНИКОВ СЛОВА БОЖИЯ, УПОДОБИВШИХСЯ КРАСНОРЕЧИЕМ СЯТИТЕЛЯМ ВАСИЛИЮ ВЕЛИКОМУ И ИОАННУ ЗЛАТОУСТУ; СОСТАВИТЕЛЕЙ ЖИТИЙ СЯТЫХ ПРЕПОДОБНОГО ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО И СЯТИТЕЛЯ ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО; ПРЕПОДОБНЫХ ИОАННА РЫЛЬСКОГО, АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО, СЕРАФИМА САРОВСКОГО.

От одних, как святая равноапостольная княгиня Ольга, до нас дошло только одно выражение, сформулированное чётко, кратко и афористически ёмко, словно Божественное откровение, послужившее укором сыну Святославу и заветом потомкам: «Чужих земель ищещи, а своей не блюдеши».

Беречь единство и независимость Русской земли – разве не за это пожертвовали своей жизнью страсотерпцы Борис и Глеб в 1015 г.?

Разве не это составило основу нравственного подвига князей Александра Ярославича Невского в XIII в., Дмитрия Ивановича Донского в XIV в., патриарха

Ермогена и старца Иринарха Ростовского в Смутное время?

О старце Серафиме Саровском рассказывают письма, воспоминания, но его призывы «стяжать дух мирен» продолжают действовать благотворно на всё новых и новых почитателей. Яркое тому свидетельство – встреча мощей святителя в его родном городе Курске.

Святитель Тихон Задонский, как и наш великий современник схиархимандрит Иоанн (Маслов), оставил огромное творческое наследие, содержащее бесценные педагогические идеи, учение о спасении души. Реализации воспитательного потенциала трудов отца Иоанна посвятили свою деятельность Н. В. Маслов, возглавляющий общество «Наследники Александра Невского», Московская педагогическая академия, участники Глинских чтений.

Подвиги святых не только не порастают травой забвения, напротив, – с течением времени значимость их высвечивается всё отчётливей, что Д. С. Лихачёвым сформулировано как монументально-историческое видение.

Профессор Н. И. Прокофьев, составитель «Хрестоматии по древней русской литературе», открывает её сочинением болгарского писателя конца X века Черноризца Храбра «О письменах», где засвидетельствовано, что «словене не имели книг, но будучи язычниками, резами и чертами писали и гадали» и, приняв христианство, сначала писали римскими и греческими письменами, а святой Константин Философ, муж праведный и истинно любящий, составил тридцать восемь букв, одни по образцу греческому, другие по славянской речи».

Мы со студентами начинаем практические занятия по изучению древней русской литературы со знакомства с подвигом Солунских братьев, а заканчиваем в Дни славянской письменности и культуры шествием к памятному знаку этим святым.

Имена подвижников у всех на слуху, ибо они относятся к великим святым: трижды в году совершается их память – 27 февраля, в день кончины философа Константина (869), 19

апреля – святителя Мефодия (885) и 24 мая – в честь равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей словенских.

Светский календарь называет этот майский день Днём славянской письменности и культуры. В 1993 г. Московский Патриархат к этому празднику подготовил документ. Имена просветителей настолько популярны, что их не могла затенить и застойная атеистическая эпоха, ныне же они символизируют единение православия и светской культуры, как и единение славянских народов.

У древнерусского летописца Нестора следует поучиться логике формулы братства народов: «Учитель словен – апостол Павел и с тех же славян и мы – Русь, поэтому и нам, Руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископа и наместника Андроника. А славянский народ и русский – один». Тот же автор, Нестор, сообщает о равноапостольской святости княгини Ольги и князя Владимира, рассказывая о посещении вторым Христовым апостолом Андреем места будущего Киева с предсказанием принятия христианства: «Здесь воссияет благодать Божья».

Подвиг Кирилла и Мефодия (в миру Константина и Михаила) был оценён уже современниками и даже римским папой, что зафиксировано в письмах. Канонизация святых требовала составления о них житий по всем правилам классического агиографического жанра в византийской традиции. Так, в «Пространном житии Константина Философа», составленном в IX в. Климентом Охридским, читаем: «В городе Солунь жил муж, благородный и богатый, по имени Лев, который занимал должность друнгария (с греч. – *предводитель небольшого подразделения провинциального войска*. – В. П.). Он был благоверен и праведен, строго соблюдал все Божии заповеди, как некогда Иов. Он жил со своей супругою (Марией. – В. П.) и родилось у них семеро детей: седьмой, самый младший, и был Константин Философ, наставник наш и учитель». Заметим, что в «Успении Кирилловом» подчеркивается особо, что по национальности он болгарин.

В XI в. составитель «Жития Климента Охридского» (ученика Мефодия) свидетельствует, что братья не только «сотворили славянскую азбуку, которая соответствовала звукам болгарского языка. Они перевели и богодухновенные писания с греческого на болгарский язык и постарались передать Божественные знания самым одарённым из учеников своих, среди которых первыми избранниками были Горзд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва».

Разумеется, современники подробно рассказывали о всём подвижническом пути Солунских братьев, как вначале князя Ростислав, Святополк и Коцел обратились к царю Михаилу: «Земля наша крещена, но нет у неё учителя, который бы наставил и поучил нас и объяснил святыя книги, ибо не знаем мы ни греческого языка, ни латинского».

Они сначала перевели «Апостол» и «Евангелие». «И рады были, что услышали они о величии Божиим на своем языке», – восхищается составитель «Жития». Отметим, что и первой печатной книгой российского друкаря Ивана Фёдорова был «Апостол» (1564) – это ли не акт переключки просветительских деяний через века! Затем последовали «Псалтирь», «Октоих» и другие книги.

Мефодий, будучи епископом в Паннонии, посадил двух священников, хороших скорописцев, и перевёл все книги с греческого на словенский всего за полгода (!), начав в марте и закончив 26 октября... Русский летописец Нестор не мог пропустить этот уникальный факт необычайного трудолюбия, работоспособности и не подчеркнуть его особо.

О подвиге Мефодия и Кирилла известным болгарским поэтом и прозаиком Славой Христовым Караславовым написан увлекательный исторический роман «Солунские братья».

* * *

Древнерусский писатель исключительное значение придавал книге...

«Добро есть, братия, почитание книжное, паче всякому христианину, блажен ибо, рече, испытующие сведения его, всем сердцем взыщут...» («Слово некоего калугера о

четырёх книг» входит в «Изборник Святослава» 1076 г.)

А вот отрывок из «Повести временных лет»:

«Велика бо бывает польза от учения книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянию, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных». И далее патетический гимн книге из слов, идущих из глубин душевных: «Се бо суть реки, напояющие вселенную. Се суть исходящи мудрости; книгам бо есть неисчетная глубина... Мудрость бо велика есть. Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей. Иже бо кто книги часто чтет, то беседует с Богом или святыми мужи. Почитая пророческий беседа, иуангельская ученья и апостольская, и жития святых отец въспреемлет велику пользу».

Важнейшее завоевание культуры – слово, язык. Сын Божий учил народ образным словом, вкладывая в него символику, полисемичность. Притча о сеятеле и её истолкование – замечательный тому пример. Притча о рабе, зарывшем в землю талант, будоражит сознание, зовёт к трудолюбию и спасению души.

Именно спасение души – цель учения Иисуса Христа, вот истинная цена подвига святых апостолов. Плач ветхозаветного пророка Иеремии с его призывом «аще мы умолчим, то камень возопиет», слёзы апостола Петра, послания апостола Павла, может быть, самого мудрого из двенадцати учеников Христа, который из гонителя стал наиболее ревностным и последовательным его проповедником. В четырнадцати его посланиях изъясняется суть христианства, дарованного человечеству для спасения души. Величие веры, жертвенного подвига сына человеческого глубоко и сердечно разъясняются в этих посланиях.

Сегодняшний студент, постигая книжное учение, столь же нуждается в наставнике, как и отрок Варфоломей, опечаленный первыми трудностями и неудачами. Благословенный старцем отрок стал великим подвижником, игуменом Земли Русской. Он сумел вселить веру не только в Московского князя Димитрия Иоанновича, но и князьям подать милость Божью, укрепить в брани с грехами смут и распрей, чтобы встать под знамёна, перейти Дон

у Непрядвы и сразиться на поле Куликовом с безбожным Мамаем «за землю русскую, за веру христианскую», как записал автор «Задонщины» Софоний Рязанец.

Именно конец XIV – начало XV в., когда вновь крепнут связи Руси со славянскими странами, набирает силу учение умной молитвы, появляются великие святые, книжники-подвижники Стефан Пермский, составивший азбуку зырян, Епифаний Премудрый, сочинивший жития Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Стефана Пермского, – именно это время связано с приходом великого иконописца Андрея Рублёва, причисленного в 1988 г. к лику святых.

Мы стараемся использовать и тот немалый воспитательный потенциал, который таит в себе изучение произведений Смутного времени о патриархе Ермогене, огненное слово которого звало христиан к освобождению Руси; о старце Иринархе Ростовском, силе духа которого поражались и соотечественники, и недруги.

Одно из главных занятий святого – чтение священных книг.

А какими качествами обладали родители святого? Прежде всего, они были благочестивы и нищелюбивы. При этом благочестие подразумевало не простое знание заповедей Христа, а постоянное следование этим заповедям в жизни. Суть молитвы: «Господи, помилуй мя грешного» – в испрошении милости для борьбы с греховными помыслами. Для укрепления в чистоте сердечной, жаждущей правды и истины, тех неотъемлемых качеств, которые и делают человека блаженным.

Учение Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен», не суди, – это путь к стяжанию Святого Духа. Путь к спасению через молитву, пост, бдение святитель прошёл по всем ступеням святости, совершив подвиг жизни.

Важнейшее качество древнерусской литературы – её учительность. И тесная связь с Библией – тоже. Писатели стремились события Руси ввести в контекст библейской и всемирной истории.

Труды святителя Тихона Задонского, составляющие огромное творческое наследие по толкованию учения Христа, книг Священного Писания, его учение о спасении недаром

избрал объектом изучения учёный, богослов, старец, схиархимандрит Иоанн (Маслов).

Мы уже имели возможность рассмотреть труды Иоанна «Симфония по трудам святителя Тихона Задонского», «Тихон Задонский и его учение о спасении», «Глинский патерик», «Глинская пустынь. История обители» в контексте древнерусского литературного наследия и оценить подвиг учёного, писателя, богослова для воспитания учащихся.

ВЫШЕСКАЗАННОЕ ПОЗВОЛЯЕТ СДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ВЫВОДЫ:

1. Светочи книжной культуры, начиная с болгарских равноапостольных святых, учителей Кирилла и Мефодия, русских летописцев Никона Великого, Иллариона, Нестора до Епифания Премудрого, патриарха Ермогена, святителя Тихона Задонского и схиархимандрита Иоанна (Маслова), показывали роль христианского наследия, они создали учение о спасении души человека.

2. Деяния святых подвижников служат примером для усвоения заповедей блаженства, учения Иисуса Христа, показывают пути благочестивой жизни.

3. В основе учения Иисуса Христа, апостола Павла, святых подвижников – любовь. Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий (1 Кор. 13,1).

4. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) для своего творчества как учёный-богослов, писатель избирал адекватные собственному образу мысли, жизни, идеалы святых Тихона Задонского, Амвросия Оптинского, Серафима Саровского, Глинских старцев.

5. Жития святых как наиболее читаемый и почитаемый жанр древнерусской литературы и ныне сохраняют богатейший нравственный потенциал, который, по мере сил, мы используем в своей практике.

Скорбь о грехах мира вселяет надежду на возрождение человека, на его спасение. Да и человечества тоже.

Будем служить этому в меру сил и способностей наших.

Василий ПОПКОВ,
г. Мичуринск

СКОРБЯЩЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

ВОТ УЖЕ ТРЕТИЙ ГОД ИДУТ РАБОТЫ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ КЛАДБИЩА ВОЗЛЕ СКОРБЯЩЕНСКОГО ХРАМА ГОРОДА МИЧУРИНСКА, В РАЙОНЕ ГОРОДСКОГО АВТОВОЗЛАЛА.

Напомним читателю, что это кладбище – не просто место захоронения наших предков, а старейший некрополь из сохранившихся в городе. Это место представляет собой уникальный мемориальный комплекс XVIII–XX веков. Здесь покоится прах участников Отечественной войны 1812 года, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, родственников гениального русского композитора С. В. Рахманинова, духовенства города, детей, родственников и последователей великого учёного-селекционера И. В. Мичурина. А в купеческих склепах кладбища почивают благодетели и устроители Козлова-Мичуринска, в числе которых и купцы Вороновы, принимавшие личное участие в строительстве большинства храмов города. Также здесь нашли упокоение православные, пострадавшие в годы советского гонения на Церковь. И, пожалуй, самая известная могила Skorbyashenskoye кладбища – могила мичу-

ринской подвижницы благочестия схимонахини Серафимы (Белоусовой), которая горячо любима и почитаема в народе.

ПОТРЕБНОСТЬ В НАВЕДЕНИИ ПОРЯДКА

За несколько предыдущих десятилетий кладбище обильно заросло кустарниками и деревьями и превратилось практически в непроходимые дебри. Многие из этих деревьев сгнили изнутри и представляли реальную угрозу захоронениям, а также людям, которые приходили поклониться праху предков. Достаточно много крестов, памятников и оград было искорежено или полностью разрушено обрушившимися деревьями. Потому остро назрела потребность в наведении порядка в пределах некрополя.

Весной 2015 года по благословию Преосвященнейшего епископа Гермогена на средства члена Совета Федерации Бориса

Александровича Невзорова под руководством настоятеля храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», благочинного Мичуринского благочиннического округа протоиерея Алексия Гирича приступили к активному и очень трудоёмкому опиливанию старых деревьев. Нужно было вести работу предельно осторожно, чтобы ещё больше не навредить могилам. Для этого были наняты специалисты с профессиональным оборудованием, которые смогли выполнить опил деревьев аккуратно.

Позже на месте вырубленных трухлявых тополей и вязов были высажены молодые сосны. К сожалению, сосны прижились далеко не все. Одной из причин гибели саженцев стали гербициды. Ими начали обрабатывать остатки старых деревьев, выкорчёвывать которые в условиях кладбища просто невозможно. А так как корни у взрослого дерева значительные, процесс протравливания не одноразовый и занимает порой несколько лет. Но обойтись без этой процедуры нельзя. Пни от корней дают поросль, подчас гораздо гуще, чем было прежде. И если не обрабатывать химией, то вся работа по расчистке кладбища окажется напрасным делом. Организаторы наведения порядка просят прощения за некоторые неудобства у людей, могилы чьих родственников находятся на этих участках: возможно, на них завяли и посаженные ранее цветы или декоративные кустарники. Но, повторимся, без этих мер кладбище в скором времени снова превратилось бы в непролазные джунгли. А ведь многие мичуринцы уже смогли оценить сложившийся вид опилённого кладбища и открывшийся в результате взорам горожан храм. Эта картина создаёт и лицо города, особенно для гостей, приехавших на автобусах. Ведь именно Скорбященский храм и окрестности люди видят в первые минуты пребывания в наукограде.

В ближайшее время планируется завершение обработки от поросли и повторная посадка аккуратных деревьев. Возможно, это будут сосны, рябины или что-то ещё, что не имеет размашистых крон.

Напомним также, что 1 мая 2015 года в рамках празднования 70-летия Победы в

Великой Отечественной войне и всероссийской акции «Сирень Победы» вдоль кладбищенской ограды со стороны Липецкого шоссе была разбита аллея памяти из сортовых кустов сирени.

РАБОТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Работы по благоустройству старого городского кладбища продолжаются.

В конце прошлого года на центральной аллее было установлено новое световое оборудование. Теперь даже в тёмное время суток по территории кладбища можно пройти безопасно.

В начале лета были проведены работы по демонтажу старых труб центрального отопления. Сегодня в рамках большого ремонта в Скорбященском храме проведён газ, система отопления изменена, а трубы, портившие внешний вид, стали ненужными.

После того как кладбище обнажилось от зарослей деревьев, стал явно виден несколько убогий вид многих и многих могил. И мичуринцы уже самостоятельно принялись за наведение порядка. Прежде люди боялись за сохранность памятников и не спешили менять подгнившие кресты. Теперь же на некоторых могилах начинают появляться новые кресты и ограды. Можно увидеть и свежие памятники.

Священники, служащие в Скорбященском храме, рассказывают, что достаточно часто прихожане говорят слова благодарности за возможность навести должный порядок у захоронений близких людей.

Назрела и явная потребность в реконструкции значимых некрополей. Над могилами священников, прах которых покоится за алтарём Скорбященского храма, постепенно начали устанавливать новые памятники. Было принято решение, что памятники должны быть близки по исполнению, чтобы создавать своеобразный комплекс. За основу были взяты дореволюционные памятники, представляющие собой надгробный камень с крестом. В прошлом году был установлен памятник диакону Александру Силантьеву и его матушке Серафиме Сергеевне. А уже в

этом году, в конце июня, состоялось освящение памятника на могиле протоиерея Петра Гридчина, почившего в 2013 году.

Отец Пётр более полувека служил у престола Божия. Начало его служения было в сложные годы советского гонения на Церковь. Когда властные структуры узнали о том, что молодой человек собрался поступать в семинарию, его часто вызывали «в кабинеты», где проводили достаточно резкие разъяснительные беседы о том, как надо жить и за кем следовать. Однако будущий священник твёрдо знал, что следовать нужно за Христом, и не боялся угроз о сломанной судьбе. Отец Пётр успешно окончил Московскую духовную семинарию и академию. Был очень грамотным и образованным священником. В его послужном списке много храмов и послушаний, однако мичуринцам он наверняка запомнился как клирик Скорбященского храма. Именно здесь отец Пётр служил в последние годы своей жизни. С амвона этого храма он часто произносил горячие, душевные и грамотные проповеди, в которых подчас раскрывал сложные догматические и богословские темы. Часто батюшка по-доброму наставлял молодых священников, задавал вопросы и призывал всегда самосовершенствоваться, повышать образованность и тем самым возрастать духовно. За опыт, доброту и открытость батюшка был очень любим паствой. Часто, когда во время богослужения выходило исповедовать сразу два священника, одним из которых был отец Пётр, большая часть исповедующихся шла именно к нему. Духовные чада отца Петра помогали в сборе средств, нужных для установки памятника.

Далее в планах установка подобных памятников всем священникам, погребённым на старом кладбище. Следующий памятник планируется установить архиепископу Рижскому и Латвийскому Филарету (Лебедеву).

Возможно, у кого-то вызовет недоумение тот факт, что прибалтийский архиерей похоронен в городе Мичуринске. Чтобы разобраться в этом, коротко вспомним о жизни владыки Филарета.

В миру архипастыря звали Александром Михайловичем Лебедевым. Родился он в кон-

це XIX века в Рязанской губернии. В 1914 году рукоположен в сан священника. В 30-е годы XX века подвергся репрессиям. Освобождён из лагерей в 1941 году, тогда же и попал на Тамбовщину. К этому времени Тамбовская епархия прекращает своё существование, так как храмы все до одного были закрыты. К 1943 году партийное руководство явно осознаёт, что у советской идеологии нет той объе-

диняющей силы, которую всегда имела вера в сердцах людей. Осенью 1943 года многие православные храмы возвращают верующим. Одним из первых в Тамбовской области открывается Скорбященский храм, в котором после закрытия в 1938 году была устроена тракторная мастерская. Храм потерял свой первоначальный облик и был изнутри скорее похож на сарай, чем на церковь. Да и священников в округе практически не осталось. Власти разыскали отца Александра и повелели открывать храм. Батюшка стал собирать верующих. Приход быстро сформировался. Радость православных мичуринцев была настолько велика, что преодолевала все невзгоды. За несколько месяцев храм был подготовлен к богослужениям. Отец Александр крепко полюбил храм и своих прихожан. В 1946 году батюшка овдовел, а через два года принял монашеский постриг с именем Филарет. 9 мая 1948 года в Москве в Патриаршем Богоявленском соборе рукоположен во епископа Рязанского и Касимовского, а в 1951 году назначен архиепископом Рижским и Латвийским. После кончины владыки 24 мая 1958 года было обнаружено его завещание, в котором архипастырь просил похоронить его на кладбище у столь любимого им Скорбященского храма в г. Мичуринске. Последняя воля архиепископа Филарета (Лебедева) была исполнена.

Сегодня нам необходимо хранить память о почившем архипастыре. И один из шагов – это возведение должного памятника на месте его захоронения.

Ни для кого не секрет, что установка памятников – дело дорогостоящее. В Скорбященском храме открыт сбор пожертвований, которые пойдут на реконструкцию священнического некрополя. Каждый неравнодушный к истории человек может оставить посильные пожертвования для установки новых памятников духовенству.

Также в планах и восстановление надгробий козловского купца Ивана Ивановича Воронова и его супруги, которые похоронены возле храма. Именно на средства И. И. Воронова была воздвигнута Скорбященская церковь.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В этом году Россия отмечает столетие революционных событий. Для Русской православной церкви это память об открытии Всероссийского церковного собора 1917–1918 годов, восстановлении патриаршества и начале гонений на верующих.

В связи с памяtnыми датами хотелось бы вспомнить о трагических событиях истории нашего города. В 30-х годах, во время жестоких репрессий против верующих, в городе Козлове было расстреляно много христиан, священнослужителей и мирян. Их расстреливали в овраге на Скорбященском кладбище и там же засыпали землёй. Народ сохранил память о месте упокоения расстрелянных верующих. Сегодня это место часто называют «расстрельной ямой».

Несколько лет назад место захоронения репрессированных за веру было расчищено, но остаётся сегодня в удручающем состоянии. Память о пострадавших в годы гонений необходимо почитать должным образом. Возможно, что именно благодаря жертве и подвигу этих людей православие на нашей земле остаётся до сих пор. Хотелось бы, чтобы «расстрельная яма» в ближайшее время превратилась в достойный мемориал, который станет для православных местом поминовения репрессированных, а для туристов, посещающих наш город, ещё одним маршрутом. Но подобные проекты необходимо реализовывать совместно с городской администрацией: сообща обсуждать инициативу, готовить, утверждать и реализовывать проект. Пока это планы на ближайшую перспективу.

Также стоит сказать, что ведутся переговоры с администрацией города об установке на территории кладбища больших контейнеров для мусора. Люди наводят порядок на могилах, а мусор фактически девать некуда. Установка контейнеров может решить проблему стихийных свалок на кладбище.

Ещё одна перспектива в области наведения порядка на Скорбященском кладбище – установка новых кладбищенских ворот.

Новые ворота планируется установить на выходе со стороны улицы Новый квартал и Липецкого шоссе, а также городского воинского кладбища. Проект новых ворот уже подготовлен архитектурно-проектной мастерской Николая Андреевича Аверочкина. Выполнены они будут по типу старых центральных ворот. Также, по дальнейшему согласованию с администрацией, бетонный забор вокруг кладбища будет перекрашен в бело-голубые цвета, что создаст визуальное ощущение комплекса с храмом.

Будет доделана и дорожка, ведущая на Липецкое шоссе. Дорожка эта появилась не случайно. После открытия нового автовокзала движение по улице Новый квартал для пешеходов стало небезопасным ввиду отсутствия там тротуара, а для машин вообще не осталось парковочных мест. Поэтому после работы специально созданной комиссии, куда вошли представители администрации и епархиального управления, на одном из широких проходов появился новый выход в сторону Липецкого шоссе. Эта дорожка выходит прямо к большой асфальтированной парков-

ке, пешеходному переходу через дорогу и к автобусным остановкам, делая кладбище и храм более доступными для всех категорий граждан.

Хочется верить, что старейший некрополь города будет сохранён для будущих поколений как памятник истории, как мемориал наших предков. ■

Роман ЛЕОНОВ,
председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии, член Союза журналистов России

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ В ОПИСАНИИ Н. В. ГОГОЛЯ И С. И. ФУДЕЛЯ

ОПИСАНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ ОТЧАСТИ МОЖНО УПОДОБИТЬ ТРУДУ КАНОНИЧЕСКОГО ИКОНОПИСЦА. СЛЕДУЯ ЗАРАНЕЕ УСТАНОВЛЕННЫМ ПРАВИЛАМ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛИКА, ОН НЕ ВПРАВЕ ОТСТУПИТЬ ОТ СЛОЖИВШЕГОСЯ ДРЕВНЕГО ОБРАЗА. ПРОЯВИТЬ ТАЛАНТ ХУДОЖНИКА И ГЛУБИНУ СВОЕЙ ВЕРЫ ИКОНОПИСЕЦ МОЖЕТ ЛИШЬ В НЕ ОГОВОРЁННЫХ КАНОНАМИ ДЕТАЛЯХ. НАПРИМЕР, В ТОМ, ЧТО ПО-СВОЕМУ ИЗОБРАЗИТ ВЗГЛЯД, МИМИКУ, ПОЛОЖЕНИЕ РУК СВЯТОГО. ПРИМЕРНО В ТАКОМ ЖЕ ПОЛОЖЕНИИ ОКАЗЫВАЕТСЯ И ПИСАТЕЛЬ, ПРИСТУПАЮЩИЙ К ОПИСАНИЮ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ. ОН ДОЛЖЕН ПРЕДСТАВИТЬ ЧИТАТЕЛЮ ВЕСЬ СТРОГИЙ ПОРЯДОК БОГОСЛУЖЕНИЯ, А СВОИ (ИЛИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ) ЧУВСТВА ВЫРАЗИТЬ В ВИДЕ ЗАМЕЧАНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ К ДЕЙСТВИЯМ СЯЩЕННИКА ИЛИ К КАКОМУ-ЛИБО МОМЕНТУ БОГОСЛУЖЕНИЯ.

С этой точки зрения интересно сравнить два описания литургии, одно из которых было сделано Н. В. Гоголем в его «Размышлениях о Божественной литургии» (издано посмертно в 1865 г.), а другое спустя более ста лет С. И. Фуделем в «Записках о литургии и Церкви» (1972–1976).

Сравнивая труды Гоголя и Фуделя, прежде всего следует отметить, что Гоголь описывает в большей степени литургику, т.е. порядок службы. В его первоначальную задачу

не входило описание чувств православного человека, присутствующего на богослужении. Сам писатель подтверждает это словами: «Из множества объяснений, сделанных Отцами и Учителями, выбраны здесь только те, которые доступны всем своей простотою и доступностью, которые служат преимущественно тому, чтобы понять необходимый и правильный исход одного действия из другого. Намеренье издающего эту книгу состоит в том, чтобы утвердился в голове читателя порядок

мирянах, их ощущениях, действиях сравнительно немного, особенно в начале повествования, но эта краткость ничуть не уменьшает глубины самих рассуждений.

«Записки...» же Сергея Иосифовича Фуделя состоят из множества отступлений с размышлениями о том, что должна чувствовать верующая душа в каждый момент литургии, насколько сохраняются в современной службе правила первоапостольской церкви. С этой точки зрения его труд, несомненно, более интересен для прихожанина, хотя, конечно, и после его прочтения чувства каждого человека, находящегося в храме, будут совершенно индивидуальны.

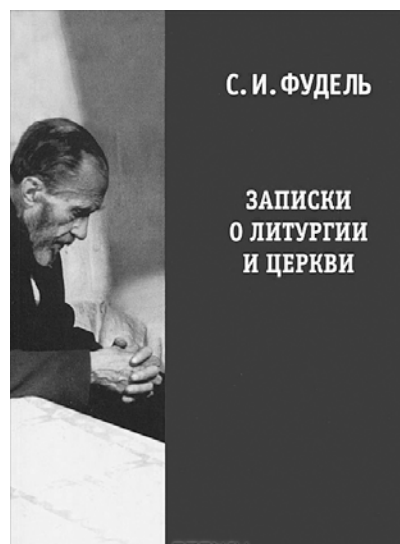
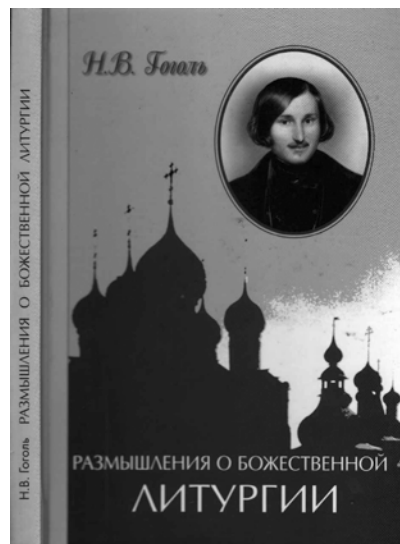
В связи с изложенным сравнивать труды Фуделя и Гоголя между собой можно только со стороны собственных отступлений авторов. Что касается самого богослужения, то описания литургии в каждой работе с точки зрения мирянина безукоризненны.

Каждый из названных трудов имеет вступление, и на нём следует остановиться прежде всего.

Первой же фразой Гоголь выражает такую мысль: «Божественная литургия есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося». И далее: «Вопли услышались: явился в мир, Им же мир бысть; среди нас явился в образе человека, как предчувствовали, как предслышали <...> но не в гордом блеске и величии, не как каратель преступлений, не как судия, приходящий истребить одних и наградить других. Нет! послышалось кроткое лобзание брата. Совершилось Его появление образом, только одному Богу свойственным...»

О таком же преклонении перед явлением Бога говорит и Сергей Иосифович. «Литургия, – пишет он, – стоит в центре христианства, а в центре литургии – "Агнец, закланный от создания мира" (Откр. 13, 8), или, как в другом месте сказано, "предназначенный ещё прежде создания мира" (1 Пер. 1, 20). Конечно, эти слова непостижимы, но пройти мимо них мы не можем. Тайна христианства начинается с вопроса о его начале. "Бог столько познается нами, – пишет преподобный Симеон Новый Богослов, – сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малой в руках зажжённой свечою"».

1 Первое и очень краткое отступление Гоголя обнаруживается при описании Малого входа. Это уже не строгое каноническое объяснение причины выноса Евангелия, а живое ощущение верующей души. «Собрание молящихся взирает на Евангелие, несомое в руках смиренных служителей Церкви, как бы на самого Спасителя, исходящего в первый раз на дело божественной проповеди: исходит он тесной северной дверью, как бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всем, возвратиться во святилище царскими вратами».

всего. Он уверен, что всякому, со вниманием следующему за Литургией, <...> глубокое внутреннее значение её раскрываться будет само собой». Тут же Николай Васильевич сообщает пытливому читателю, что «узнать более таинственные и глубокие объяснения» можно в сочинениях перечисляемых им древних авторов.

Таким образом, при тщательном описании действий священнослужителей в работе Гоголя рассуждений о

Почти таким же видится Малый вход и С. И. Фуделю: «Свеча, несомая перед Евангелием, знаменует собой Иоанна Крестителя, который был и "предтечей" Господа, и "светильником света". Этот выход Христа на проповедь осуществляется на литургии уже не символически – через несколько минут после "малого входа" чтением Слова Божия – апостольских посланий и Евангелия».

Кроме приведённых слов, Н. В. Гоголь упоминает ещё и об отходе иерея на горнее место, «как бы во глубину боговедения, отколе истекла нам тайна Всесвятыя Троицы, как бы в то возвышеннейшее, всюду носящее место, где сын пребывает в лоне Отчем единством Духа Святаго. И восхождением своим изобразует иерей восхождение самого Христа вместе с плотью в лоно Отчее, призывающее человека вослед стремиться в лоно Отчее».

Сергей Иосифович тоже делает здесь отступление относительно иерея, но отступление иного рода, относящееся к «тайной» молитве священника о том, чтобы в сердцах наших воссиял нетленный свет божественного разума Слова Божия. «В древности, – пишет он, – не было тайных молитв священников, то есть все молитвы, читаемые священником, читались им во всеуслышание: народ, составлявший Церковь, участвовал во всех молитвах её... Народ же в древности и пел все молитвы. Только с IV–V веков всё большую роль в пении начинают играть "особые" певцы – певчие, отделённые от народа. С упадком веры пение в храме, начиная с XVII–XVIII веков, всё чаще принимает совершенно не соответствующее храму оперно-концертное направление. Это одна из тяжёлых язв церковной действительности... Это надо знать, так как это всё – следы оскудения веры, а это оскудение мы должны преодолевать».

2 Следующее рассуждение Н. В. Гоголя касается момента окончания литургии оглашенных, а именно самих оглашенных. По этому поводу он пишет: «...всякий присутствующий, помышляя, как далеко он отстоит и верой и делами от верных, удостоивавшихся сопребывать Трапезе Любви в первые

С. И. Фудель

веки христиан, видя, как он, можно сказать, только огласился Христом, но не внёс Его в самую жизнь, <...> соображая всё сие, всякий из присутствующих сокрушённо поставляет себя в число оглашенных и на призвание диакона: "Помолитесь, оглашенные, Господу!" от глубины сердца взывает: "Господи, помилуй!"»

Повторяя то же размышление относительно оглашенных, С. И. Фудель распространяет его и на недопущение оглашенных к причастию. «Так было в древней Церкви. Но ещё в Средние века, в XI веке, преп. Симеон Новый Богослов советовал людям грешным, хоть уже принесшим покаяние и не находящимся под церковным запрещением, но ещё недостаточно себя освятившим новой, чистой жизнью, воздерживаться от Причастия, "пока, – пишет преподобный Симеон, – помысел твой и расположение твоё не отложатся от злых дел греховных, пока не стяжешь твёрдого намерения никогда уже не оставлять добрых дел и <...> (пока) совершенно не возненавидишь грех"». Пока же этого нет, «когда совершается Божественная литургия и священник или диакон скажет: "Елицы оглашени изыдите", – выходи из храма, и становись в преддверии храма, и <...> вспоминай о грехах своих и плачь».

С. И. Фудель пишет и о древнем правиле «не принимать приношения от такового и не возносить жертв за таких, которые грех бесстыдно совершают, чтобы и самому с ними не осудиться». «При том духовном невежестве, – считает он, – которым отличается наша церковная эпоха, трудно предположить возмож-

ность соблюдения этого указания. Но надо хотя бы знать о нём и о всей той тревоге, которую проявляли руководители Церкви в древности, начиная с апостолов, о том, чтобы святыня Церкви была в святых руках, чтобы в общении этого Таинства не оказалось среди учеников снова Иуды. На Тайной вечере он был попущен – "да сбудется Писание". Но это попущение есть страшное предупреждение на будущее и призыв к бдительности Церкви. Это надо знать и для себя лично, "да не в суд или во осуждение будет мне причащение святых Твоих Таин".

3 Приступая к описанию литургии верных, С. И. Фудель пишет: «Начиная с этих слов (Херувимской. – В. А.), совершается в храме литургия верных, и, по существу, только до этих слов позволительно нам и говорить, и писать о литургии: дальше идёт то, что выше нашего разумения, то, чем жили и живут святые». Но «не подобным ли изображается подобное?» – ссылается он далее на о. Павла Флоренского. «Значит, есть в каждом из нас что-то подобное херувиму... Есть великая по своему значению херувимская сердцевина нашей души... Бог вложил в человека лучший дар Свой – образ Божий».

Н. В. Гоголь в этом месте службы поясняет читателю слова Херувимской песни («Яко да Царя всех подыдем ангельскими невидимо дориносима чинми») обычаем древних римлян выносить к народу новоизбранного императора на щите под осененьем множества наклонённых над ним копий. По его словам, «песню ту сложил сам император, упавший в прах со всем своим земным величием пред величием Царя всех, копьеносимого херувимами и легионами небесных сил: в первоначальные времена сами императоры смиренно становились в ряды служителей при выносе Святого Хлеба».

И совсем лаконично пишет о Херувимской песни С. И. Фудель: «Через покой и свет Херувимской песни уже видна Голгофа и Христа, и Его Церкви».

4 Оба писателя с благоговением вспоминают о древнем правиле целования любви,

совершаемом в храме на возглас: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы». Подобно священнослужителям в алтаре, пишет Гоголь, «все предстоящие в церкви лобызали также друг друга, мужи – мужей, жёны – жён, произнося: "Христос посреди нас" – и тут же отвечая: "И есть, и будет"; а потому и теперь всякий предстоящий, собирая мысленно перед собой всех христиан, не только присутствующих в храме, но и далёких от сердца, спеша примириться с теми, против которых питал какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствие, – всем им спешит дать мысленно лобзание, говоря внутренне: "Христос посреди нас" и отвечая за них: "И есть, и будет": ибо без этого он будет мёртв для всех следующих священнодействий...»

Усиливая значение целования любви, Фудель приводит слова Иоанна Златоуста: «При самом также совершении страшных тайн священник молится за народ, а народ молится за священника, потому что слова "со духом твоим" означают <...> именно это. И молитвы благодарения также общие, потому что не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Получив сперва ответ от народа и потом согласие, что достойно и праведно совершаемое, начинает священник благодарение... Это сказано мною для того, чтобы каждый и из подначальных трезвился, чтобы мы знали, что все мы едино тело <...> и чтобы мы не всё возлагали на одних священников, но и сами пеклись о всей Церкви, как о теле, всем нам общем». От себя же Сергей Иосифович добавляет: «Кто-то сказал, что литургия совершается всем народом руками священника».

5 Большое отступление Н. В. Гоголь приводит при описании возношения даров: «Отложив рипиду, диакон приподнимает святой дискос и святой потир – олтарь уже не горница Тайной Вечери, престол не трапеза: он уже теперь жертвенник, на котором приносится страшная жертва за весь мир, – Голгофа, на которой совершилось заклёние Божественной Жертвы. Эта минута есть минута и жертвоприношения, и напоминания всякому о жертве Творца. Поклонение отдаётся нами

и земным властям, <...> но жертву – единому Творцу. Она не прекращалась от самого создания мира и в каком бы виде ни приносилась, требовалась не самая жертва, но дух сокрушения, с которым она приносилась... В глубоко-м сознании, что нет Богу на земле ничего достойного жертвы, каждый из предстоящих обращается мысленно к той же Чаше, которую в олтаре подымлет служитель олтаря, и восклицает во глубине своего сердца: "Твоя от Твоих Тебе приносяща, о всех и за вся..." Наступает верховнейшая минута всей Литургии: пресуществление».

Как бы в продолжение мысли Гоголя читаем у С. И. Фуделя: «Об этой минуте литургии так пишет святой Иоанн Златоуст: "Когда священник стоит перед престолом с воздетыми к небу руками, призывая Святого Духа сойти и коснуться Святых Даров, тогда бывает великая тишина"».

Сожалея об утрате древних обычаев христианской Церкви, Сергей Иосифович отмечает: «...вплоть до VI–VII веков с воздетыми руками молились в храме при разных молитвах не одни священники, но и все молящиеся... Именно этот сильнейший способ моления образует из человека распятие, делая его всего как бы крестом. А это особенно нужно на литургии – и особенно в эти минуты совершения Таинства Креста. Человек сострадает Владыке своему. Это – тайна любви Творца и твари, так соединённой с Творцом, как тело соединено с головой, – может ли быть изолировано их страдание? Вместе с Господом и Церковь восходит на Голгофу».

И ещё слова Н. В. Гоголя: «Церковный звон подымлется с колокольной возвестить всем о великой минуте, чтобы человек, где бы он в это время ни находился – в пути ли, в дороге, обрабатывает ли землю полей своих, сидит ли в дому своём, или занят другим делом, или томится на одре болезни, или в тюремных стенах, – словом, где бы он ни был, чтобы он мог отовсюду вознести моление и от себя в эту страшную минуту. Всё повергается ниц в виду Тела и Крови Господней, взывая ко Господу словами разбойника: "Помяни мя, Господи, во Царствии Твоём!"»

6 После растолкования смысла молитвы «Отче наш» Николай Васильевич добавляет: «...все предстоящие должны повторять в себе молитву сию не устами, но самой чистой невинностью младенческого сердца, <...> и самое пенье её на ликах должно быть младенческое: не мужественными и суровыми звуками, но звуками младенческими, как бы лобызающими самую душу, должна воспеваться сия молитва, да весеннее дыхание самих небес в ней слышится, да лобзание самих ангелов в ней носится, ибо в молитве этой уже не называем и Богом Того, Кто сотворил нас, а говорим Ему просто: "Отче наш!"»

Сергей Иосифович отводит «Отче наш» всего один короткий абзац, хотя смысл его слов стоит страниц иного текста: «Сейчас запоем "Отче наш", – пишет он. – Но знаем ли мы, что моление о хлебе насущном на сегодняшний день святые относили прежде всего к "Хлебу, сходящему с небес" (Ин. 6, 50) – к святому Причастию и к стяжанию Духа?»

7 И вот само причащение. Вновь дадим первое слово Гоголю: «И прочитав сие исповедание, уже не так, как к иерею, но как к самому огненному серафиму, приступает каждый, готовясь раскрытыми устами принять с святой ложки тот огнеопальный уголь Святого Тела и Крови Господа, который долженствует в нём поглотить, как нетленный хворост, весь чёрный дрязг его прегрешений, изгнав вечную ночь из души его, превратив его самого в просветлённого серафима. И когда, подняв святую ложку над устами его и упомянувши его, произнесёт иерей: "Причащается раб Божий...", приемлет он Тело и Кровь Господа, и в них приемлет минуту свидания с Богом, становясь лицом к лицу к Нему Самому. В минуте той нет времени, и ничем не отличается она от самой вечности, ибо в ней пребывает Тот, Кто есть начало вечности».

С таким же благоговением описывает причащение С. И. Фудель: «Никто не должен признавать себя достойным Причащения, а говорить: "Я недостоин, но верую, что освящаюсь Причащением". И сие исполняется над ним, по вере его Господом нашим Иисусом

Христом... Это сочетание – смирения и высоты, – этот неизречённый сплав человеческого бессилия и Божественной силы обнаруживается, конечно, не только здесь, на литургии. Здесь он только наиболее завершён. <...> Правило перед Причастием <...> вводят нас в познание истинного смирения и истинного величия человека в Боге, человека как друга Божия и бога по благодати. Нужно стараться обязательно прочитывать их перед Причастием, если только, конечно, это чтение не для успокоения себя, дающее "право" на Причастие, точно какой-то "входной билет" к Таинству, а для того, чтобы ими – этими молитвами – толкать двери сердца своего: да отверзаются».

Знаменательны заключительные слова обоих авторов о Литургии. Вот что сказано в «Заключении» у Н. В. Гоголя: «Действие Божественной Литургии над душою велико: зримо и воочью совершается, в виду всего света, и скрыто. И если только молившийся благоговейно и прилежно следит за всяким действием, покорный призыванию диакона, – душа приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо, а бремя легко. По выходе из храма <...> он глядит на всех, как на братьев. Примется ли он за обыкновенное течение своих дел в службе ли, в семье, где бы ни было, <...> сохраняет невольно в душе своей высокое начертанье любовного обращения с людьми, принесённого с небес Богочеловеком. Он невольно становится милостивей и любовней с подчинёнными. Если сам под властью другого, то охотней и любовней ему повинуются... И все прилежно слушавшие Божественную Литургию выходят кротче, милее в общении с людьми, дружелюбнее, тише во всех поступках. А потому для всякого, кто только хочет идти вперёд и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной Литургии и внимательное слушанье: она нечувствительно строит и создаёт человека. И если общество ещё не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то со-

кровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату».

Такого пространный завершения труда у С. И. Фуделя нет. Он, если можно так сказать, выразил главное уже в начале повествования о Литургии. И всё-таки конечные фразы Сергея Иосифовича прекрасны: «"И се Я с вами во вся дни до скончания века", – сказал Господь перед Своим Вознесением. Он с нами в Церкви Тела Своего. Кончается литургия, но никогда не кончается её таинство».

Как люди, обострённо чувствовавшие Бога, Н. В. Гоголь и С. И. Фудель являли это чувство и всей своей жизнью. В подтверждение приведём слова из духовного завещания Н. В. Гоголя, а также одну из глубочайших, на наш взгляд, мыслей С. И. Фуделя.

«Считаю долгом своим сказать вам теперь напутственное слово, – писал Николай Васильевич, – не смущайтесь никакими событиями, какие ни случаются вокруг вас. Делайте каждый своё дело, молясь в тишине. Общество только тогда поправится, когда всякий частный человек займётся собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Всё придёт тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперёд. Будьте не мёртвые, а живые души».

А вот – подобное размышление в изложении Сергея Иосифовича: «Смысл жизни страшно прост: стараться всегда и везде сохранять тепло сердца, зная, что оно будет нужно кому-то ещё, что мы всегда нужны кому-то ещё».

Владимир АЛЕКСЕЕВ,
канд. ист. наук, канд. биол. наук,
доцент Государственного гуманитарно-
технологического университета, член
Союза писателей России

ДО СОБЫТИЯ 1917 ГОДА ПРАКТИЧЕСКИ В КАЖДОМ СЕЛЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ СУЩЕСТВОВАЛА И, КАК ПРАВИЛО, ПРОЦВЕТАЛА ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ПЕРВОЗДАННОМ И ОТНОСИТЕЛЬНО СОХРАННОМ ВИДЕ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ОДНО РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ НАМЕСТИНИКА КАВКАЗА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА, ГРАФА И. И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА. БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ СВОЕЙ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ Я ПРОЖИВАЮ И РАБОТАЮ В СЕЛЕ НОВОТОМНИКОВО И, ЕСТЕСТВЕННО, НЕОДНОКРАТНО ЗАДАВАЛ СЕБЕ ВОПРОС: «ПОЧЕМУ?» В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИШЁЛ, ИЗУЧАЯ АРХИВЫ, МЕМУАРНУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОСЕЛЬЧАН, РАБОТАВШИХ У ГРАФА, К СЛЕДУЮЩИМ ВЫВОДАМ.

Илларион Иванович в своей политике придерживался трёх принципов, первые два из которых относились к нижестоящим, прежде всего аграрным, слоям населения России: а) в России не должно быть бедных, бедный человек зол и опасен; б) нужно немедленно отдать землю крестьянам, иначе нас ожидает бунт хлеще пугачёвского; в) только идиот торгует сырьём. К сожалению, к словам мудрого человека правительство России не прислушалось. Итог всем известен.

Но граф не только говорил. У меня сложилось твёрдое убеждение, что Илларион Иванович выбрал Новотомниково в качестве своего рода экспериментальной площадки для реализации этих принципов. При помощи грамотных специалистов он создал в Новотомникове крупный сельскохозяйственный комплекс. Используя передовую технику (паровая машина, электричество, различное сельхозоборудование), добился высокой механизации переработки производимой в поместье продукции: механизированный ток, пять мельниц, два спиртзавода, льнотеребильная фабрика, птицефабрика. Хозяйственные потребности поместья обеспечивали несколько кузниц, два кирпичных завода, паровая электростанция. Передовая агротехнология

(семипольная система) и плодородная почва давали возможность стабильно получать высокие урожаи зерновых, льна. Сады, оранжереи, теплицы, овощехранилища полностью обеспечивали потребности поместья во фруктах и овощах (в том числе экзотических). Любимое детище графа – конный завод – давал большое количество орловских рысаков, которые охотно раскупались на внутреннем рынке. Суммарный доход имения нередко превышал сумму в 100 000 рублей, что по тем временам представляло большое богатство. И реализация третьего пункта принципов Воронцова-Дашкова – он ничего не продавал в виде сырья: не зерно, а мука, спирт, продукты птицеводства, лошади, не лён, а волокно, не глина, а кирпич и т.д. Разумеется, чтобы обслуживать это большое хозяйство, нужны люди, причём грамотные, профессионально подготовленные, здоровые.

Граф никогда не обижал работников зарплатой, но был очень требовательным к качеству работы. Поэтому до сих пор графские постройки (дома, церковь, амбары) находятся в хорошем состоянии. Граф активно помогал земству в строительстве школ. В Новотомникове их было пять. При его активной поддержке строилась и содержалась земская

Граф И. И. Дашков

больница, одна из лучших сельских больниц России. Два раза в месяц в Новотомникове проходила волостная ярмарка, где реализовывалась продукция не только поместья, но и местных крестьян. Развивалось кустарное гончарное, швейное, кузнечное, столярное производство. Появилась купеческая прослойка – в Новотомникове было два купца 1-й гильдии – Горкины и Родиные. Они построили бакалейные, промтоварные магазины. Крестьяне-единоличники, таким образом, могли подрабатывать и в усадьбе, и у купцов, и у ремесленников. Граф из 12 000 десятин усадебной земли более 7 000 десятин отдал в аренду (приемлемую) крестьянским хозяйствам. И ещё факт. Если горела крестьянская усадьба, а Илларион Иванович в Новотомникове, он лично принимал участие в тушении пожара, а потом безвозмездно давал денег на восстановление хозяйства. В результате этой деятельности 80% новотомниковских жителей были грамотны, они резко отличались от жителей окрестных сёл всем: одеждой, речью, достатком. Был сформирован, по сути, агрохолдинг, который давал возможность каждому жителю Новотомникова, желающему и умеющему работать, возможность достойно жить, растить и воспитывать детей, быть

твёрдо уверенным в будущем. А ещё деятельность графа Воронцова-Дашкова вызывала глубокое уважение к нему среди жителей, и до сих пор в Новотомникове, если хотят сказать, что сделано хорошо, говорят: «Как при графе».

В заключение хочется сказать, что многие принципы хозяйствования Воронцова-Дашкова актуальны, на мой взгляд, и сейчас. При их использовании, разумеется, с учётом современных реалий, можно решить одну из самых главных задач современной России – возрождение деревни. И это будет лучшим памятником человеку, всю свою жизнь посвятившему служению нашей Отчизне. **А**

Владимир СТРУЧКОВ

Павел СУХАЧЁВ
(1930–1993)
*почётный гражданин города Асино
Томской области*

ПОЕЗД ИДЁТ НА ВОСТОК (заметки с натуры)

Любая дорога волнует слегка –
Ведёт в неизвестные дали.
Она впереди, как стальная строка,
Которой ещё не читали.

Навстречу – вокзалы больших городов,
Просторы полей золотые.
Дыханье заводов и гул тракторов –
Всё то, что зовётся Россия.

У каждого в жизни дорога своя.
В вагоне их сходится много.
И всех за собою ведёт колея –
Два рельса железной дороги.

Из отпуска едут – на службу солдат
И штурман торгового флота,
Компания шумных парней и девчат
С учёбы спешит на работу.

Кочует куда-то орава цыган.
Флиртует с соседкою парень усатый.
Он едет в Приморье, она – в Магадан,
А может, и дальше куда-то.

Сидит отрешённо заслуженный дед –
В наградах вся грудь ветерана.
Шокирует деда нетрезвый сосед –
Сосёт из горла без стакана.

Какие-то дядьки кайфуют втроём,
Под чай самогон маскируя.
Бабуся горюет о чём-то своём,
Опёршись на руку сухую.

Там дуются в карты, похоже, бичи,
Под громкие мат-перематы.
И как проводница на них ни кричит,
А всё озоруют ребята.

Две тётки в Даурию в гости спешат –
Там куча родни и знакомых.
Толкуют о жизни, проказах внучат,
Вовсю критикуют зятьёв непутёвых.

А вон алиментщик на полке притих.
В годах уже, с плешью немалой.
Он бросил всех жён – и своих и чужих –
И скрыться решил за Байкалом.

Соседи за стенкой с утра завели
Дискуссию о плюрализме,
О судьбах России, сибирской земле,
О ценах, снабжении, социализме...

Как в капле воды, здесь – Верховный
Совет
С одною лишь только «палатой».
Ни в чём никакого согласия нет –
Зря глотки дерут «депутаты».

А там что за фея славянской крови?
(Почти что без юбки, простите).
Так это ж путана, иль жрица любви, –
Хоть как вы её назовите.

И млеет очкарик, косясь на её
Волнующе стройные ноги.
Солидный товарищ и тот: «Ё-моё...»
Увы, при жене не расслабишься много.

Балдеет при взгляде на фею поэт
Не то из Москвы, а не то из Казани.
И только угрюмый партийный аскет
Сурово глядит на путану.

Нас время, как поезд, уносит вперёд –
В безбрежные дальние дали.
И пусть нас хоть что-то хорошее ждёт
На каждом попутном вокзале.

ЖУРАВЛИ

К горизонту – дымка голубая,
Чернота распаханых полей,
А в бездонной выси проплывают
Косяки печальных журавлей.

Дороги им северные нивы,
Где они родились и росли,
Покидая Родину, тоскливо,
Громко плачут в небе журавли.

Родина! Нигде тебя милее
Никому на свете не сыскать,
Потому не могут веселее
Журавли по осени кричать.

ВОРОБЕЙ

Каждый день, как только рассветает,
С половинкой бойкою своей
К моему окошку прилетает
Мой знакомый старый – воробей.

Жив-здоров! – чирикает хвастливо,
Снисходительно глядит во двор,
Где петух ведёт неторопливый
С жёнами своими разговор.

Воробей развязан – местный житель
Он со всеми коротко знаком,
Но овса куриного любитель
В постоянной ссоре с петухом.

Он зимою чуть не замерзает,
Еле может крикнуть «чик-чирик»!
Но на юг, к теплу, не улетает,
Он к морозам северным привык.

Никуда от родины, от дома,
Где-нибудь под крышей, над окном
Из горсти кудели и соломы
Он себе устраивает дом.

Потому всех звонких и красивых
Птиц залётных для меня родней
Незавидный с виду и красивый
Мой приятель старый – воробей!

ЧУЛЫМ

Он течёт по пути нетопкому –
Моем заново берега.
Наступает ему на горло
Друг и недруг его – тайга.

Изгибается он пружинисто,
Грудью ломится напролом –
Оттого он такой извилистый,
Оттого столько злости в нём!

МОИ ТРОФЕИ

Листья падают. Вновь на охоту
Собираться настала пора.
Говорят, за Горелым болотом
Косачи табунились вчера.

А в семье начинаются трения...
Не охотник жена, не рыбак.
Ей такое моё увлечение
До сих пор непонятно никак.

Допекает такими иголками:
– Впору спал бы в обнимку с ружьём!
Днями бродит гнилыми околками
Не с женой, а с собакой вдвоём.

Это ж просто одно наказание...
Но что ходит ещё не вопрос!
Всей охоте своей в оправдание
Хоть бы дохлого зайца принёс.

Это верно, что я недобычливый,
Хоть и первый был в роте стрелок,
Но с натурой моей непрактичною
Убивать научиться не смог.

Небо всмятку, печаль беспричинная
Потемневших осенних полей
Да берёз красота лебединая
Мне дороже любых косачей.

Пусть трофеем моим считается
Эта алого шёлка заря...
Зря жена на меня ругается
За такие трофеи. Зря! А

Мария ЗНОБИЩЕВА

НАШИ ДЕТИ

Наши дети боятся явиться на свет –
Свет, которого мало, которого нет.
Очарованным бабочкам негде кружить,
И приходится их уговаривать жить...

Из-под ста одеял, из-под ста облаков
Выходить, чтобы слушать вечерних сверчков,
Разговаривать с ветром и майским жуком
И по ласковым травам бежать босиком...

Этим душам с рождения тысячи лет.
Им не надо на свет – они видели Свет,
Улыбаются грустно, не могут забыть,
И приходится их уговаривать быть...

* * *

Ты спрашиваешь, где меня найти?
Не спрашивай и не ищи. Я – близко:
Нагретый солнцем камень при пути,
Хвоинка у подножья обелиска,

Сквозное отраженье стрекозы
В зелёной мути стынувшего лета,
Как все, как ты, – всего лишь реквизит
Единственно великого Поэта.

И так мала перед Его строкой,
Что вряд ли даже слово в ней прочту я.
Другим оставив вечный непокой,
Покорно превращаюсь в запятую.

...Каких ещё щедрот тебе и правд,
И философских, и иных материй?
Лови дыханье ветра, шёпот трав –
И там меня найдёшь, где след потерян.

* * *

Мне было всегда любопытно,
Что происходит с бабочками,
Которые прежде реяли
Над теми, кого мы любили,
Над нами, которых любили?..

И было одно подозрение:
Они превращаются в гусениц –
В махровых китайских халатах
И накрахмаленных фартуках –
Ранимо скрывают приглашенный,
Но всё ещё нежный свет.
И тратят его очень бережно,
Как воду в захваченном городе,
И сами гаснут от голода –
За тех, кого рядом нет.

И было ещё подозрение:
Они остаются в коллекции
Ценителя редкостных древностей,
Пришпиленные булавками,
Распластанные – гляди!
Порой он берёт одну из них
Холёными длинными пальцами,
Рассматривает и прикладывает
К давно остывшей груди.

И даже однажды подумалось:
Они осыпаются листьями –
Со свистом бросаются под ноги
Тем, кто любовью влеком.
И с лёгким хрустом ли, вздохом ли
Цветной пылью рассыпаются
Под звонким и в жизнь вонзающимся
Стремительным каблучком.

...Прошу вас всех, кто любил меня,
Забудьте меня – чтобы помнить меня,
Как я, забывая на э т у жизнь,
Запомнила вас на т у.
Мне сердца не жалко, но бабочки...
Мне света не жалко, но бабочкам...
Слепым и рассеянным бабочкам –
Оставьте их слепоту.

ВСЕГДА

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкий весенний разбой,
Полёт вразнобой и пронзительный крик человеческий?

Зачем эта нежность? Зачем этот воздух кудряв?
Зачем так тепло у лучистого тела берёзы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески, и бабочки, и голубые стрекозы?

Зачем во всё небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?

Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает труба
И блещут и плещутся синие древние волны?

И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...
Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда – помнишь, помнишь, душа?
Понимаешь?..

ВЗГОРЬЕ ВЫБЕРИ, ХОЛМ, БУГОРОК...

Взгорье выбери, холм, бугорок.
Дремлет город, луною увенчан.
Так над башнями пушкинских строк
Реют лики хорошеньких женщин.
В полнолуние пейзаж завершён.
Если он хоть чего-то да стоит,
Полночь высветлит только простое:
Кровлю, ветку, цветочный горшок.
Ровен сон: ни глубин, ни высот.
(Краше ангелов спящие дети,
Если мать осторожно раздеть их
Душной ночью неслышно войдёт...)
Но, быть может, докучна луна
Этим кукольным купольным башням,
А из лунного света рубашка
И совсем не годится для сна.

ЧЕЛОВЕК

Листья падают, дождь ли, снег –
После странствий своих недалёких
На земле лежит человек –
Тих, как шёпот в исповедальне.
И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.
Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щеку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.
Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,
Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек,
Каждый день, каждую минуту.

ЮРИЙ БАБИЧЕВ РОДИЛСЯ В ЗНАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ НАШЕЙ СТРАНЫ ДЕНЬ – 9 МАЯ 1945 ГОДА – В СЕМЬЕ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХ. ЭТО И ОПРЕДЕЛИЛО ЕГО ДАЛЬНЕЙШУЮ СУДЬБУ.

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ – ЭТО СУДЬБА!

«Мои родители мечтали, чтобы я стал военным лётчиком. Ведь они у меня всю Великую Отечественную провоевали в одном авиационном полку. Мама, Клавдия Ивановна, в шестнадцать лет ушла добровольцем на фронт, добавив в военкомате на комиссии два недостающих года. Так и воевали вместе – отец летал, а мама была техником его самолёта. В День Победы родился я...» – вспоминает дитя Победы.

12 ноября 1964 года Юрий был призван в Вооружённые силы СССР. После срочной службы он становится курсантом военной части № 89585, а в последующем – слушателем военно-медицинского факультета при Саратовском медицинском институте, который оканчивает в 1972 году.

«Профессию военного врача я выбрал не случайно. Когда служил срочную, доставили меня с приступом острого аппендицита в гарнизонный госпиталь. Именно тогда, глядя на

чуткое отношение военных медиков ко мне и моим товарищам, я принял решение стать врачом, ведь это так необходимо – дарить здоровье людям».

27 августа 1974 года Бабичев назначается старшим врачом – начальником медпункта 309-го центрального радиопеленгатионного узла «ОСНАЗ» Московского военного округа.

6 июня 1983 года направлен на должность начальника медицинского пункта 285-го танкового полка 108-й мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Республике Афганистан.

Дивизия выполняла задачу по охране участка дороги от Доши до Баграма, в том числе по обороне перевала Саланг. Молодому военному врачу пришлось начинать службу со строительства этого самого медицинского пункта. Эта нелёгкая задача была выполнена.

«Оказывая помощь, медики валились

с ног. Помогало то, что всё было готово для работы в подобной ситуации и никому не надо было подсказывать, что надо делать. Все работали дружно, понимали друг друга с полуслова. И это происходило в условиях продолжавшихся взрывов, стонов раненых, агонии умирающих. Никто из раненых помощи не просил, так как видели, что делали всё для облегчения их страданий. Удивляло то, что командиры, лёжа на операционных столах, волновались за своих подчинённых».

Активные профилактические, противоэпидемические мероприятия, строгий контроль за организацией питания и водоснабжения – всё это способствовало сохранению здоровья и снижению заболеваемости лично состава.

Однажды Юрию Николаевичу сообщили, что на одной из позиций появились раненые, он схватил медицинскую сумку, бросился в указанном направлении. Стал оказывать помощь раненым и внезапно был ранен сам. Первоначально боли не почувствовал и лишь

после боя с рваной раной обратился в госпиталь, где и пролежал неделю.

За службу в Республике Афганистан Юрий Николаевич Бабичев был награждён орденом Красной Звезды.

В последующем Юрий Николаевич служил военным врачом в разных госпиталях Советского Союза и России и в 1994 году в звании подполковника был уволен в запас.

Редко можно встретить столь жизнерадостного и отзывчивого человека. Несмотря на житейские проблемы и нездоровье, Юрий Бабичев ведёт активный образ жизни, принимая участие во многих мероприятиях, посвящённых войне в Афганистане, Великой Отечественной войне, и участвует в военно-патриотическом воспитании молодёжи. Проживает Бабичев в городе Мичуринске и регулярно пишет статьи, посвящённые войне и патриотизму, которые публикует в местных газетах. **А**

Анатолий ТРУБА,
член Союза писателей России

4 Мичуринская жизнь

7 июня 2007 г.

ПРОВОДЫ

События в Афганистане развивались, иттигая в свой водоворот все больше и больше людей. Войной в нашей стране это никто не называл. Звучало буднично и просто – братская помощь дружественному государству и народу. Военные негласно поговаривали, что США хотят укрепить там свое влияние и развернуть свои ракеты в непосредственной близости от наших границ. Вообще, супостат угрожает нашим южным рубежам. По зову сердца я написал рапорт с просьбой направить меня для службы в сорокати-сячий контингент, оказывающий интернациональную помощь.

Через год просьбу удовлетворили. На-путствия, проводы. Прощание навсегда с тяжелобольным отцом. Перед отправкой нас, группу военных врачей, месяц гото-вили в Подольском госпитале, потом – в госпитале Ташкента.

В Ташкенте мы жили на пересыльном пункте, спали на двухъярусных койках в душных, грязных, вонючих бараках, после которых вест о скором отлете «борта» в Афганистан показалась сча-стливым освобождением.

ВЖИВАНИЕ В ОБСТАНОВКУ

В штабе сороковой армии условия раз-мещения были комфортными. Дием – знакомство с руководством, инструкта-жи, ночью засыпали под звуки автомат-ных очередей, допосыпавшись откуда-то издалека. Было ощущение чего-то не-обычного, нереального. После последних инструктажей и внушений нас распре-дили в разные регионы. Меня – в центр Афганистана, в танковый полк в Багра-ме. Город оказался крупной военной ба-зой, которая сейчас используется амери-канцами.

В танковом полку служба оказалась рутиной: прием больных, очень редко – оказание помощи легко раненым и мно-го санитарно-эпидемической работы: столовая, пункты водоснабжения, туале-ты, контроль за выполнением личной ги-гиены солдатами, активное выявление больных, прививки.

Брюшной тиф, вирусный гепатит, ди-зентерия, энтероколиты просто косили наших военных. Дезинфекционные средства текли рекой. Был курьез, когда приехавший из ленинградской академии преподаватель эпидемиологии

оружий. Обст-релы идущих по дороге колонны ма-шин происходили практически еже-дневно. На маши-ны в этих колон-нах нападали, чтобы уничто-жить или просто ограбить, в любом случае было мно-го жертв как сре-ди мирных жите-лей, так и воен-ных. Обочины до-роги усыпаны раз-битыми танками и останками машин. Второй батальон ок-раивал вход в Пацдаршинское ущелье и ткацкую фабрику Гульбахор, саперные мосты через глубокие ущелья.

Теперь я получил «живую» работу, и ее было много. Через медпункт полка проходили потоки раненых со всех на-правлений, мы оказывали помощь и ме-стному населению. Некоторые из них яв-лялись дупманами. Видимо, поэтому

караульное помещение и в места наи-большего скопления людей. У пострадав-ших ранения были множественными: го-лова, конечности, грудь, живот. Оказы-вая помощь, медики зализали с ног. По-могало то, что все было готово для рабо-ты в подобной ситуации и никому не на-до было подсказывать, что надо делать. Все работали дружно, понимали друг друга с полуслова. И это

Афганский дневник

(записки военного врача)

ДРУГАЯ СТРАНА

Транспортный «борт» после не-скольких кругов над зоной безопасности как будто рухнул на взлетно-посадочную полосу. Когда сошли через «рампу», уди-вляло то, что от солнца почти нет тени, оно светит прямо в темечко, и стоит су-хая жара. Гигантский аэродром нахо-

дился в нескольких километрах от нас. По-рекомендовал для обработки туалетов в дезсредства добавлять машинную от-работку, чтобы дезсредства дольше сох-раняли свои свойства и, таким образом, со-здавалась бы экономия. Преподаватель поехал дальше, а наши туалеты сгорели все спазв. Наше командование решило,

«модуль» (специально сконструирован-ный, быстро возводимый барак), в ко-тором размещался медпункт и жили меди-ки, никогда не обстреливался, хотя он находился ближе остальных модулей к «зеленке». Остальные, в которых жили офицеры, прапорщики и служащие, об-стреливались постоянно.

происходило в условиях продолжавшихся взрывов, стонов раненых, агонии умирающих. Никто из раненых помощи не просил, т.к. видел, что делали все для облегче-ния их страданий. Удивляло то, что ко-мандиры, лежа на операционных поле-вых столах, волновались о своих подчи-ненных. А раненые все поступали и по-ступали. Их привозили и приносили. Пар-раллельно шла работа по опознанию уби-тых и раненых. Работа велась с боль-шими ошибками.

Это происходило в пункте постоянной дислокации полка. Работа велась че-

*Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою –
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревогу в морозных ночах
И блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной – за Россию – поход.*

*Поэт Николай Туроверов,
участник похода*

29 января (11 февраля по новому стилю) 1918 года, ввиду необходимости оставления Дона под натиском большевиков, был образован добровольческий отряд во главе с походным атаманом войска Донского генерал-майором П.Х. Поповым (начальник штаба – полковник В.И. Сидорин) численностью 1727 человек боевого состава: 1110 человек пехоты, а также 617 конных при 5 орудиях и 39 пулемётах.

29 января «калединский выстрел» прозвучал как громкое предупреждение о критическом положении на Дону. Массовое наступление большевиков на Дон стало причиной совещания начальников войсковых частей, стоявших в Новочеркасске, 10 февраля 1918 года. На совещании было объявлено об оставлении 12 февраля Новочеркасска, т.к. отставить донскую столицу не предполагалось. Каждому было предложено самостоятельно сделать выбор – идти в степи или остаться. Согласно приказу донского атамана генерала А. М. Назарова, под началом походного атамана генерала П. Х. Попова город Новочеркасск покинули 1500 штыков и шашек при 10 орудиях и 28 пулемётах (по другим сведениям – при 5 орудиях с 500 снарядами и 40 пулемётах).

Так начался знаменитый Степной поход донских частей Белой армии в Сальские степи, целью которого было сохранение кадров для будущей казачьей армии. Так началась вооружённая борьба донского казачества против Красной армии. Степной поход завершился возвращением остав-

шихся в живых участников обратно в Новочеркасск в конце апреля – начале мая 1918 года.

Публицист Виктор Севский (В. А. Краснушкин) тонко охарактеризовал участников похода: «За ними шли тени старых атаманов, и они, эти тени, звали под знамёна степных генералов всех вольных, всех смелых. Ибо они были приказчиками души Каледина».

Донской поход оказывал моральное, психологическое и патриотическое влияние на боровшихся против большевиков. «Самый факт существования “Степного отряда” говорил о том, что казачество не умерло, не задушено, оно борется за своё существование. Эта мысль вселяла бодрость, устраняла апатию, упадок духа, рабскую подчинённость, звала к борьбе, к подвигу, этим объясняется та быстрота, с которой началось восстание, – утверждает донской политический деятель К. Каклюгин. – Больше того, когда начались восстания, именно там, где бродил “Степной отряд”, походный атаман становится центром движения, центральной властью. Он помогает и содействует восстанию. К восстанию примыкают станицы и хутора, где появляется “Степной отряд”...»

11 апреля Временное Донское правительство объявило в приказе: «После тяжёлого похода в станицу Раздорскую прибыл во главе своего отряда походный атаман генерал-майор Пётр Харитонович Попов. Временное Донское правительство в полном единении с доблестным командованием Донской армии решило для пользы дела и успешности борьбы против насильников над донским казачеством – передать высшее командование и полноту военной власти походному атаману генерал-майору П. Х. Попову.

Временное Донское правительство, избранное и облечённое доверием восставших казаков, оставляет за собой, до созыва Круга Спасения Дона, всю полноту гражданской власти и высший контроль по всем вопросам, связанным с успешностью борьбы против большевиков. Круг Спасения Дона должен быть созван немедленно же по освобождении столицы Дона от большевиков».

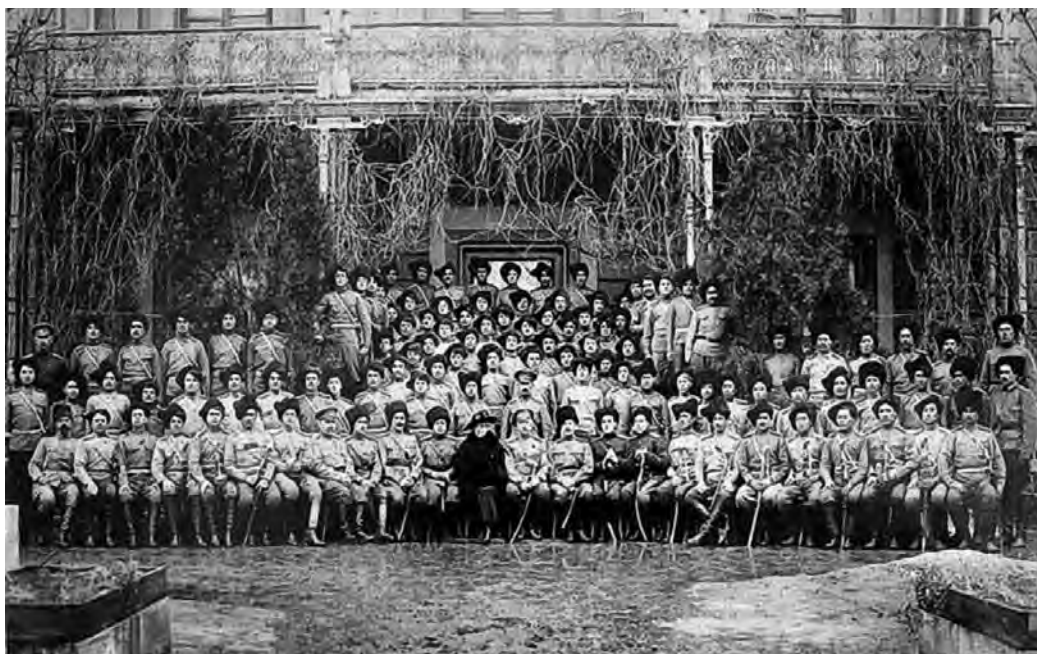
Генерал П. Х. Попов принял командование и образовал три войсковые группировки: Северную – из своих партизан, во главе с Семилетовым, а из бывшей «Донской армии» – Западную во главе с генералом П. Т. Семёновым и Южную – из Заплавской группы, во главе с полковником С. В. Денисовым, который занимал до этого должность начальника штаба Донской армии.

Генерал П. Х. Попов не хотел уходить с Дона, оставлять свои родные места и по этой причине не стал присоединяться к Кубанскому походу Добровольческой армии. Донские казаки отправились к зимовникам, расположенным в Сальских

Походный Атаман Войска Донского,
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА, ГЕНЕРАЛЬ ОТЪ КАВАЛЕРИИ ПОПОВЪ

степях, что позволяло, не прерывая борьбы с большевиками, сохранять боеспособное ядро, вокруг которого будут спланиваться донские казаки.

Полтора месяца в степях донские партизаны переносили голод и холод, не имея тылов и баз снабжения. Борьба с большевиками шла кровавая и беспощадная, но ни на один день не была оставлена донская земля. Донские партизаны под началом походного атамана П. Х. Попова оставались ярким примером и надеждой на восстание станичников. Степной поход имел сокровенную задачу – поднять казаков на борьбу за свой Присуд, показав враждебную сущность большевизма по отношению к казачеству. По всему Дону прошли восстания, идея борьбы против советской власти обрела широкий масштаб. В начале апреля Степной поход закончился, в степях остались могилы доблестных партизан, запомнившихся потомкам как защитники родной земли. Живые герои Степного похода вошли в состав полков возрожденного Донского войска.

Донские партизаны вступили в Новочеркасск 22 апреля 1918 года, оставив за своими плечами 70-дневный поход по донским степям. Степной поход стал одним из славных походов антибольшевистского движения, занимая особое место в истории Гражданской

войны. Казаки подготовили почву для Добровольческой армии и заняли важные для продолжения борьбы против большевизма точки – Ростов и Новочеркасск. Вернувшись в столицу, донские партизаны стали своеобразным флагманом борьбы.

В честь славного Степного похода был учрежден специальный знак отличия – «Степной крест».

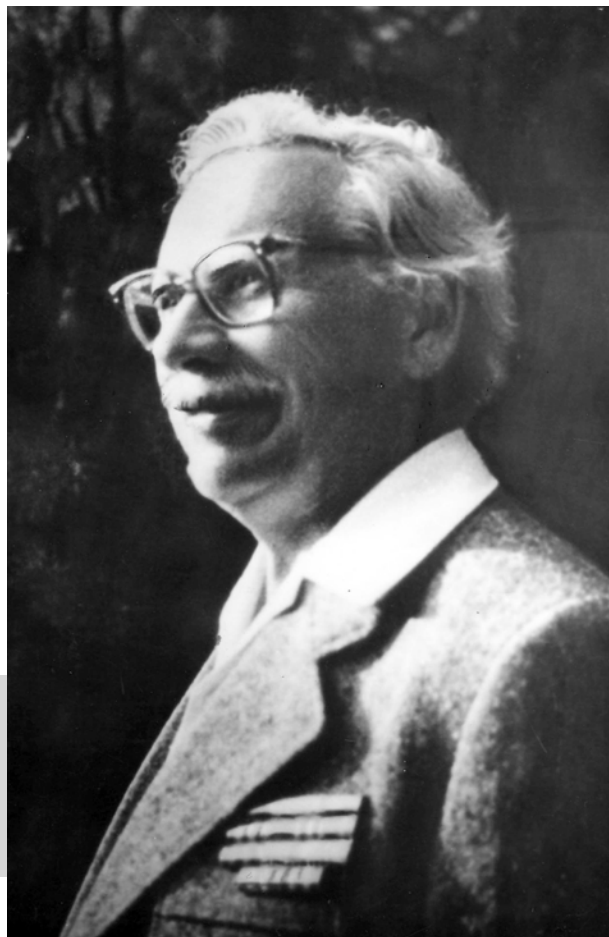
«В воздаяние воинской доблести и отменного мужества, оказанных участниками Степного похода отряда походного атамана Войска Донского генерала П. Х. Попова, и понесённых ими беспримерных трудов и лишений Большой Войсковой Круг установил “Знак отличия Степного похода” – “Степной крест” – гласил приказ донского атамана генерала А. П. Богаевского. Этой награды удостоивались те, кто вступил в отряд не позднее 1 марта 1918 года и пробыл в его составе минимум до 4 апреля (до реорганизации). Также знак отличия передавался семьям погибших в Степном походе. Крест № 1 был торжественно вручен П. Х. Попову. **А**

Игорь МАРТЫНОВ,
войсковой старшина, заместитель
атамана Тамбовского отдельного
казачьего общества

СОЛДАТ И АКТЁР

ВОЙНА НЕ РАЗБИРАЕТ НИ ИМЁН, НИ ЗВАНИЙ, БУДЬ ТО РАБОЧИЙ ИЛИ УЧЁНЫЙ, УЧИТЕЛЬ ИЛИ АРТИСТ. НАШЕМУ ЗЕМЛЯКУ ИВАНУ НИКОЛАЕВИЧУ ПОЛЯНСКОМУ ДОВЕЛОСЬ ПОБЫВАТЬ И АКТЁРОМ, И СОЛДАТОМ.

*Заслуженный артист РСФСР
Иван Николаевич Полянский*

МУЗЕЙНЫЙ АРХИВ

Воспоминания об актёре Мичуринского драматического театра входят в архив под названием «Люди интересных судеб», который собрал житель нашего города ветеран Великой Отечественной войны Пётр Константинович Гуськов. Архив подбирался с 1979 года и содержит более трёхсот листов. Ныне документы хранятся в Музее-усадьбе Александра Герасимова (они были переданы туда женой П. К. Гуськова, работавшей в музее).

В архиве – истории сорока участников Гражданской и Великой Отечественной войн, Героев Советского Союза – уроженцев нашего города. Среди них рассказ, посвящённый Ивану Полянскому (в апреле 2018 года исполнится сто лет со дня его рождения). Предлагаем его вашему вниманию.

УЧЕНИК ЭЛЕКТРИКА

Иван Полянский родился в тихом зелёном городе Козлове (Мичуринске) 10 апреля 1918 года. Здесь прошли его детство и юность, здесь он учился и начал свою трудовую деятельность.

Ещё во время учёбы в школе он начал работать в драматическом театре. Иван был принят туда в качестве ученика электрика в 1933 году. Во время летних гастролей театра в Острогжске ему предложили принять участие в спектакле «Хижина дяди Тома». Актриса, исполнявшая роль негритёнка, заболела, и Иван её заменил. Его речь заключалась в одной фразе: «Дядя Том умер», но эта реплика запомнилась Ивану Николаевичу на все годы его творческой работы как первый выход на сцену, состоявшийся 22 июля 1934 года.

В 1940-м Иван Николаевич окончил Воронежское театральное училище.

Грянула Великая Отечественная война. Родина бросила клич: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» Театр, в котором работал Иван Николаевич, расформировали. Большинство товарищей Ивана были мобилизованы в армию. Многие из них погибли, защищая Родину.

С ДУШОЙ И ПЕСНЕЙ

Ивана Николаевича призвали в армию в мае 1942 года, волей судьбы он попал во 2-ю гвардейскую стрелковую дивизию, в рядах которой прошёл путь от Москвы через Смоленщину, Белоруссию, Латвию, Литву до стен Кёнигсберга. Иван Николаевич воевал на фронте простым солдатом, и оружием его были душа и речь, ведь на фронте надо было не только бить фашистов, но и воодушевлять наших бойцов песнями, стихами, сценками. Так случилось, что Иван Полянский попал в агитбригаду политотдела дивизии и за время войны принял участие в трёх тысячах концертов.

Ему приходилось давать по восемь-девять концертов в день. Потом Иван Николаевич сам писал для себя и для товарищей

фельетоны, рассказы, шутки. Он не совершил героических подвигов, зато воодушевлял тех, кто штурмом брал Кёнигсберг, кто переплывал Березину, кто взламывал оборону под деревней Немысино. Иван Николаевич выступал перед бойцами в 30-градусный мороз, через час после выхода из боя, выступал, когда наши бойцы готовились к штурму. Однажды в дивизию позвонил командующий армией Гилицкий и спросил: «Как дела?», на что генерал Цыганов шутливо ответил: «Всё в порядке, у меня в резерве артисты и прачки!»

Да, они действительно были резервами генерала, их оберегали в дивизии и очень любили. И эту любовь, как самую большую награду, Иван Николаевич сохранил на всю жизнь.

ОБРАЗ ВОЖДЯ

По окончании войны И. Н. Полянский приехал домой, в свой родной Мичуринск. Работал над образом Олега Кошевого в инсценировке романа Фадеева «Молодая гвардия». За эту работу был награждён почётной грамотой ЦК ВЛКСМ.

В конце сороковых годов Иван Николаевич был вынужден вместе с семьёй переехать и только в 1963-м снова вернулся в Мичуринск. Ему довелось воссоздать на сцене театра образ Ленина в спектакле по пьесе Н.Ф. Погодина «Третья патетическая». Работа эта незабываемая и очень ответственная не только по своей идейной значимости, но и, главное, по художественному воплощению. Что же послужило важной ступенью в создании образа Ленина? Какое яркое впечатление тех далёких лет?

Иван Николаевич вспоминает: «Лето 1964 года... Начало августа... Красная площадь. Шёл я от Александровского сада. Площадь в полумраке, только как-то по-особенному подсвечен Мавзолей прожекторами. Таинственно под ногами поблёскивает брусчатка, размытая облаками луна повисла над изящными куполами храма Василия Блаженного. Я шёл к Ленину за советом.

Совершенно случайно потом на одном из стендов музея Ленина прочёл записку: "Съезду текстильных рабочих и работниц. Дорогие товарищи! Извините, что пришлось вас надуть. У меня случилась болезнь зуба, которая в самом начале моей работы не только оторвала меня от неё, но и опять на целую неделю испортила мне нервы. Всякие свидания на съездах должен опять отменить на неделю, я крайне сожалею, что с настоящим съездом видеться не могу. Очень надеюсь, что товарищ Кутузов вам всё расскажет и передаст мои лучшие приветы и пожелания. Ваш Ленин".

Кутузов... Мне известна эта фамилия. Ну конечно же, капитан Кутузов, командир роты 2-й гвардейской стрелковой дивизии! Седой, плотный, небольшого роста человек, с высоким, чуть сипловатым голосом и мягкими чертами лица. Старый большевик, рассказывавший мне о своих встречах с Ильичом. Капитан Кутузов давал мне рекомендацию в партию в 1943 году. Ленин хорошо знал человека, который давал мне рекомендацию в партию! И я словно получил эстафету через старого большевика от самого Ленина. Так в тот день я приблизился ещё на шаг к созданию образа Ленина».

1 ноября 1965 года состоялась премьера спектакля «Третья патетическая». Первыми зрителями были школьники старших классов. Иван Николаевич потом говорил: «Трудно вспомнить, что было в тот день. Я запомнил только, что грянул такой гром аплодисментов, которых я не слышал за всю свою долгую работу в театре. Я знал, что это аплодировали не мне, а Ленину, образ которого я попытался лишь воссоздать».

С тех пор много раз Полянский выходил на сцену в образе Ленина, и каждый раз раздавались аплодисменты...

СОТНИ РОЛЕЙ

За 45 лет на сцене Иван Николаевич создал около сотни образов людей разных возрастов, разных профессий, разных характеров. В 1976 году в спектакле «Мелентьева Василиса» Н. Н. Островского он играл роль

Заслуженный артист РСФСР Иван Николаевич Полянский в роли И. В. Мичурина

Ивана Грозного. Одни из любимых его ролей – Терёшка в пьесе «Трибунал» и Старик в одноимённой пьесе Горького.

В учебных заведениях, на заводах, в учреждениях Иван Николаевич Полянский часто выступал со своими литературными композициями, посвящёнными нашим знаменитым землякам И. В. Мичурину, А. М. Герасимову.

Иван Николаевич всегда старался создавать спектакли высокого идейного звучания и отличного художественного качества, не раз избирался секретарём партийной организации. И. Н. Полянский – обладатель значков отличника милиции, отличника военно-шефской работы, ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», юбилейной медали в ознаменование столетия со дня рождения Ленина. В 1975 году ему было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Анна ПАВЛОВА

Театр во мне, со мной...

Татьяна НИКОЛАЕВА,
заслуженная артистка
Российской Федерации, лауреат
премии Ивана Марина и
Фёдора Волкова

Родилась 21 декабря 1938 года в Ленинграде по ул. Егоровой, дом 266, рядом был дом 26а, это и были мои первые университеты – ДПШ (Дом пионеров и школьников). Это довольно известный дом, когда-то там учили детей всяким искусным ремёслам.

Когда началась война, мама вместе со мной (двухлетней малышкой) эвакуировалась в Удмуртию, в район Ижевска. Папа служил моряком на Северном флоте. Когда кончилась блокада, мамина сестра (пережившая блокаду в Ленинграде) приехала за нами, и мы вернулись домой.

Я из многодетной семьи, все дети хорошо пели, вставляли на табуретки и читали стихи по праздникам гостям, даже если не просили. Все занимались в кружках: сольное пение, драмкружок, фортепиано... В исполнении одной из сестёр (младшей) звучит песня в фильме «Крепостная актриса» (когда геро-

иня Сёминой возвращается из Франции, бежит по снегу, заглядывает в колодец, вспоминая своё детство, – там маленькая девочка в платке поёт чистым голосом, светлым, будто небесным, простую песенку – это моя сестра с абсолютным слухом Галя Николаева). Вторая – Ольга – и сейчас ведёт класс фортепиано в детской музыкальной школе. Брат – физик, блистательно учился, медалист, окончил физический факультет университета. Мы все учились хорошо, были старательными и прилежными. Боялись огорчить маму... А сейчас я очень боюсь огорчить моих зрителей, так что сверхзадача очень ясная.

Драмкружок вёл в Доме пионеров режиссёр театра им. Комиссаржевской Сергей Сергеевич Евлахов. Иногда меня брали в театр – просто девочкой пройти по сцене в спектакле, и даже в водевиле «Димка-невидимка» играла роль друга героя, и даже пела,

и даже с успехом... Стояла рядом с великой Бабановой, когда она приехала на гастроли в Ленинград, снялась на телевидении в роли Дагни Петерсон («Корзина с еловыми шишками» Паустовского), девочки, которой Григ посвятил свою симфонию.

В студии ТЮЗа великие люди, профессора Л. Ф. Макарьев и А. С. Шведерский, воспитывали в нас преданность любимому делу, актёрское братство, общность. По окончании студии я уехала в Барнаул не раздумывая, хотела нести культуру Ленинграда в самые отдалённые места России – я ведь дочь морского офицера. Тогда в Барнаул приехала молодёжь и из других городов – много из Саратова. Два года играла много, и хорошие роли, а потом уже вместе с Глебом Константиновичем Томилиным 33 года (как в сказке) ездили по разным театрам и городам. Это русский драматический театр в Таджикистане, военный театр на Дальнем Востоке (КДВО), Дзержинский театр Горьковской области и, наконец, Мичуринский театр, где я уже 36 лет.

Точные хронологические данные, работа в разных театрах, роли, что я исполняла, – всё это в моей трудовой книжке, а наиболее любимые постараюсь вспомнить.

МОИ ПЕРВЫЕ РОЛИ:

Барнаул

- Т. Ян «Ситцевый бал» – Светлана Воронкова
- В. Панова «Проводы белых ночей» – Нинка

Таджикский русский драматический театр

- Ю. Принцев «Первый встречный» – Летова
- И. Назаров «Огонь на себя» – Маша-Ромаша
- Г. Мдивани «Украл консула» – Лола
- Г. Кожумник «Сверчок» – Зуля
- Я. Райнис «Вей, ветерок» – Байба
- А. Кронин «Замок Броуди» – Съюзи
- А. Мовзон «Под диким небом» – Вера
- К. Финн «Сестры-разбойницы» – Люся
- В. Гусев «Иван Рыбаков» – Официантка
- А. Галиев «Игла и штык» – Калерия
- Блинов «Перед судом» – Юлия
- В. Лавренев «Чти отца своего» – Евстолия
- Андреев «Рассудите нас, люди» – Анка

Театр КДВО:

- М. Карим «В ночь лунного затмения» – Зубаржат
- В. Ежов «Соловьиная ночь» – Инга
- Н. Вирта «Земля» – Наташа
- А. Галич «Вас вызывает Таймыр» – Дуня

Дзержинский театр Горьковской области

- Ю. Эдлис «Июнь – начало лета» – Вера
- Н. Анкилов «Солдатская вдова» – Полинка
- Т. Мушатеску «Титаник-вальс» – Джена и др.

Мичуринский драматический театр

- М. Алексеев «Ивушка ты моя неплачущая» – Феня
- В. Константинов, Б. Рацер «Пенелопа» – Пенелопа
- Д. Фонвизин «Недоросль» – Простакова
- М. Ворфоломеев «Святой и грешный» – Дарья
- Л. Толстой «Первый винокур» – Баба
- А. Галин «Ретро» – Роза Александровна
- А. Арбузов «Годы странствий» – Тетя Тася
- М. Булгаков «Роковые яйца» – Маня
- С. Ласкин «Акселераты» – Анна Сергеевна
- И. Жамиак «Месье Амилькар, или Человек, который платит» – Элеонора
- У. Конгрив «Двойная игра» – Леди Вздорнс
- Литературная композиция «За меня потоки и потомки» – М. Цветаева
- А. Островский «Воспитанница» – Василиса Перегриновна
- Литературная композиция по Боратынскому «...И соразмерностей прекрасных в душе носил я идеал» – ведущая
- Эдуардо Де Филиппо «Филумена Мартурано» – Розалия
- А. Островский «Правда хорошо, а счастье лучше» – Фелицата
- Ф. Каринти «Безендорфер» – Продавец
- Ф. Людвиг, Б. Хейман «Линия 1» – Лола
- И. Муренко «Шутки в глухомани» – Лёлька
- И. Гёте «Фауст» – Марта
- Ф. Шиллер «Коварство и любовь»
- Б. Брехт «Трёхгрошовая опера» – Селия Пичем
- К. Чапек «Мать» – Долорес
- Джон Патрик «Моя дорогая Памела» – Памела

- А. Пушкин «Евгений Онегин» – Ларина (мать)
- А. Касона «Дикарь» – Анхелина
- А. Островский «Гроза» – Феклуша
- Р. Куни «Клинический случай» – Мамаша и многие-многие другие

Кроме театра, люблю путешествовать, была в Северной Европе (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания), в Болгарии, в 1970-м году –

в Польше, Чехословакии. Очень люблю заниматься английским языком, поэзию, музыку, живопись, больше оперу, чем балет. Неожиданно снялась в кино, в фильме «Жила-была одна баба», у Андрея Сергеевича Смирнова – «старуха из бывших», себя увидела в массовке с седыми волосами в шляпке. Совершенно другое искусство кино – очень сложное, очень хорошая атмосфера на съёмке, отношение к актёрам – царское, но сниматься боюсь.

Три года вела студенческий театр, сделала немало, сначала одна, потом с актёром Юрием Сергеевичем Логиновским. Наиболее запоминающиеся работы: инсценировка о Есенине «Всю душу выплесну в слова», «Недоросль XX века» по мотивам пьесы Фонвизина (есть на диске), «Я никуда отсюда не уеду» со студентами тогда ещё сельхозакадемии (ныне государственный аграрный университет) и педагогического института по произведению Валерия Аршанского. Было интересно очень и мне, и студентам, и зрителям.

«Это было золотое времечко», – как говорит одна из героинь Островского. В Москве

в ЦДРИ со студентами пединститута мы с Ю.С. Логиновским представляли инсценировку Г. Томилина о Боратынском «...Но соразмерностей прекрасных в душе носил я идеал». Но совмещать не могу. Сейчас только театр, с ним никак не расстаться:

*В меня запала эта строчка,
Так безыскусна и строга:
«Всё просто, как похлёбка в чаше
Иль как подмётка сапога».
По-своему её услышав,
Она звучит мне, как набат, –
Прошло, актриса, время ваше.
Пора, актриса, – шах и мат.
Увы, давно вы не Джульетта,
Не Пенелопа, не Лючетта,
Уж и не Роза вы из «Ретро».
Всех унесла годов пурга,
Пардон, вы – старая карга.
Пусть так – не крах...
В других ролях
Найду себе я место –
Служанок, приживалок, свах –
В них тоже интересно,
И я карга не старая,
Я просто антикварная.
И буду жить я вечно,
В своих ролях, конечно,
Я буду вечно молодой,
Пока театр во мне, со мной.
Не уходи... не исчезай...
Твоё пространство – весь мой рай!*

Занималась английским всерьёз в Лингвистическом центре, здесь, в Мичуринске.

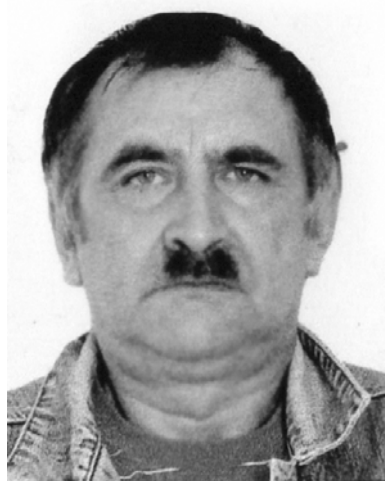
Моя родина Ленинград (ныне Петербург) ждёт меня и, конечно, мои любимые родные – дочь, внучка, сестра, там могилы моих родителей, брата и многих-многих близких и родных мне людей, там мой зять, свояк... Ну а здесь уже 36 лет как я служу... верю... надеюсь...

Режиссёры в театре менялись, директор у нас давно постоянный – деловая и заботящаяся об актёрах Галина Николаевна Попова. **А**

Из коллекции
Александра Николаевича
СЁМИНА

Виктор ФОМЕНКОВ

Родился 23 декабря 1959 года в деревне Гомзяки Никифоровского района. Окончил Мичуринский сельскохозяйственный техникум. Работал бригадиром-полеводом, агрономом, киномехаником. Автор романа «Чертотолох», деревенского романа «Дело было в Гомзяках», повести «Грехи земные» и многих рассказов. Публиковался в журналах «Литературный Тамбов», «Подъём», «Александръ»; газетах «Тамбовская жизнь», «Знамя». Живёт в родной деревне Гомзяки.

СТЕПАН

Эта история случилась во время перестройки. Как раз за два года до её заката... Степан Барсуков, злой как чёрт, вернулся из сельмага с почти пустой сумкой. В ней лишь булка чёрного хлеба да чёрствый батон. Прямо с порога бросил сумку на стол. Дома жены не было. А жили они вдвоём. Единственный сын, женившись, уехал в город. Сын живёт в городе, а родители боятся города пуще огня. За всю жизнь они были там один раз, когда ездили к сыну. Да и то с его помощью, туда и обратно. Для них райцентр – что город. Хотя это всего-навсего посёлок городского типа. В нём они бывали много раз, потому что без него никак не обойтись.

Про Степана говорили в деревне: «Не хватает девяносто девять, а сотый – где-то тоже гуляет». Степана и в армию не взяли «по здоровью». Он никакой работы не боялся, будь она тяжёлой, грязной. А под хвалёбу мог запросто своей силой гору своротить. Так вот и живёт он с женою Любой... Родители Степана прожили мало. Но успели женить сына. Вовремя и без каких-либо препятствий. Невесту взяли старше сына на восемь лет. Из соседней деревни. Свершилось всё это, как обычно бывает у людей: поехали, засватали,

потом свадьбу сыграли. Невеста оказалась такой же, как и жених. Как говорится, два сапога на одну ногу.

Живут дружно. Вот уже три десятка лет. Сына вырастили, даже внука дождались. Разве это не счастье?! Сам Степан высок ростом, плечист. Руки длинные, словно грабли, широкие ладони. Кулак что надо! Когда сожмёт – огромный получается, внушительный! Глаза карие, китайского типа. Но волосы, в отличие от китайцев, не тёмные, а русые, что солома. Трудится Степан в совхозе на разных работах. Иногда на молочно-товарной ферме подменным скотником. Жена – доярка на этой МТФ. Трудится на совесть. Даже на Доске почёта красуется её фотография.

– Люба знает своё дело хорошо! – хвалит зоотехник. – Собственно, что тут знать? Где у коровы соски – вот и вся наука.

Жена Степана в общем спокойный человек. Но если кто зацепит сильно и обидно для неё – держись! С дуринкой баба. Про таких людей говорят: «Огреет чем ни попадя!» Да ещё и заржёт: «Ха-ха-ха!» Так что лучше с её глаз долой. Муж тоже попадал в такую ситуацию. И не раз. Но, уже учёный, собирался и уходил подальше. Она будто остывала, холодела...

Вернувшись из магазина почти без покупок, Степан вновь принялся костерить на чём свет стоит (не жалея и матерных слов) и перестройку, и самого Горбачёва.

– Чтоб ты сдох, в душу мать твою! Гласность твоя, ускорение!.. Борешься с пьянством... А пить ещё больше стали. И бабы тоже пьют, мать твою!.. Прилавки пустые! Куда всё подевалось? А? Припрятали, сволочи!

– Что купил? – вмешалась жена.

Степану этот вопрос – что нож по горлу. В таком случае он не жалел свои нервы. На скулах задёргались желваки.

– Хлеб! – Выругавшись, добавил: – Да батон. Убить им можно!

– Эт и всё? – нахмурилась жена.

– А что ещё, если прилавки голые?! – огрызнулся Степан. Достал из кармана пиджака кошелек, в сердцах швырнул к сумке с хлебом. – И деньги есть, а купить нечего! Соль, масло подсолнуховое, конфеты столетние, пряники, о какие зубы сломаешь, – вот и всё, что есть в сельмаге! Да, ещё мыши, по прилавкам гуляющие! – Он плюхнулся на стул возле стола. Перед Степаном – сумка с хлебом да кошелек. Ухватился за гудящую от расстройства голову: «Как жить?! В сельмаге ничего нет. А первонеобходимое: сахар, мыло, курево – продают по спискам и талонам. Даже ветеранам войны ничего нет вдоволь! Они же отстояли от фашистов Родину нашу, эту власть. А сейчас живут, словно в военное время. Вот это да-а-а! Дожились!» Вслух застонал:

– Ой-ой-ой!

– Что с тобой, Стёпа? – заволновалась Люба.

– Деньги у нас есть?! – взорвался он.

– Есть. А что? – не поняла она, зачем спрашивает о них муж.

– Эх, ладно! – отмахнулся он, будто очнувшись от дурного сна. – Готовь к утру. Поеду в город.

– Куда? – испуганно спросила жена, делая вид, словно не расслышала последнего слова в ответе.

– В город, – по слогам повторил громко Степан. – Собирай!

– А как же я, Стёпушка?! Мало что в городе может случиться! Пропадёшь там, родной мой!

– Да ты что? – Степан гордо выпятил грудь. И, хотя был не уверен сам в себе, покрутил пальцем у виска и сказал уверенно:

– Да я что, вообще, что ли?..

– А я? Я-то как?

– Дома ты останешься. Я в город за продуктами смотаюсь. Там, говорят, уже есть что купить. А насчёт меня... Бог не выдаст, свинья не съест.

– Мало ли что люди говорят. Язык, он без костей. А вдруг и в городе насчёт продуктов – шаром покати? Тока деньги проеъздишь.

– Городские пустых прилавков не потерпят. Бунт поднимут. А то и революцию сотворят.

– Ох, Боже упаси! – перекрестилась Люба и стала готовить к отъезду всё необходимое, продолжая сердито ворчать: – Раньше за продуктами из города в село ездили, а теперь наоборот.

Перед вечером Степан достал с чердака чёрный чемодан с металлическими уголками, кое-где изрядно потёртый. Не смахивая пыль, занёс в комнату, довольный собственной смекалкой.

– Его возьму, – сказал жене. – Ты оботри чемодан хорошенько и поставь в передней.

Стали ждать субботы – выходного дня Степана. Он спокойный, а у Любы трещала голова от раздумий. Она соображала, куда надёжнее спрятать деньги. В городе всякое может случиться. Оно и в дороге жулья полно развелось. Смекалистой оказалась на этот раз жена. Но ведь не зря говорят: «Волос длинный, ум короткий».

Наткнулась Люба на востроносые туфли. Она как купила их «на всякий случай», так прямо в коробке и положила в шкаф. Там и пролежали они целую пятилетку. Степан их ни разу не надевал. Вот и пришёл этот случай. В город ехать в них! Люба мгновенно сообразила: «У туфлей носы длинные, туда и засуну деньги в узелочке!» Довольная своей выдумкой, стала ждать мужа, чтобы похвастаться. Степана как назло нет и нет. Наконец дождалась всё-таки. Муж на порог, а жена навстречу с парой туфель.

– Обувай, Стёпушка. Примерить надо, – сказала тоном, не допускавшим возражений.

Пришлось мужу подчиниться. Обул.

– Ну, как они?

– Великоваты.

– Слава Богу! – обрадовалась жена. – В них поедешь.

– Да ты что? – удивился муж. – Я ж их по дороге посею.

– Не посеешь, – с серьёзным видом утвердила она. – Я так сделаю, что снимать захочешь, а не снимешь. Там верный кошелек будет, Стёпа. И никто даже не подумает, что деньги там, в носу туфли. Правильно?

– Ох уж этот город! – заныл муж, боявшийся города. И всё же согласился с вариантом жены...

Спали в эту ночь супруги беспокойно. Наступила суббота. Как и было запланировано, Степан собрался ехать. Поднялись с рассветом. До отправления автобуса ещё два часа. Пережидали их по-разному. Для Степана время летело слишком быстро. Для жены, наоборот, тянулось неимоверно долго. Ожидание подходило к концу. Пора идти на автобусную остановку. Перед выходом из дома, как и положено по обычаю, присели «на дорожку». Вышли на крыльцо. Она – провожать, он – уезжать. В душе страх. Но и отказаться от поездки неудобно и стыдно перед женщиной – женой. Она тоже переживала и очень боялась: вдруг не вернется. Город пугал и её...

Утро выдалось хмурое, казалось, вот-вот пойдёт дождь. Приостановились. Нерешительно двинулись к калитке. Степан молчал. А Люба трещала-напутствовала:

– Ты осторожнее там будь. И не забудь, где деньги. В правом носке они. Вынимай их где-нибудь за углом, в сторонке, чтоб никто не видел. Достанешь весь узелок, возьмёшь сколько...

Жена трещала, что сорока, а он продолжал молчать. То ли слышал он её, то ли нет. Но она не переставала напутствовать:

– В дороге и в городе ухо остро держи! Ни с кем знакомство не заводи, даже не разговаривай с незнакомыми. Ежели кто чё спросит, отвечай коротко, одним словом:

«да» – «нет»... Ох уж эти города! Что огромный муравейник. Ой гляди, Стёпушка, не потеряйся! Языком чаще работай. Он и до Киева доведёт. И спрашивай, как, да чё, да где, больше у женщин.

Она задохнулась от многословья и волнения. Степан решил, что жена кончила говорить и пора идти на остановку, сказал коротко:

– Я пошёл. – А у самого защемило сердце: так не хотелось ехать.

– Ступай. И держи при себе Бога. Он поможет в трудный момент и час... – Подсказала и ещё долго стояла возле калитки...

* * *

В поездке от Иконовки до райцентра, а потом и до областного города, которого так боялся Степан, ему повезло. Попутчиком оказался парень-студент Сергей Пронин.

– Мы приехали, дядя Стёпа, – сказал парень, как только автобус подкатил к автовокзалу. – Давайте помогу вам. Чемодан-то поди тяжёлый? Не надорвитесь.

– Ничего, Серёж, – спокойно ответил Барсуков. – Было бы что в него положить...

На вокзале пути их расходились. Но парень проводил Барсукова на автобус 15-го маршрута, идущий и до Центрального рынка.

– У рынка сходите, – объяснил провожавший. – Не проспите!

Сам Сергей отправился в противоположную сторону.

В городском автобусе Степан сразу привлёк к себе внимание, и не только одеждой и обувью, явно отличавшимися от городских, но и своим поведением и поступками. Его остроносые туфли были смешнее, чем у циркового клоуна. Лицо деревенского мужика рассеянное, испуганное. Барсуков по-прежнему боялся этого большого города, по телу то и дело пробегали колющие мурашки.

На остановке «Центральный рынок» вышел из автобуса. Поглядел по сторонам: «И куда теперь дальше?» Пошёл, куда глядели глаза. Помня наказ жены ни с кем не заговаривать и опасаться жулья, боялся спросить прохожих о нужном. Шёл и искал глазами

подходящую женщину, которой можно довериться, завести разговор. Искал под свой возраст или постарше, но не моложе себя. И вот наконец увидел вроде бы ту самую. Она шла навстречу. Он остановился. Когда она приблизилась, спросил, но сконфузившись и труся, не так, как хотел.

– Гражданочка... Где у вас в городе самый большой магазин?

Женщина остановилась, уставилась на приезжего – она сразу об этом догадалась – непонимающим взглядом. Прикинула: «Что значит самый большой магазин?» Спросила, уточняя:

– Вам нужен ГУМ или универмаг?

Теперь удивился Степан. Он не понимал разницы этих торговых точек. Магазин – это понятно. А эти?

– Ну... мне нужен большой магазин, – промямлил невнятно.

Тогда женщина спросила более понятно:

– Вы что хотите купить? Вещи или продукты?

– Продукты, конечно! – выпалил он и рассказал о ситуации в сельмаге в Иконовке.

– Так вы из Иконовки! А я там была, и не раз.

– А я вас не видел.

Женщина улыбнулась наивности деревенского мужика. Поняв проблему его, ласково предложила довести его до нужного места.

– Пойдёмте, я покажу вам, где и без ГУМа можно всё вам нужное купить. Кстати, я тоже туда иду, – добавила вскользь. – А зовут меня Алла.

– А меня Степан.

Он шагал за ней, что за хозяйкой смиренный бычок на верёвочке. Со стороны это казалось смешным: он – по-деревенски одетый, с большим чемоданом и сумкой в руках, она – прилично, модно одетая и с модной же сумочкой...

Очередь за продуктами оказалась огромной. Пришлось Степану и постоять долго, не отходя, и попотеть изрядно. Особенно когда за углом доставал из туфли злополучный «кошелёк» с деньгами. Женщина караулила очередь Степана. Алла оказалась добрым че-

ловеком. Он даже сдружился с ней. Но всему приходит конец. Купив продукты, женщина ушла. Степан вновь остался один, к тому же теперь с тяжеленным чемоданом и нелёгкой сумкой. А ещё надо купить рыбу. Нашёл какой-то подвал. «Вот он, в виде погреба. И селёдкой пахнет!» – обрадовался. Не раздумывая, стал в очередь, не спросив последнего в ней. Очередь хотя и продвигалась, но, ему показалось, медленно. Когда впереди осталось всего человек десять, Степану снова пришлось отойти в безлюдное место, чтобы достать из ботинка деньги. «Слава Богу, хоть они есть», – довольно отметил он. Вернулся в очередь. Увидел за столиком у входа в подвал на синем жёстком стуле припухлую, с неопрятным, чуть синеватым лицом женщину средних лет. Она, невежливая, даже грубоватая, почему-то продаёт какие-то билеты. Степан не понимал здешнего порядка, потому сильно удивился. Ещё больше удивился, когда заметил, что, купив билетик, люди разделяются по полу: женщины идут в одну сторону, мужчины – в противоположную. Степан тоже купил билет.

– Мне куда идти? – спросил у грубой женщины.

Вокруг него сразу захихикали, запрыскали в кулаки. А женщина-билетёрша тяжело поднялась с насиженного места и рыкнула, вытаращив глазища.

– Ты дурак, что ли?!

– Нет вроде. А что? В какую дверь мне? Мне селёдку купить... Тут же у вас вон как селёдкой пахнет.

Тучная билетёрша плюхнулась на опасное скрипнувший стул, а большинство находившихся рядом со Степаном ухватились за живот, задыхаясь от смеха.

– Так ты, мужчина, селёдки захотел?! – заорала билетёрша. – Пошёл вон! Не то милицию вызову!

При этом слове у Степана сердце в пятки упало.

– Милицию? Зачем? – еле выдавил он, испугавшись до смерти.

– ...Будет тебе магазин «Океан»! – грозно продолжала она.

– Какой океан? – последовал вопрос несведущего и перепуганного Барсукова. – И милицию не надо.

– Тогда парней с длинными рубахами из психушки!

Окружавшие Степана прекратили смеяться. Пожилая женщина, стоявшая в очереди за совершенно растерявшимся Барсуковым, сделала замечание билетёрше, а его спокойно спросила:

– Мужчина, вы понимаете, где находитесь и что это за место?

– Это магазин рыбный, – так же спокойно ответил он ей.

– Да он ненормальный! – снова вспыхнула билетёрша. – Псих! Нашёл тут магазин. Селёдку ему подавай!

– Это не магазин, а туалет, – не обращая внимания на выпады билетёрши, терпеливо объясняла Барсукову заступница. – Притом кооперативный и потому платный.

– Туалет?! – удивился Степан. – И за это надо платить?

Лицо билетёрши перекошилось от злости. Она заорала:

– Идиот! Не хочешь платить, поди прочь и хоть в штаны дуй!

Степан сурово глянул на неё. Чуть помедлив, сказал глухо:

– Скверная ты баба. Бессердечная и глупая. – Взял свои вещи и вышел из подвала наверх, пропуская мимо ушей сыпавшиеся из уст билетёрши похабные угрозы в его адрес. Степану было всё равно: кооперативный это туалет или нет. Жалел только об одном: «Не магазин это, в котором можно купить обыкновенную селёдку пряного посола, копчённую ставриду, скумбрию ли».

Барсуков недолго кружился вокруг Центрального рынка, боясь отходить от него далеко. Он не знал названия улиц. Да они и не интересовали его. Он искал, где бы заморить червячка, ибо давно урчало в животе, кишка на кишку протокол писала, а желудок сосало, будто в нём действовал насос-качалка. Наконец наткнулся на то, что искал...

Столовая тоже оказалась кооперативной. Но это слово ничего абсолютно не значило

для деревенского мужика. Плевать он хотел на кооперацию! В столовой было, как в ресторане: на каждом столике цветы и меню. Степан сел у окна. Заказал первое и второе, а на потом – добавку.

* * *

На автобусную остановку явился через час. Она была полна народу. Люди похаживали взад-вперёд в ожидании своего маршрутного автобуса. Подъезжали разные, даже венгерские «Икарусы», но нужного Степану с номером 15, следовавшего до автовокзала, всё не было. Степан молча терпеливо ждал, не отходя от вещей, не спуская с них глаз. Неожиданно, как говорится в таких случаях: тому как на грех и быть – начало пучить живот. Стало невмоготу. Степан продолжал терпеть. А народу собралось полным-полно. В том числе и милиционер. Степан не разбирался в званиях, но возраст определил сразу. Лет 30–35. Стоит рядом. Тяжёлые вещи поднимать сейчас, при вздувшемся животе, опасно. Отойти нельзя. А газы в кишках распирали. Терпел Степан и сожалел: «Эх, был бы я сейчас в Иконовке. Там людей столько враз не собирается, и каждый куст, каждое место тебе туалет. Ох, сейчас и платный бы сгодился. Надо же, приспичило как, мать твою...» А живот уже, что шар воздушный: вот-вот лопнет! И... Не удержал Степан газовой атаки в нутре. Вырвалась наружу пулемётная очередь: «Трах, трах, трах!» Люди переглянулись, но промолчали. А Степану стыдно и неловко. И выругался вслух:

– Эх, город, чёрт бы тебя побрал! Мать твою...

Милиционер счёл своим служебным долгом принять меры. Подошёл к деревенскому мужику. Взял, как положено, под козырёк.

– Сержант Козлов... Гражданин, отойдёмте в сторонку.

Пришлось подчиняться. Взял Степан вещи, последовал за стражем порядка. Милиционер остановился. Степан тоже, поставил у ног чемодан с сумкой, весь дрожа от испуга.

– Что ж вы, гражданин, так непристойно ведёте себя, город загрязняете к тому ж? И при людях, в общественном месте. Нехорошо...

Степан слушал молча, часто моргая от стыда, и думал со злостью: «Тебе бы так припичило, мент!»

– Фамилия, имя, отчество? – привычно строчил сержант, пристально изучая лицо нарушителя порядка.

– Моя фамилия? Зачем? – совсем струхнул Степан.

– Да, ваша, гражданин. Я, кажется, только с вами разговариваю.

– Барсуков я. Степан. Яковлевич по отцу. На што это вам?

Сержант достал блокнотик, записал уже услышанные данные.

– Год рождения, где проживаете? – продолжил прежним тоном блюститель порядка.

– 1942. Иконовка, – ответил Степан и спросил опять: – Зачем?..

– С вас штраф. 50 рублей.

– За что? 50 рублей – почти вся зарплата моя за месяц! – чуть не плача сказал Степан.

– Я уже говорил вам. За нарушение общественного порядка...

Степан вспомнил о спрятанных деньгах. Как доставать их сейчас? Вспомнил и о двух полусотенных, которые сунул в карман недавно. Достал одну на ощупь, отдал сержанту. Квитанцию об уплате сунул в карман не глядя. И это ему было всё равно.

– Мы ещё и на место работы вашей сообщим, – дополнил сержант и отошёл с чувством исполненного долга.

Автобус номер 15 всё не появлялся. Степан, постояв в отдалении от ожидавших на остановке, решил задать вопрос милиционеру. Подошёл уже более смело, чем несколько минут назад.

– Товарищ сержант, а куда потом идут деньги с нарушителей?

– На строительство коммунизма, – отчеканил милиционер.

– Чего-чего?

– Коммунизма, – повторил с усмешкой сержант.

– Вон куда, – удивлённо произнёс Степан. – Эт при пустых прилавках-то. – Вспомнил одну песню, покачал головой: – Долго, ох как долго ещё придётся нам пыжиться, чтоб засияли светлые зори коммунизма над огромной страной нашей.

Милиционер ничего не успел ответить, вошёл в подъехавший автобус. Степан отошёл к своим вещам. Живот по-прежнему пучило. Но тут показался долгожданный автобус под номером 15...

* * *

Минула неделя после возвращения Степана из областного города. Квитанцию об уплате штрафа он спрятал в тайнике, нередко разглядывал её и повторял слова сержанта: «Город загрязняете, гражданин Барсуков!» Ходил он мрачный, задумчивый. Жена беспокоилась.

– Чё такой смурый все дни, как приехал? Случилось что-то там?

– Нет, – бросил муж и ушёл.

А вскоре заметила жена, что он стал частенько заглядывать в контору совхоза. Ходил в одни и те же часы. То у секретаря молча посидит, то в бухгалтерии. Однажды главный бухгалтер, женщина проницательная, спросила: «Что-то ты, Степан Яковлевич, часто посещаешь нас. – И пошутила: – Никак влюбился в кого-то?» Он не ответил, ушёл. Когда появился там снова, главная вновь, но уже озабоченно задала вопрос в лоб: «Что у тебя случилось?» – «Ничего не случилось», – буркнул он и ушёл.

Несколько дней после этого Степан не появлялся в конторе. Слух о странном поведении Барсукова донёсся и до директора. Он, что называется, прижал странного посетителя конторы к стенке.

– Так, Степан Яковлевич. От меня не отворачивайся. Признавайся, и честно. Что значат твои частые, притом молчаливые, визиты в контору? Что всё-таки случилось?

– Да нет, – спасовал перед директором Барсуков.

– Не лги! Я же по лицу вижу, что-то произошло с тобой. – И директор пошёл на ма-

ленькую хитрость: – Говори, Степан. Я в этом деле – могила! Ты же знаешь...

– Бумаги из города не было? – спросил Барсуков, прервав речь директора. – На меня бумаги?

– Да нет. А что за бумага должна быть?

Степан не ответил и директору, вышел из кабинета.

Оставшись один, глава совхоза много передумал, предполагая, что за бумагу ждал Барсуков. А её не прислали ни через неделю, ни через месяц, ни через год. Зато Степан Яковлевич зарёкся покидать Иконку до конца своей жизни... Вот такой он был человек.

Гулящая

В середине июля в деревню Долгиновку к деду Степану и бабке Клавдии Фроловым приехал племянник Илья Петрович. Симпатичный мужчина невысокого роста, худощавый, начинающий художник, но уже имевший несколько выставок-вернисажей в своём городе Санкт-Петербурге и в Москве. Состоял он и в Союзе художников России. А за неделю до его приезда Фроловым на велосипеде привезла телеграмму почтальон. Звали её Марина, но по-уличному она – Гулящая. Так односельчане окрестили почтальонку за то, что ещё в девках нагуляла ребёнка. Живёт Гулящая в родной деревне вместе с престарелой матерью и дочкой Юлией. Почтальоном работает давно. Обслуживает три дерев-

ни, находящиеся одна от другой неподалёку. Если случались задержки почты, от сельчан доставалось Марине, хотя вины почтальона в этом не было.

– Гулящая наша опять загуляла! – роптали они.

В тот вечер Клавдия Ивановна в палисаднике обрывала крыжовник и не заметила, как подкатила на велосипеде почтальонка.

– Клавдия Ивановна! – позвала Марина. – Вам телеграмма! Из Санкт-Петербурга.

– Что за телеграмма? Что там в ней? – заволновалась старушка.

– Да вы не волнуйтесь. Всё хорошо. Просто Илья сообщает о своём приезде к вам.

– Степан! – закричала бабка Клава мужу, возившемуся за домом у сарая с телегой. – Телеграмма нам!

Марина вручила телеграмму и газету, перенесла ногу через раму велосипеда, оттолкнулась и шустро заработала педалями...

...Илья Петрович проснулся утром рано. К обеду переколол кучу напиленных чурбаков на дрова к зимней топке и сложил всё в сарае.

Затем взял альбом для набросков (возможно, материал для своих будущих полотен), мягкий и твёрдый карандаши и отправился в окрестности Долгиновки рисовать с натуры. Деревня на самом берегу реки. За нижними огородами начинается луг. За ним – река, заросшая камышом. Со всех сторон луга виднеется церковь. При солнечных лучах купола церкви казались позолоченными. Над куполами возвышается крест. В пасмурную погоду он как бы цепляется за низко плывущие облака.

– Какая красота! – восторгался, идя по лугу, Илья Петрович.

Яркие луговые цветы приманивали к себе бабочек и пчёл. В воздухе стоял медовый аромат.

Художник остановился, сел на большую луговую кочку. Раскрыл альбом, начал рисовать. На бумаге вскоре появилась река, на ней – привязанная за корягу лодка, на берегу – камыш, а в сумерках вечерней зарницы виднелась старинная церковь.

Лёгкий ветерок донёс до слуха художника из камышей речного озера всплеск воды, девичий вскрик, затем приятный голосок, что-то мелодично поющий. Художник посмотрел по сторонам, прислушался. Никого не увидев, из любопытства встал, по-кошачьи беззвучно приблизился к тому месту, где продолжались всплески воды. На берегу заметил бельё, на нём – ромашки. Художник притаился за ивняком, стал изредка выглядывать из укрытия. Вскоре из воды на берег вышла совершенно обнажённая блондинка. Илья залюбовался тонкими линиями её тела и пышными округлостями девичьих грудей. «Русалка!» – восторженно подумал он.

«Русалка» вдруг остановилась и, ничего не прикрывая, спокойно спросила:

– Чего уставился? Смотри, а то глаза полопаются.

Художник раскраснелся от смущения, стыда и неловкого положения в которое его завело любопытство, снова спрятался за ивняком. А девушка, абсолютно не смущаясь и не волнуясь, как будто она на берегу одна, спокойно подошла к белью, взяла махровое полотенце и так же спокойно стала вытирать

им своё тело. Надев нижнее бельё, девушка не спеша начала расчёсывать длинные русалочьи волосы.

Наблюдавший с прежним наслаждением за дивной «русалкой» художник, отвернувшись, невнятно произнёс из укрытия:

– Здравствуйте!

Девушка не ответила, продолжая своё дело. Потом постыдила:

– Нехорошо подглядывать.

– Вы простите меня. Я... нечаянно как-то это получилось.

– А что вы тут делаете? – усмехнулась девушка.

– Я-то? – переспросил рассеянно Илья.

– Вы-то, – незло передразнила она.

– Гуляю и работаю.

– Здесь? Работаете? – засмеялась девушка. – Работаете и бесплатно получаете наслаждение от эротической картины...

– Говорю же, случайно так вышло. Извините меня.

– Ничего, проехали, – ответила она, почти совсем одевшись. Заметив альбом, заулыбалась: – А это-то зачем? Никак вы меня из-за кустов рисовали с натуры?

– Не успел. Да и не мог без разрешения.

– Вон вы какой! Культурный... Вот я уже кое-что знаю о вас. И ещё... Вы – Илья. Из Санкт-Петербурга. Приехали к Фроловым...

– Верно. – Художник широко раскрыл глаза от удивления. – А вы откуда всё это узнали? Вы волшебница или добрая фея?

– В каком-то роде – да, – довольно хихикнула девушка.

– В таком случае и вы откройтесь. Вы обо мне вон сколько знаете, а я о вас ничего. Скажите хотя бы, как вас зовут.

– Мариной мама назвала, – прозвенела весело. И чуть серьёзнее: – А ещё Гулящая. Работаю почтальоном.

– Это за что вам такой ярлык люди приклеили? – удивился он.

На этот вопрос Марина не ответила, собирая мокрые волосы под резинку в хвостик. Вдруг вновь повеселела, вознесла руки к небу, потом чуть опустила, показывая ими на воду.

– Люблю в жаркий день после работы здесь на озерке поплескаться нагишом! Одно удовольствие! – И уже совершенно неожиданно предложила смело: – Если вы не возражаете, давайте купаться по вечерам вместе.

Илья, захваченный врасплох таким смелым предложением, совсем засмутился, растерянно глядел на неё и молчал.

– Стыдитесь меня? – то ли просто спросила, то ли упрекнула Марина мужчину. Взяла полотенце, мыло и лёгкой походкой удалилась.

Илья опомнился, догнал девушку и предложил тихо, несмело:

– Разрешите, я вас провожу?

– Разрешаю, – кокетливо изогнулась Марина. – Только помните, здесь деревня небольшая, а не Питер. Поди женаты?

– Увы, не успел пока, – ответил Илья.

– Да?! – удивилась Марина. И захохотала: – Тогда вам повезло. – Вдруг остановилась, приложила палец к губам, спросила шёпотом: – Слышите?

– А что слышать?

– Ничего не слышите, Илья? Чибис же кричит, трясогозка трезвонит! Послушайте!

Илья сделал вид, что слушает, а в голове – залихватистый смех девушки. Она сильно заинтересовала его ещё там, на берегу. И он перевёл разговор на нужную ему тему.

– А вы, Марина, замужем?

– Вот это знать вам ни к чему, – поблуднела девушка.

– Почему же?

– Вы что? Я так вам понравилась? Один раз голую меня увидели и уже жениться решили?

– Почему бы и нет?

– По кочану... – Марина отвернулась от провожатого. Тихо, с лёгкой дрожью в голосе ответила: – Поживёшь, Илья, узнаешь. Я ведь баба гулящая. – И уже немного со злом бросила: – Кому я нужна?! У меня дочка. 8 лет ей...

– Понятненько, – задумчиво протянул провожатый.

– Понятливый. – Окинула Илью вопрошающим взглядом. Отрезала: – Дальше провожать меня не надо. Одна дойду, не заблужусь. – Скользнув ещё раз по парню изучающим взглядом, быстро зашагала к деревне.

– Завтра встретимся, Марина? – крикнул он вдогонку.

– На озерке, – не оборачиваясь, ответила девушка.

...Прошёл месяц...

Илья за это время познакомился с дочкой Марины Юлей, нашёл общий язык и с её мамой. Деревенские слухи об этом, распускаемые сарафанным радио, дошли до бабки Клавдии и деда Степана. А однажды к ним пришла соседка Марфа и поинтересовалась:

– Клавдия, это правда, что художника, племянника вашего, Гулящая охмурила?

– Ну и охмурила. Ну и что такого? – буркнула Клавдия. И более спокойно разжевала: – Оступилась в девках Маринка, ну. Так её вообще захаяли: гулящая, гулящая!

– Ага, раз оступилась, – запротестовала настойчиво соседка, – как бы не так! Да не раз! Она с мужиками это...

– А ты что, свечку, что ли, в то время держала? – огрызнулась хозяйка, оборвав гостью. – Видала, как и с кем она?..

– Нет.

– Чего тогда мелешь пуще мельницы?!

– Так гулящая она! А Илья... жалко молодого мужика.

– Марфа! – раздался голос Степана из горницы. Войдя к ним, прикрикнул: – Ступай с глаз моих! Жалостливая нашлась. Мужика молодого шибко жалко ей... Сам разберётся, не маленький.

...В начале августа Марина, развозя на велосипеде почту пораньше, увидела у дома Фроловых незнакомку. Она в купальнике небесного цвета лежала спиной вверх на байковом одеяле, загорая под жарким солнцем. На крыльце сидел мальчик лет одиннадцати в белой маечке с узенькими плечиками и в шортах.

– Мама! Тётя почту привезла! – крикнул он.

– Сынок, подай твоей мамочке газетку, – томно попросила мать.

Марина заинтересовалась, что это за новые люди в деревне, да ещё и у Фроловых, где находится Илья. Отдавая почту, спросила:

– Мальчик, тебя как зовут?

– Олег, – щурясь от яркого солнца, ответил наивный мальчонка.

– Вы приехали к дяде Илюше?

– Ага, – сказал он и убежал, не желая разговаривать с незнакомой тётей-почтальонкой.

У Марины ёкнуло сердце и неудержимо забарабанило. «Соперница! Брехал Илья! Женат он!» – выдыхала зло в такт нажимания ногами на педали. Два дня она старалась избегать встречи с художником. Даже почту Фроловым носить заставляла Юлю. Марина не знала, что Илья, провожая ту женщину на поезд, объяснил ей произошедшее: «Лариса, ведь между нами всё кончено. Могла бы и не приезжать. Тем более что я теперь полюбил другую женщину». Проводив Ларису и вернувшись из райцентра в деревню, Илья сразу направился к Марине домой. Её не было.

– А где Марина? – спросил он у её матери.

– Мама почту разносит, – ответила за бабушку внучка.

– Я подожду Марину на крыльце. – Он вышел из дома, закурил.

Ждать пришлось долго. Она вернулась домой довольно поздно. Уже наступали сумерки. Увидав на крыльце Илью, Марина остановилась на дорожке, не зная, подойти к нему или убежать. Он сам подошёл к ней.

– Мариночка, ты почему избегаешь меня? – взволнованно спросил он, забирая у неё велосипед.

– Потому что нам незачем встречаться, – с дрожащими губами произнесла она. – Я ведь гулящая! И дочка у меня от командировочного нагульная! Тебе уже, наверное, все уши прожужжали про это. В общем, Илюша, не пара мы. Ты художник, известный уже, а я всего-навсего почтальонка. Притом деревенская.

– Ты злишься, Мариночка. Успокойся. Я понимаю тебя, ты из-за Ларисы. С ней всё давно кончено. Сюда она приехала без приглашения. А главное, Мариночка, – я люблю тебя. Тебя! Выходи за меня замуж, любимая. Ты согласишься? – Илья замер в ожидании ответа. От него многое зависело теперь, и он боялся отказа.

– Я... я тоже... – с трудом выдавливала она слова из перекрытого тугим комком волнения горла, на её глазах блеснули бисеринки слёз – слёз огромной долгожданной радости, – тоже люблю... тебя, Илюшенька! Я согласна быть твоей... – Она не успела сказать главного слова – «женой».

Он и так понял ответ, крепко обнял любимую и прикоснулся губами к её голове. Волосы её отдавали речной влагой.

– Ты снова была на озерке, на нашем месте? – с волнением спросил художник.

– Я не изменила привычке. Да, купалась там. Потому так задержалась.

– Купалась тоже, как привыкла? Русалкой? – засмеялся Илья.

– Русалкой, – ответила Марина и тоже рассмеялась, вспомнив их первую встречу...

...В конце августа все трое: Марина, Юля и Илья, весёлые и счастливые, отправились в Санкт-Петербург. Навсегда. Их провожали тоже трое и тоже счастливых людей: бабушка Клава, дедушка Степан и мать Марины. Только у второй тройки глаза были на мокром месте, хотя и от счастья. Они волновались за будущее их родных. До асфальтированной дороги, где ходили рейсовые автобусы, добрались быстро в телеге, в которую была впряжена справная и шустрая лошадь Серуха. Уезжающих в Питер посадили в автобус. Когда он тронулся, оставшиеся махали руками до тех пор, пока он не скрылся за холмом.

А деревня встретила проводивших неугомонным судачаньем.

– Проводили? Вот те и Гулящая! Гуляла, гуляла, а такого парня отхватила! И красавец, и маляр!

– Не маляра! – поправляла другая женщина. – Художника!

– Вот-вот. Да ещё в такой городище подалась. Говорят, там и ночью светло, как днём.

– Да ты что? Эт как это?

– Вот так. Всё время день и день. Ночи нет совсем.

– О Господи! А как же спать молодые будут? Когда?..

Кумовья

Накануне Рождества Христова уважающие друг друга кумовья собрались за праздничным столом у кума Ефима. Кум Иван пришёл один, без жены. Жена у него замкнутая, неразговорчивая и в то же время довольно сварливая. Сам Иван, шестидесяти пяти лет, – прямая противоположность своей супруги. Хвастливый весёлый балагур. Несмотря на возраст, одевался обыкновенно, по-деревенски. Чаще всего носил свитера, связанные женой. Сейчас за столом он сидел почти совсем седой, а в молодости был смуглым, черноволосым, но таким же, как и теперь, хвастливым, любящим что-нибудь приукрасить, а то и приврать.

Совершенно иной, чем кум Иван, кум Ефим. Больше молчал и любил слушать байки кума. Жена Ефима тоже не противница послушать кума Ивана. А он частенько заглядывал к ним на огонёк.

Разговоры вели разные. Будучи подшофе, переходили от одного к другому. Трудно было разобрать, где конец одного и начало другого. Жена Ефима, женщина лет шестидесяти, не могла всё время находиться за столом. То уходила по своим делам, то возвращалась к кумовьям, вслушиваясь, что «гнёт» теперь гость.

Ефим лет на семь старше Ивана, но физически выглядит лучше, моложе него...

– Вот чертовщина какая случается! – закончил кум Иван.

– Будя вам так языки чесать, – вмешалась в разговор хозяйка. – Всё черти да черти. И это перед праздником таким!

– Да, кум, – поддержал жену Ефим. – Хватит. Какие в наше время черти? Ты их видел?

– Чертей-то? Вот как тебя сейчас, – не раздумывая, ответил кум Иван. – Но в образе человеческом. Сатана да и только.

– Да ты что?! – удивился кум Ефим. – И когда видел?

– Зимой. Год назад. Где глиняные ямы.

– Бреешь, кум, – с усмешкой отрезал Ефим.

– Зачем мне тебе брехать? Не веришь? – не уступал Иван. – Так вот тебе крест святой! – Перекрестился и начал рассказывать: – Еду, значит, я из Шамякина. Смеркалось уже. Низом позёмка змейками тянется. Ветерок мне в спину. Колючий такой ветерок. До косточек пробирает, стервец. Слава Богу, туч не было. Чистое небо. Кобылка моя молодая тока рысцой бежит. Дорогу-то перемело всю. Лошадка и пропотела от натуги. И тут вижу, впереди человек по обочине идёт. Стронит-ся. Догоняю его. Пригляделся. Не нашенский, не здешний. «Здорово, – говорю ему. – Далеко путь держишь? А то садись, подвезу». А он, садясь ко мне, в ответ: «Иду от села до села. Где приютят добрые люди, там и заночую». У меня тут мыслишка в голове: «Беженец, наверное. Ныне много таких бродит...» Едем дальше. Я молчу, и он молчит. Оба будто воды во рты набрали. Пригляделся я попристальнее к нему. Нелюдимый какой-то. И вижу, дрожит он, что лист осины. Оказывается, в нём нечистая сила играла. Тут я и спрашиваю: «Замёрз ты?» – «Да, – говорит, – пробирает маленько. – И достаёт из карманов осеннего пальтишки бутылку водки и стакан: – Давай, – предлагает мне, – согреемся». И дёрнуло меня, дурака, согласиться.

– Ну и в результате, кум? – не вытерпел кум Ефим. – Где же Сатана? Разве настоящий человек похож на Сатану?

– А ты, Фимка, не перебивай! Слушай, – вновь вмешалась хозяйка. – Я сама в молодости видала чертей. У речного затона.

– Ха! Вы оба врать мастаки. Тебя бы с Иваном спаровать, так вы бы весь вечер байки травили без усталости, – усмехнулся Ефим, закуривая.

– Э-эх, не веришь, кум. Весь чистый, как энтот атеист, – заворчал недовольный рассказчик, наливая себе водки.

– И что ж из этого?

– Не торопи, сейчас всё доскажу. Ты тока слушай и не перебивай. А ежели не веришь мне, так я не стану рассказывать далее. Понял? – припугнул кума и плеснул ему в стакан водки. – Давай для храбрости хряпнем по единой.

Выпили, закусили. Иван смахнул с губ и усов мокроту.

– Ну, слушай дальше... Подъезжаем мы к этим самым глиняным ямам, не доезжая до Садовой. И вроде бы деревня совсем близко, огоньки изб приближаются, а мне почему-то кажется, уж больно долго мы едем. И тут в башку стукнуло, а может, сам Господь подсказал, «Отче наш» прочитать. И оказался я вдруг не в санях, а в сугробе. Аж по пояс в снегу! Один-одинёшенек, да на крутом берегу, над самым обрывом. Ни кобылы моей рядом, ни саней, ни того человека. И тут в голову мысль пришла: «Сатана! Нечистая сила!» Дрожь по всему телу так и побежала. Под шапкой волоса дыбом. А в руках вместо стакана с водкой – мёрзлый катях лошадиный – в одной и пучок старой соломы – в другой. Но я ведь хорошо помню, выпивали же мы вместе. Я чуть в штаны не наложил от страха. Вскочил и по сугробам рысью помчался на огоньки. Так до самой деревни и мчался без оглядки и по полю, и по сугробам. Аж запыхался весь. Прибёг домой, а кобыла моя как ни в чём не бывало у изгороди постаивает, не распряжённая ещё. Вот тут у меня не только дрожь, как в лихорадке, началась, а даже пот холодный прошиб. Я давай осенять себя крестным знамением да просить усердно: «Господи, прости меня, грешного!» Значит? На самом деле грешный я, кум, раз Сатане поддался... Но всё же немного погодя лошадь распряг, в сарай завёл её и давай барабанить в окно. А жена, чертовка, как назло не торопится отворять мне. Да ещё бранится, окаянная: «Ты что там, чёрт шалапутный, колотишь? Стёкла разобьёшь!» А я ору что было мочи: «Отворяй скорее, мать!» Залетаю в комнату как ошпаренный, рухнул на колени и давай поклоны бить и креститься. Нинка-то,

жена моя, глазища вытаращила с испугу. Плюх рядом, лоб щупает мой: «Что с тобой, отец?!» – «Мать! – выкладываю ей. – Сатана меня чуть не погубил. Вроде и выпивали вместе в санях, а оказался я в глубоченном сугробе вместо саней. И около меня ни их, ни кобылки, ни того человека незнакомого». – «Какой такой Сатана?!» – тарашится на меня Нинка, ничего не понимая. А по мне мурашки так и сыпятся, так и катятся. Кожа сделалась, как у гуся.

«Налей, – говорю жене, – хоть грамм сто пятьдесят для успокоения души! Успокоюсь, тогда всё и расскажу, как дело было. А щас не в состоянии. Дрожь окайная забирает». С испугу Нинка не пожадничала, налила стакашку. Шандарахнул я его враз, тут вроде бы и дрожь проходить начала. Пересказал Нинке всё по порядку, а она не верит мне. «Брешешь, – говорит. – Нажрался самогонищу, оттого и померещилось тебе». – «Да ты что, мать?!» – убеждаю в правде рассказанного, сам на образа крещусь, крещусь, не переставая. Тут-то она и поверила наконец... Вместе решили: никому ни гу-гу об том случае с Сатаной. Люди ить разное могут подумать. Скажут, допился Ванька до белой горячки...

С той поры я, ежели когда где-то припозднюсь, энти глиняные ямы обхожу иль объезжаю за версту. Нехорошее это место. Вот вам, кум и кума, крест святой. Очень нехорошее!

Кума, повернувшись лицом к красному углу, что-то запричитала образам Божией Матери и Николая Чудотворца. Помолившись, сказала строго:

– Будет вам, мужики, трепать языками. Да ещё такое перед Рождеством Христовым.

Гость глянул на наручные часы, спохватился.

– Ох, засиделся я у вас, кумовья. Поздно уже. Ну, будьте здоровы. Пойду потихоньку...

Кум Иван, покачиваясь, брёл по пустынной деревенской улице. Лёгкий ветерок осыпал с деревьев бархатистый иней. Он радужно искрился под светом кое-где ещё горевших уличных фонарей.

Из подворотен на Ивана с лаем набрасывались собаки. «Чёрт бы вас, тварей окайных, побрал!» – ругался он, позабыв обо всём...

ЧЁРНОЕ — БЕЛОЕ

РАССКАЗ

Валерий АРШАНСКИЙ

Влюбчивый с первого взгляда, я изнывал от желания познакомиться с этой полнотрудовой блондинкой как можно ближе, теснее, ласковее, чтобы и ладошки в ладошки, и глаза в глаза, и уста в уста... А всё началось с одного мгновения. Ровно так, как трутся о колени добрых хозяев ласковые кошечки, так и она, легкокрылая перышко, вроде бы невзначай, пробегая мимо, нежно коснулась своим плечиком моего грубого плеча, опашув флёром сладких дамских духов и чистой кожи. А много ли мне надо для рождения самых смелых фантазий и учащённого биения пылкого моего сердца, сходу посылающего требовательные сигналы слабому полу: подтверди свои чувства, откликнись, отзовись... Какой там он «слабый»... Сильный! Сильнейший у этих «кошечек»! «Сильнее кошки зверя нет!»

Вот и процокали мимо туфельки на высоком каблучке, не сбавив иноходь ни на миг! Не замедлили бег стройные загорелые ножки, не пожелавшие участия в детской игре «Замри-отомри»! Вечное моё «счастье», когда девушки соглашались на свидание, но... приходили к другим...

Так пусть бы уж оглянулась хоть на чуть-чуть эта фея, обернулась хотя бы вполоборота, чиркнув вскользь, как бы рассеянно, по моему лицу взглядом своих фиалковых глаз, блоковская чаровница. Наяда, русалка, колдунья, способная без особых усилий сводить с ума

одним только взглядом и юного пэтэушника, чья униформа на все времена — замызганные треники с белыми лампасами и стоптанные кеды на босу ногу, — и вот такого седоусого джентльмена с высшим инженерным образованием, упакованного в модную итальянскую джинсу, затемнённые мексиканские штiblеты и немецкую сорочку цвета морской волны. Всё купленное, конечно же, не на прилавках стихийных рыночных рядов, а в модных бутиках богатых фарцовщиков, мотающихся после открытия железного занавеса по зарубежным торговым точкам Европы куда как чаще, чем самые опытные дипломатические сотрудники Министерства иностранных дел Российской Федерации по своим секретным делам...

Горло пересыхает, честное слово, когда встречаешь богемную красоту незнакомой леди, обходящейся без грима, без малейших следов косметики. Всё натурально, всё в первозданном виде, как василёк или колокольчик на далёком лугу. И как же не понять, не разделить тот восторг перед молодой женщиной с её ослепительным алебастром лебединой шейки, румянцем ланит, пухлыми губками, маленьким пикантным носиком и розовыми, словно просвечивающими ушками, который так искренне, так волнующе передавали непревзойдённые знатоки любовных дел, французы Бальзак, Мопассан с Флобером, да и не хуже наши — Пушкин с Лермонтовым, да и

Тургенев с Толстым. Право слово, нужно мне, наверное, чаще перечитывать классику!

* * *

Поумничал, «седоусый джентльмен»? Повыёживался? Может, хватит о классиках? Давай-ка теперь потолкуем о матёрой прозе жизни.

* * *

Дождливым вечером, вечером, вечером, когда окончательно стало ясно, что лето безнадежно испорчено – вот уже и август догораёт, весь в атмосферных осадках и безнадежном падении звёзд, а я только пару раз искупался в нашей Цимлянке, – пришло решение слетать на недельку-полторы к морю. Продлить лето. Ещё только предстоит определиться куда – в Турцию там или в Грецию, – а пока нужно начать с малого, получить заграничный паспорт. У жены он есть, действующий, у дочери тоже есть, а у меня просроченный. Всё некогда было да некогда заняться его переоформлением. Пугала предстоящая маета, морока: в нашем уезде такие документы не получишь, нужно ехать в область, а туда приезжаешь – и сразу столько наваливается других дел, что дай бог только успеть их переделать. Вот и откладывалось всё со дня на день, несмотря на неизменное напоминание супруги заняться получением пурпурной книжицы. Но в конце концов необходимость устройства личных дел всё же пересилила, цепко взяла за кадык и, как говорит завзятый бильярдист, мой сосед Лёня, жрать захочешь – и с левой ударишь. К чему это я опять? А! К необходимости решения личных дел...

За трёхлитровой банкой пива нефiltroванного (жена моя – крупный чин на пищевом комбинате) и ворохом воблы мы и сговорились под шум дождя с бильярдистом-автомобилистом Лёней, владельцем крупного торгового дома «Пафос» (я придумал ему такое название!), что ровно через недельку, необходимую для сбора предварительных справок и анкет, сгоняем мы с ним в губернский город

Н (всё по Тургеневу!) и, пока мой сосед-предприниматель будет заниматься закупками на огромных оптовых складах в районе Москалёвки, я там же, только на другом конце старинной купеческой улицы имени двух знаменитых евреев – Моськи и Лёвки – решу свои вопросы: выправлю красную паспортину.

И вот он, весь в огнях и зеленях, шумящий, галдящий, звенящий, не чета нашему тихому, провинциальному, губернский град Н. Вот радиальным лучом отходящая от Центрального бульвара улица Москалёвская с кафешантаном «Шоколадница» на углу. И вот парадный подъезд в тот торжественный день, когда я весь такой в праздничном прикиде, чуток сбрызнутый на дорожку терпким мужским одеколоном Burberry, сижу со скромной папочкой в руках на сиротском диванчике в гулком общем зале, как на вокзале, жду своей участи, невольно вспоминая нечто из далёкого незлобивого детства и не отгоняя лезущий на ум мотив донельзя простенькой песенки «Детство, детство, ты куда ушло?» в исполнении группы «Ласковый май» и солиста Юрия Шатунова лично.

* * *

В том далёком детстве, когда ни взрослые, ни дети не знали и не догадывались, какое на их долю обрушится сущее бедствие в виде компьютеров и айфонов, а знали только гудящие-чадящие примусы, керогазы да воскресные патефоны, водила меня, первоклассника, в Ильинскую церковь страсть какая набожная тётя Дуся, чтоб ей и на том свете легко лежалось – этой изумительной женщине, спасавшей в уральской эвакуации нашу семью от голода умением шить и перешивать для «барахолки» любые вещи из ничего не значащих тряпок, лоскутов, обносков...

Бездетная и безмужняя тётя Дуся – святое существо, из тех, которые готовы служить любому, кто не обидит, – после войны, несмотря ни на какие уговоры мамы и вернувшегося израненным, но живым после фронта отца, нас стеснять (как она считала) не стала, а посвятила себя дальней-предальней род-

ственнице, приютившей её в своей квартире то ли действительно за ценившийся во все времена портновский талант, то ли из-за боязни доживать свой век одной, позабытой-по-заброшенной улепётнувшими, едва став на крыло, тремя детьми от разных мужей... А у родственницы квартира, за которой надо следить, приусадебный участок, за которым нужно ухаживать, в сундуках и потайных ящичках какое-никакое состояние, на которое могут позариться лихие людишки.

Откуда состояние? Оттуда. Возьмите да посчитайте годовые кольца на её холёных пальцах, по которым можно с большой долей вероятности определить количество её прежних браков, общее число мужей и – приблизительно, неточно – общую продолжительность счастливой ли, несчастливой, но зажиточной супружеской жизни в каждом отдельном случае. Звали любвеобильную мадам Елизавета Юрьевна. Но это я мог с пяти лет кричать ей через забор, обозревая ягодные кусты: «Ризавета Рюревна, крыжовники поспели?» А маленькая росточком, невзрачная, робкая, вечно стеснительная труженица тётя Дуся называла свою мадам не иначе как Барыня. С большой буквы, шёпотом и всегда в третьем лице. То есть, «Барыня сказали», «Барыня велели», «Барыня спрашивали»...

– Вилерик! – встретив меня во дворе и пугливо оглядываясь на всевидящие окна барской квартиры, уходила от греха подальше, туда, к сараям, чуть ли не равная мне ростом худышка тётя Дуся. – Вилерик, сегодня большой церковный праздник, Благовещение, вас вечером мама со мной в храм отпустит?

– Конечно, отпустит, тётя Дуся, – не задумываясь, успокаивал я швейную мастерицу. – Она меня с вами куда угодно отпустит...

– Ой, не говорите так, – боязливо, как нитку, перед тем как шить «по-живому», прикусывала уголок беленькой хусточки, плотно укрывающей её седую голову, тётя Дуся. – Боженька услышит, обидится...

Видишь как: не осерчает, не разгневается, а обидится. Хм! Вот бы увидеть того Боженьку!

Стоим мы часок спустя с тётей Дусей в старинной церкви, помнящей вояк Наполео-

на, в полутёмном окружении больших и малых икон, хранящих жуткие тайны человеческих исповедей. Перед амвоном медленно рассказывает высокий чернобородый батюшка в длиннополой рясе, окуривая помещение храма и многочисленную паству из маленькой ладанки и невнятно распевая сложные слова молитв. Одобрительно и равнодушно, умирительно и строго, рассеянно и настороженно смотрят на меня из полумрака таинственные лики святых. И колеблется неверное пламя шестнадцати (я сразу насчитал) тоненьких восковых свечечек, вставленных в широкое паникадило слева и такое же обширное – справа.

Дуся шепчет вслед за батюшкой известное и мне «иже еси на небеси», потом ещё что-то, одной ей понятное. Люди то и дело подпевают церковному хору, крестятся да бьют поклоны, и каждый раз кто-то незримый ласково наклоняет своей шершавой ладошкой и мою вихрастую голову ниц. А я нет-нет да поднимаю глаза и в самой неудобной позе туда, на верхотуру, куда вознёсся давно не крашенный купол, в надежде увидеть хотя бы краешком глаза дедушку Бога – маленького, бородатого, голубоглазого, непременно весёлого – каким он мне представляется. Такого Боженьку я мысленно срисовал с нашего соседа – однорукого продавца школьных принадлежностей дяди Миши, который и в долг, под запись, порой даёт карандаши, пёрышки да тетради всей нашей Пролетарке, зная, что его никто не обманет, притарабанит детвора свои копейки если не в тот же день, после школы, к вечеру, то уж завтра утром – наверняка.

Походы в Ильинку с миленькой тётей Дусей продолжались, пожалуй, ещё года два, но Боженька так мне свой лик ни разу и не явил, как я ни выкручивал шею в направлении купола. Только седобородые деды-прихожане да морщинистые бабушки-прихожанки, зоркие, как Финист – Ясный сокол, и беспощадные в вопросах веры, как Тарас Бульба к сыну Андрию, грозили в особо надоедавших им моментах мне перстами, а ну, мол, отрок, не балуй, не вертись, здесь тебе не улица, води себя, как положено, помни о величии храма!

* * *

И вот те с детства сохранившиеся ощущения некоего неземного, возвышенного, что находится вне привычных стен дома, не покидают меня до сих пор, окажись я в какой-нибудь зашмыганной конторе домоуправления, флигельке почтового отделения или в утлом здании сберегательной кассы – всё равно государственное учреждение... И я взрослыми уже глазами ищу тот самый купол...

Лечится ли подобное чувство страха перед невидимым куполом власти? Не знаю. Хорошо, если да...

* * *

Вот такие ассоциации навяло на меня нахождение в огромном помещении строгого казённого учреждения, где вьётся по фронтому потрясающая надпись – вначале слово из девятнадцати букв – «Многофункциональный», а затем тихим довеском словечко всего из пяти буковок – «центр». Если сокращённо, то МФЦ. Неказистое, честно говоря, сокращение. Какое-то, в плохом смысле, деревенское. Внутри центра, как на обычной молочно-товарной ферме (МТФ), горит дневной свет, излучаемый многими люминесцентными лампами. Пробегают туда-сюда озабоченные люди в блёклой сиротской униформе, явно придуманной не Юдашкиным и тем паче не Славой Зайцевым. Так перед посевной механизаторы, облачённые в мрачные комбинезоны, бегают из цеха в цех то с гаечными ключами, то с запасными частями, ремонтируя сельскохозяйственную технику на машинно-тракторной станции (МТС). И приглушённо – не в пример звучной уличной суматохе – раздаются людские голоса. Послушность, покорность просматривается в глазах тех, кто совсем недавно шёл, выпятив грудь, по Москалёвке, потряхивая папочкой и легковесно полагая утрясти пустяковые дела за пять минут. Ага! Как бы не так. Попал в казённое учреждение? Всё. Выдохни воздух свободы, дядя. Садись на стульчик или диванчик да начинай сидеть.

Пять минут назад каждый из нас был нормальным человеком со всеми полагаю-

щимися ему атрибутами – фамилией, именем, отчеством. Здесь всяк сюда входящего первым делом обезличили. И ты уже не Груздев, к примеру, Тимур Владимирович, а зашифрованный посетитель ФМ-48 с выплунувшимся тебе в руки из терминала бумажным талоном – четырьмя иероглифами, дающими право на бесчисленное чтение-перечтение бумажки, этакое ограниченное духовное пропитание. Сиди, не ропщи и помни, что каждый твой шаг, каждый жест и каждое телодвижение неотрывно, как радары в аэропорту Домодедово, контролируют хитро вмонтированные по разным углам миниатюрные глазки камер видеонаблюдения.

...Что же так долго, так тягостно молчат, не окликают никого из динамиков и не высвечивают на табло опознавательные знаки граждан ФМ, СЦ, ЗХ, РР и прочих ПТР? Наверное, в этот час повелители людских судеб изволят всё ещё в буфете или в своём кабинете кушенькать? Или картишечками ненароком увлеклись? А может, обсуждают увиденные в модном журнале чьи-то летние наряды – допустим, безобразно одевающейся Ангелы Меркель или распрекрасной Анджелины Джоли?

Тем временем, успевшая где-то быстренько пообедать и мышкой прошмыгнуть на своё рабочее место, за стеклянную выгородку, прелесть моя, зайка моя живенько общается через окошко с высоченным тощим «вьюношей», не иначе как баскетболистом, под два метра ростом, обряжённым в летние кремовые шорты, малиновую маечку и зелёную бейсболку. Явно рядом с парнем мамы нет, живёт бедолага в студенческой общаге, вот и одевается во что придётся, в первое попавшееся. Иначе разве позволила бы ему мамаша выйти в люди трёхцветным светофором, воробьёв распугивать?

Но что это за разговор у него с моей пери на повышенных тонах? Что за выяснение отношений с басовитым клёкотом в голосе? Что ты там доказываешь девушке, эй, баскетболист? На красную карточку нарываешься? Иди вон к соседней стойке и качай там права очкастой черноволосой мегере, смотрящей на всех

исподлобья. Это за моей белокурой цыпочкой кавалеры готовы выстроиться в ряд, жертвуя последним, а из-за той брюнетки – к тому же наверняка с подкрашенными волосами – стреляться никто не станет. Много чести. Пардон!

Тем временем моя Эллочка – такое имя я ей уже придумал, ещё не поглядев на бейджик, – отправляет пана спортсмена в аут: не те у него указаны паспортные данные в разграфлённой бумаге, нужно что-то переписывать. По артикуляции дылды я понимаю, как он возмущается и что готов произнести вслух. Но тут тебе не паркет спортивного зала, не баскетбольная площадка, могут и того... Привлечь!

А табло уже замигало. И прокашлялся наконец плотно пообедавший динамик. К невероятной моей радости, оба средства массовой информации вначале показали, а потом и прокричали именно мои позывные. Мало того, окошко мне назвали номер девятнадцать! Её! Эльвиры! Чума, братцы! Виктория! Полная победа!

По-школьному оттопырив тоненький мизинчик, будущая моя соседка по застолью в кафе «Шоколадница» (или шашлычку под коньячок на поляне в густом лесном массиве) увлечённо покусывает алые губки и, чуть вздёрнув ажурные ниточки бровей, внимательно вчитывается в претендующие на получение заграничного паспорта сроком на пять лет бумаги, не пропуская ни единой строчки, напротив, поводя по каждой их них точно таким же твёрдым грифелем карандаша, как у нас, проектировщиков, – «Кохинор». А я, полусогнувшись за окошком, пытаюсь гипнотизировать деву долгим неотрывным взглядом, рисуя в пылком воображении то полутёмный зал ресторана и нас с Эллой, влипших друг в друга в томном танго... То земляничную... нет, лесную поляну, где на пеньке выставлены пузырь армянского «Ани», соки-воды, колбасно-сырная нарезка, сотворённая её маленькими очень умелыми ручками, помидорчики, огурчики... Ещё персики...

– Послушайте! – поднимает на меня стальные глаза Инга Кирьянова (я считал с бейджика её персональные данные). – Послушайте! Вам кто-то помогал оформлять заявление?

– Нет... То есть да. – Вмиг сдувается эскадрон моих мыслей шальных, несколько растерянных от ледяного тона леди (ждал ведь жаркого сердечного общения). – Есть там у нас один опытный человек...

– Вот этот опытный человек вам и напакостил. – Остриём «Кохинора», как лезвием шпаги, обозначает проколы на анкете солнышко лесное.

Приняв за вопрос моё непроизвольное шевеление кадыка в пересохшем горле, Инга, не знаю, как её по батюшке, разъясняет:

– Код подразделения из гражданского паспорта не указан, а он вот сюда вот, видите, должен быть внесён. Номер вашего телефона и адрес электронной почты – вот в этих графах, видите, – не проставлены. Месяц рождения не цифрой, а словом должен быть указан, а тут совсем неразборчиво. И потом... вы что, пол меняли?

От последнего вопроса я точно бы грохнулся наземь, не будь у девятнадцатого окошка выступающего прилавочка, в который можно вцепиться обеими руками.

– Кто? Я? С чего вы взяли?

– А вот, смотрите, видите: клеточка «М» зачёркнута, а клеточка «Ж» оставлена.

– Так это она не зачёркнута, «М». Наоборот, обозначение сделано, что пол мужской...

– Вот это как раз и неправильно. А я вам говорю, как надо правильно заполнять документы. Придётся вам пойти мелкие погрешности исправить.

– А где? А как? А куда? – ненавидя самого себя за этот невесть откуда взявшийся заискивающий тон, за унижительное для дальнего потомка гонористого польского пана Олышанского плебейское послушание, завертел я головой, пытаюсь выяснить, кто же здесь занимается исправлением «мелких погрешностей», где сидит такой клерк в очках...

– Пройдите на вахту, вам там всё расскажут, – свела к переносице брови строгим домиком блондинка за стеклом. Инга свет Кирьянова. Несостоявшаяся любовь моя...

И побрёл я, озаряемый молочным светом люминесцентных ламп, туда, откуда входил – на вахту. Гауптвахту... Где уже от-

бывал наказание за такие же небось «мелкие погрешности» тот самый верста-светофор из студенческой баскетбольной команды.

Где я возьму новые бланки? Где найти непременно чёрные чернила и саму гелевую ручку, иначе опять завернут мои бумаги восвояси? И как там поживает сейчас мой сосед Лёня, Лёха, добрый Дон Кихот, перепробовавший за свою жизнь сто профессий, от нелегального золотоискателя в Красноярском крае, электросварщика на газопроводах в Монголии и Финляндии до подпольного фарцовщика, а затем легального бизнесмена-предпринимателя? Клянёт, поди, меня почём зря на все закорки за бесцельно прожитое время. Лёша, прости, дружище, попал я как кур в ощип. Сам ничему не рад, отдал бы сейчас всю наличность вместе с бумажником, найдись кто отважный, чтоб вытащить меня из этой вязкой бюрократической трясины. «Код подразделения...» «Пол...» Ну надо же! Есть единственный способ доказать ей свой истинный пол... Эх! Звякну Лёхе, пусть обругает, но войдёт в положение...

* * *

Несколько лет назад, когда кровожадные акулы ещё не заплывали в огороженный буйками пляж, чтобы покусать человека, и когда некая подлая душонка ещё не совершила свой мерзкий акт – не пронесла в багажный трюм египетского аэропорта взрывное устройство, отдыхали мы на Красном море в известном Шарм-эль-Шейхе, курорте прекрасном, почти как наши Сочи. И взял я с собой в долг у запасливого соседа моего Лёши подводное снаряжение – ласты, маску, трубку, очки – как же: пробыть две недели в фантастическом аквариуме и не полюбоваться кораллами, рифами, цирковыми рыбами, каждая из которых в невероятной красоты жилете, сарафане, блузе выделяет пируэты изобретательнее клоунов, жонглёров, акробатов?.. Да это всё равно, что залезть в спелый малинник и ни одной ягодки в рот не отправить!

Разглядывая тот самый коралловый док, где швартуются изогнутые, как сабли, и пущатые, как самовары, розовые, фиолетовые,

сине-чёрно-зелёные лупоглазые создания с затейливыми хвостами и задорными плавниками, я так увлёкся, что не успел поймать дыхательную трубку, соскочившую на дно в тот самый момент, когда я дёрнулся было поймать за хвост совсем рядом вылупившего на меня баньки оранжевого вуалехвоста. Именно за хвост. А он мигом мотнулся в сторону, зная себе цену и цену таким «ловцам» на живое.

Что теперь делать, мама родная? Трубке грош цена, но она не моя, а у Лёхи железобетонное правило: взял – положи на место! Я, набрав побольше воздуха в лёгкие, раз нырнул, уже не обращая никакого внимания на ехидно скалящихся на несчастного Ихтиандра всяких там скалярий... Два нырнул, всё так же безуспешно пытаюсь достать и не дотягиваясь – живот мешал? – на каких-то двадцать-тридцать сантиметров до уткнувшейся, как окурок, в просматриваемое дно той злополучной пустышки... Три нырнул, уже совсем уйдя в крутое пике, как подбитый «Юнкерс».

Бес-по-лез-но!

Так и кружил вокруг пропажи, беспомощно шлёпая по воде руками и вяло соображая, как буду оправдываться перед насупленным соседом...

Мимо проплывал весёлый француз – славный малый с неисчезающей улыбкой на устах. «Шяхмяти?» – «Нет, не играю». – Отрицательно качал он курчавой головой, заливаясь в счастливым смехе. «Ресепшн?» – переспрашивал он только что прибывшую в отель парижскую семью и, закатываясь в горловом бульканье, провожал новосёлов к месту регистрации.

Вот и сейчас, сразу поняв, что произошло, и для полной ясности ещё изобразив длинными музыкальными пальцами, как моя трубка «буль-буль-буль» пошла ко дну, изнемогающий от смеха Жан поспешил на берег к ожидающей его, загорая топless, подруге поделиться свежей новостью, на которые так бедны в общем-то похожие один на другой курортные будни.

Следом за не лучшим потомком Робеспьера уверенно резал ладонями набежавшую волну стриженный под бокс кру-

глолицый румяный британец. Достойный представитель страны – владычицы морей. Этаким, как я себе представлял, исподтишка разглядывая его в ресторане и у моря, солидный банковский клерк по имени, допустим, Саймон Консгроуд. Важный, знающий себе цену человек, у которого твёрдый, как Вестминстерское аббатство, оклад в фунтах стерлингов, дом в двух уровнях на Пикадилли, по утрам – непременно овсянка и свежий номер «Санди Таймс» на столе, а в передней, в шкафу на нижней полке, – зачехлённые клюшки для гольфа, на который он отправляется вместе с сыном – лоботрясом Гарри – каждый раз в каждый свой уик-энд на изумительной красоте изумрудные лужайки в предместье Лондона.

Уголком рта пробормотав длинную фразу, из которой я понял только одно слово – «блёт» – заблокировано значит, Саймон невозмутимо понёс над волной свою рыжую голову с волевым, резко очерченным подбородком дальше, к намеченной им цели. Разъяснил, называется. Прокомментировал. А то вроде я сам не понял, что моя трубка того... «блёт» – утонула. Спасибо, Британия, за помощь.

Расстроенный, раздосадованный, я уже намеревался сделать «левое плечо – вперёд, марш!» да плыть к пристани, как вдруг совсем рядом невесть каким образом – может быть, увидел и оценил ситуацию с берега, – оказался наш родной российский малый, хорошо упитанный, загорелый, пудов на восемь весом, с огромной золотой цепью на шее, на которую посади, предположим, несмышлёныша-телятко, ни за что не вырвется, не соскочит. Ни о чём не говоря, ничего не спрашивая, ростовский битюг (опять моя фантазия!), сверкнув над водой пятками сорок седьмого размера, ушёл в кораллы... И через полминуты, шумно выдохнув, протянул мне ту самую злополучную трубку, будь она неладна, из-за которой возникли совсем ненужные переживания.

Я рот не успел открыть, чтобы рассказать в благодарностях перед добрым человеком, а он уже уходил, уходил донскими сажёнками, подныривая под буи, явно желая насладиться морским простором вдали от

замкнутого сектора, огороженного плавучими пограничными шарами...

Весельчак Жан. Меланхолик Саймон. И наш... допустим, Алёша. Немало времени прошло с тех пор. И, возвращаясь памятью всё к тому же эпизоду, я однажды понял: не за что бранить и корить британского и французского подданных. Почему? Да потому что уразумел: те иностранцы по природе своей, по ментальности такие, они не могут быть иными. И если для нашего брата россиянина святое дело коллективизм, дружба, товарищество («Нет уз святее товарищества!», «Сам погибай, а товарища выручай»), то месье «Робеспьером» и сэром «Кромвелем» движут совсем иные устои.

«Сам!» Давай сам! Самостоятельно выплывай, вылезай, выкручивайся, как знаешь. Но сам. Потому они стоят себе поодиночке на берегу моря и невозмутимо наблюдают, как пытается выйти и всё оскальзывается, не может выкарабкаться на сушу престарелый, извинительно посмеивающийся над самим собой сеньор, чьи венозные ноги изношены до последней степени. И если уж он совсем откажется звать кого-то на выручку, вконец не справится с вылазкой, упадёт, только тогда, быть может, дети Мопассана и Диккенса придут ему на помощь, подойдут, поднимут... Точно так же в ресторане нашего отеля, где кипят, шкворчат, паруют никелированные баки с разнообразными вкусами для едоков шведского стола, они как пригвождённые будут стоять в очереди, каждый на своём месте, и не сдвинутся ни на миллиметр, чтобы помочь четырёхлетнему ковбою с вилкой в руках поймать и положить на тарелку всё ускользающий от него ломтик арбуза. Сам давай, бэби. Сам. Как знаешь. В жизни всегда есть место подвигу, но не всегда папа с мамой будут держать над тобой, оголец, раскрытый зонтик. Так что давай, чадушко, с молодых ногтей одолевай эту жизнь САМ.

Чёрт их знает, этих западных граждан... Может, они и правы...

* * *

А может, и не правы! Потому что наш мир всё-таки не без добрых людей!

* * *

Нацепив очки, то и дело поглядывая и на свои наручные часы, и на крупноформатное табло хронометра на стене, почему-то очень быстро именно сейчас отсчитывающее минуты за минутами, я, злясь, нервничая, а потому допуская ошибку за ошибкой, устранял те проклятые «мелкие погрешности», которые накопала в анкете придиричивая любовь моя, не пожелавшая лёгким движением руки сама ликвидировать последствия письменной аварии. Ничего я так бы и не смог сделать, помня о долге перед заждавшимся меня Лёшей и пасуя перед этой бумажной бюрократической ехидной, уже в который раз ставящей в моей жизни просто немыслимые барьеры, если бы... жил, как Жан – в Париже или как Саймон – вблизи Уимблдона... Но здесь! На родных российских просторах, где каждому друг, товарищ и брат, будь ты из Ярославля, а он из Воронежа, или он из Омска, а ты из Читы!!!

Вначале из какой-то подсобки, которую я и не заметил при входе, вынырнула маленькая чистенькая старушенция – вахтёрша, ни дать ни взять – моя школьная учительница немецкого языка Зинаида Исаевна, которую не мы, а наши старшие братья из мужской школы номер девять так нещадно мучили только за то, что она преподавала немецкий. А мучить-то надо было чиновников из Наркомата образования, придумавших на недавно только освобождённой от фашистов оккупированной ими территории преподавать лающий немецкий, от звуков которого у местных мурашки бежали по телу...

– Возьмите вот ещё два бланчка и ручку гелевую с чёрной пастой, – тихо прошелестела «Зинаида Исаевна», – а то опять не примут, а вы, я вижу, торопитесь...

– Слышь, мужик! – раздался следом крепкий бас из преисподней.

Я поднял голову: доннер веттер, баскетболист. Что нужно от меня этому светофору? Да ничего не нужно. Это он мне, оказывается, нужен!

– Возьми мой бланк, тут всё правильно, я показывал их главной, списывай...

Чёрная, казалось бы, пятница... К тому же тринадцатое число... Лёха меня ждёт, изнывает... И вдруг – такая везуха?

– Что у вас за проблемы? Что случилось? Давайте я посмотрю. – Ещё один ангел небесный снизошёл за моей спиной.

Я обернулся и чуть не вздрогнул. Мегера! Та самая страхолюдная соседка моей Золушки, что сидит за соседним с ней восемнадцатым окошком... Откуда прознала эта бабенция с чёрными как смоль волосами о приключившейся со мной катастрофе?

Впрочем, времени на размышления не оставалось... Переключённый на вибросигнал мой мобильник подавал уже не деликатные напоминающие, а истеричные, истошные вопли. Я знал от кого. Лёня, конечно...

– Берите любой талончик в терминале и сразу подходите ко мне. – Скрытые очками глаза... «мегеры» были участливы, а голос тих, приятен и доверителен...

Воистину с лица воду не пить! Воистину внешность обманчива... Дрожащими пальцами, может быть, не попадая на нужные буквы, я отправил Лёхе эсэмэску: «Умоляю, подожди!» и швыдче лани помчался к терминалу за талончиком.

«Гудкова Ирина Владимировна, Гудкова Ирина Владимировна», – зазубривал я фамилию, имя, отчество своей спасительницы, вмиг срисованные с её бейджика. Запомню, запомню, запомню, если не на всю жизнь, то надолго, а может, и навсегда...

* * *

Вся операция по устранению «мелких погрешностей» не заняла у Ирины Владимировны и пяти минут. Заложив в принтер новые листы офисной бумаги, поместив перед собой на маленький пюпитр мой гражданский паспорт и прежнюю анкету, она, ловченно

перебирая пальчиками по клавиатуре компьютера, исправила все ничтожные марашки, вписав код, электронную «личку», телефоны... Ровно четыре минуты. Я засёк. Но что же, не могла это сделать соломенная моя... вдова?

Как же резко, пронзительно разговаривает она сейчас с новой просительницей, дамой средних лет, прижимающей руки к груди, что означает одно: ну говорите, пожалуйста, потише, прошу вас... Куда там!

– Вот здесь, здесь и здесь, – долбит грифелем «Кохинора», как дятел клювом дерево, пропущенные графы в анкете блондинка за стеклом. – Почему не указана дата развода, почему не указан номер свидетельства о прекращении брака? Развод у вас когда был?

Нарочно она, что ли, так громогласно модулирует свои вопросы, словно решила пристыдить женщину, значительно старше её возрастом, за то, что было?

– Вы развелись в каком году? – Продолжается этот допрос с пристрастием. – А новый брак когда был оформлен? Где регистрировались?

– Посмотрите, пожалуйста, эти два листочка, – отвлекает меня от вынужденного созерцания неприятной сцены Ирина Владимировна. – Сверьте с вашими паспортными данными и, если всё в порядке, расписывайтесь и забирайте свои бумаги...

Ирина Владимировна, подчёркнуто старательно занимаясь компом и принтером, не поворачивает ни на миллиметр голову влево. Привыкла к «перекличке» соседки? Молчу и я, выискивая оправдание своему невмешательству в разговор – какой там «разговор» – разгневанный монолог с одной стороны и молчание ягнят – с другой... А что скажешь придиричивому исследователю мелких погрешностей? Это её работа. Но... ангелы знают, к кому слетать с горних высот...

Мы поднимаем с Ириной Владимировной глаза друг на друга и без слов понимаем, что думали об одном и том же.

А я – так ещё и о том, что не надо бы мне больше так легкомысленно влюбляться. Красивая внешность ещё не означает красивую душу, можно и со сладкой улыбочкой заря-

дить горькую пилюлю... Как там у хулигана Маяковского в пародии на коллегу – поэтессу Ингу... ой, голова уже идёт кругом, Веру Инбер?

*Ах у Инбер, ах у Инбер,
Что за глазки, что за лоб,
Всё глядел бы, всё глядел бы,
Любовался на неё б!!!*

Всё. Генуг. Конец. Амба. Как говорит Лёнька, оукливайся. В смысле закругляйся.

Поцеловать бы на прощание Ирине Владимировне ручку... Но как это сделать через стекло? К тому же она всем видом своим показывает, что ничего ей от меня не надо, благодарные глаза посетителя ФМ-48 дорожке всяких слов...

Убегаю, успев всё же записать на испорченном листочке анкеты служебный номер телефона Ирины Владимиров-

ны. Приеду через месяц получать заграничный паспорт, примет она приглашение или нет, а позову в недавно открывшийся грузинский ресторан на берегу Плавицы. Лёня рассказывал, какое там меню: чахохбили, чурчхела, сациви, мацони, ткемали, сулугуни, хачапури... И медовая «Хванчкара». Правда, он был за рулём, не попробовал...

Попробуем тогда мы – в другой раз. Может, Лёне всё просто показалось? И красивое дорогое вино только с виду медовое...

Зинаида КОРОЛЁВА

Накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы на общей кухне малосемейного общежития возле газовой плиты суежилась старенькая бабушка Лукерья. В широком стареньком халате, вся иссохшая, она казалась невесомой пушинкой. Губы её беззвучно шевелились. Она то подходила к столу, на котором стояли мешочек с мукой и пол-литровая банка простокваши, то вновь подходила к плите, на одной горелке которой в кастрюльке подогревалась вода, а на другой, незажжённой, стояла сковорода. Замешательство старушки заметила Люся, соседка с их этажа.

– Ты что это тут колдуешь, бабушка Луша? Или гостей ждёшь?

– Дык Полинка должна прийти, праздник-то у нас престольный, – задумчиво произнесла Лукерья.

– Дождёшься ты свою Полинку, как же, придёт она, – сердито произнесла Люся. – Она, наверное, целых полгода не была у тебя. Вон, грязная марля на форточке как висела целый год, так и моталась бы до сих пор, если бы мы с Верунькой не сняли.

РАССКАЗ

Ожидание

– Ты о чём говоришь-то, Люся?! Какие гости летом? Огород, а там работа. По нашим временам иметь постоянную работу – большое дело. За неё как держаться-то надо, ты понимаешь? – возмущённо говорила старушка, жестикулируя руками.

– Я-то понимаю, да молодёжь ничему не научилась. Лето давным-давно прошло, глубокая осень на дворе, скоро белые мухи полетят, а у твоей Полиньки всё какой-то огород. Если бы захотела, то нашла свободную минутку и прибежала бы. Сейчас совсем другие взгляды, иная мораль у людей. Вот для ваше-

го поколения работа – святое дело. Потому как дисциплина была. А мы привыкли искать любую лазеечку, чтобы увильнуть от неё, родимой. Но зарплату свою считать и требовать мы умели. А вот про это время что говорить – один базар да бордель с самого верха и до низу. Вот потому сейчас всё некачественное: продукты в рот не возмёшь, а промтовары два раза постирнёшь и выбрасывай.

– А ты что вырядилась так – к плите и в праздничной одежде? – осуждающе произнесла Лукерья, глядя на длинную чёрную юбку и новый свитер.

– Так я про что говорю-то: месяц назад купила на рынке, а швы толком не сострочены, вот петли и поползли. А юбка посеклась, будто из гнилого материала сшита. На улицу в таком наряде не выйдешь. Покупают за границей всю дешёвку, а нам, дуракам, втридорога продают, – сердито произнесла Люся, и её серые, с озорнинкой во взгляде глаза потемнели.

– Да-а, и не доживёшь до хороших времён, – грустно проговорила старушка.

– Ой, баба Луша, ну ты и даёшь! Мы, сорокалетние, и то боимся не дожить, а ты о себе толкуешь, – невесело рассмеялась Люся.

– А жалко, – старушка подошла к столу, облокотилась об него. – Мы же хорошего-то почти ничего не видели: то революция, то гражданская война. А как коллективизация началась, то всё перемешалось вокруг: то разные банды понаедут, расстреляют активистов. За ними красные нагрянут, выгонят бандитов. А в промежутках местные богатеи старались побольней укунить бедноту. Это сейчас балаболят, что бедняки – все лодыри. А может, богатеи сами свои земли обрабатывали, а? Да они не знают, с какой стороны к сохе подходить, как в руках косу держать. Вот этих балаболов заставить бы денёк помолотить цепами, они сразу бы перестали языки чесать зазря.

А потом поутихло всё, стали налаживать, поднимать хозяйство – и колхозное, и своё. Ох, Люся, какие же ситные караваи пекли перед войной! Я таких тут ни разу не видела. А какую домашнюю колбасу делали! Бывало, когда по осени зарежут свою какую-либо скотину, то кишки все вычистишь, промоешь их, промоешь, а потом начинаешь начинать: то кашей пшённой али гречневой с салом, то ещё чем. А в первый-то день с кровью, с печёнкой, да с салом, да чесночку побольше. Жаришь на сковороде в печке, а там всё шкварчит в сале-то, подрумянивается. Ох, какая же вкуснотища была! А аромат... аж на улице чувствовался. – Вспоминая, Лукерья улыбалась, её морщинистое лицо разгладилось, а выцветшие от времени некогда карие глаза увлажнились. Распрямившись, она стояла у стола, а взгляд был устремлён в про-

странство, как будто там она хотела увидеть всю прожитую свою жизнь.

– Бабуля, что же ты делаешь со мной, я же зарплату не получила, сидим на одном хлебе, а ты о таких деликатесах говоришь. Я же могу в обморок упасть, если всё это представлю на столе. – Люся смущённо и как-то жалобно смотрела на старушку.

– А ты не падай, недолгой нам была такая лафа – война началась. Все наши мужики ушли на фронт, а мы взвалили на свои бабьи плечи всю мужицкую работу: пахали на быках да на коровах, и сеяли, и косили, и молотили. А я вот своего Васятку заменила в кузнице. Где так, где не так, а сами ремонтировали плуги, сеялки, бороны. Да ещё и соседям помогали – у них не было кузнеца. А я ловкая, здоровая да удалая была.

Потом к кому вернулись мужики с фронта, те зажили, детей нарожали, а мы, вдовы, так до конца горе мыкаем. Вспомнили тут о нас, пайки стали выдавать, как и живым участникам войны. Опять мы головы подняли, распрямились. Да, видно, нам не судьба распрямившись ходить. Кто ни кто стремится нас в дугу согнуть, в узел завязать. Явились на нашу голову супостаты со своей непутёвой перестройкой – сколько народищу загубили. И-их, хотя бы перед смертью увидеть, что внуки и их дети хлеб вдоволь едят.

Вот ты говоришь, в гости не идут. А с чем идти? Они не привыкли ходить ко мне с пустыми руками – какой-никакой гостинчик всё равно приносили. А сейчас цены на всё кусаются. Вот потому и не идут. Будь она неладна, такая жизнь. – Бабушка Лукерья вытерла со щеки выкатившуюся слезинку, поправила свой пёстрый платок и затянула концы его на затылке.

– Не расстраивайся, бабуля, перекантуемся как-нибудь. – Люся погладила старушку по плечу. – Ты чем решила гостей встречать?

– Да вот я и сломала всю голову, что делать – не знаю. А вдруг и правда завтра не придут – день-то рабочий. А я истрачу продукты, а в выходной чем встречать? Вот морока.

– Бабуля, вот и скажешь, что лучше одной быть, чем такую родню иметь, правда?

– Да ты что, девка, сдурела совсем? – не на шутку рассердилась старушка, глаза её гневно засверкали. – Как ты можешь такое говорить? Да пусть хотя бы один раз в год придут и совсем с пустыми руками, но я этот год буду их ждать, надеяться. И опять же, ежели что случится со мной, то вы сообщите им, и они придут. А одинокие, они как свечи-огарыши, так во всю мощь ни разу и не засветились.

– Баба Луша, ты извини меня, я не хотела тебя обидеть, – смущённо произнесла Люся и заглянула в кастрюлю, в которой вымачивалась курица. – Ты что, курицу решила сварить?

– Вот всё раздумываю, что делать. Купила ты мне этого курёнка на президентскую полсотню, вот и ношусь с ним, как с писаной торбой, не знаю, какой праздник осчастливить таким «богатством». Раньше это было обычной едой. Бывало, постоишь в очереди, купишь штуки три по рубль шестьдесят за килограмм и ешь почти весь месяц. И колбаска по два восемьдесят, и котлеты со стола не сходили. А какие вкус-ныи-и! А сейчас на великое разговенье купишь грамм двести колбасы, откусишь и проглотить не можешь, так как она несъедобна, и выбросить жалко, потому что деньги большие заплатила. Вот какая закавыка. – Взгляд старушки был задумчив и немного растерян.

– Ничего, бабуля, по телевизору говорили, что мы скоро самыми богатыми будем, – утешила Люся.

– Вот-вот, оттого у нас на столе одни обещания вместо продуктов, что мы всё в небесах витаем, ждём какого-то чуда.

– Не сердись, баба Луша, ты права – ленимся мы шевелить мозгами. Вот что, давай-ка сварим мы сейчас курицу – она же размороженная и даже вымытая. Тем более что до выходного два дня осталось. Если завтра не придут, то положим её в мою морозилку, там продукты лучше сохраняются. Конечно, будет не свежак, но к первосортному мы не привыкли. А если потом обжарить с чесночком – пальчики оближешь. И давай замесим домашнюю лапшу, всё-таки её не сравнишь ни с какими макаронами. А утром

я тебе блинцов напеку, а для начинки лук с яйцами сделаем. Вот и стол хорошим будет. А если в серёточку поставим королеву нашу – картошечку с огурчиками солёными, капустку квашеную, то с таким закусоном нас ни один закордон не одолеет, – весело рассмеялась Люся.

– Ох, и балаболишь ты. А с другой стороны посмотреть, так иначе и не выживешь, – рассуждала повеселевшая старушка. – Так ты говоришь, что поможешь мне? Одна-то я не справлюсь, что-то силы мои убывают.

– Конечно, помогу. Давай опустим курицу, вода уже закипела. – Люся подвязала фартук, опустила курицу в кипяток, тщательно вымыла руки. – Ну вот, а теперь с чистыми руками примемся за тесто. Бабуля, а ты не знаешь, почему так бывает, что как только я начинаю месить тесто, то всё мое раздражение, вся моя злость исчезают?

– А так и должно быть. Мука-то из зерна сделана, а зёрнышко через колосок с корнями стебелька силу из земли забирает. Большая сила в зерне. Вот она тебе и передаётся. А там, где сила, злобе места нет. Злость – она от слабости, от беспомощности. – Бабушка Лукерья уселась возле стола и любовно смотрела на проворные Люсины руки, месившие тесто.

– А как же кое-кто говорит, что мучное вредно? – усмехнулась Люся.

– Дык это кто говорит-то? Тот, кто хочет извести весь наш народ. Да разве можно выжить без хлеба? – возмущалась старушка. Её лицо стало сердитым, а взгляд колючим, как будто перед ней была не Люся, а тот, кто говорил, что хлеб вреден. – Надо есть всего помаленьку, вот тогда и не потолстеешь, и жив будешь.

В нашем селе жила умная женщина, Василиса-знахарка. Всё она знала – и травы какие от которой болезни, и заговоры разные. Она всем говорила, что любое дело надо делать с доброй душой, и лучше всего с песней. Говорит, бывало: «Если грустно тебе – затяни грустную песню, а потом весёлая сама запоётся. Или молитву про себя читай. А Горе придёт в такой двор, услышит песню или молитву почует и покатится дальше, искать,

где скандалят или печалются. Вот к ним оно и прилепится. И скандал до драки дойдёт, а уж слёз-то выльется целое море. А Горе будет на всё это смотреть да радоваться. Недаром припевка такая есть:

*Будешь петь и веселиться –
Горе не увидит,
Будешь плакать и рыдать –
Курица обидит.*

Вот такая она была, наша Василиса-знахарка. Люся, хватит раскатывать, а то порвётся круг, уж такой тонкий да ровный получился. Давай, сходи ко мне в комнату и принеси большую подушку и скатёрку, что на ней лежит сложенная, – попросила старушка, видя, как Люся накатала на скалку большой круг теста.

Люся ополоснула руки, вытерла о старинное льняное полотенце бабы Луши и вышла из кухни. Через минуту она вернулась с большой подушкой в чистой белоснежной наволочке со вшитыми в углы кружевными треугольниками.

– Ой, как ты быстро обернулась! А я иду, иду по коридору, – удивилась старушка. – Ноги что-то совсем не дружки стали, заплетаются одна за другую.

– Бабуля, кружева-то сама, наверное, вязала? – спросила Люся, рассматривая наволочку.

– Сама. В девках ещё, при лучине. Наволочка порвётся, а я их выпорю и в другую вошью. У меня ещё такие есть, те поновее. Хочешь – подарю. А то внучка не желает брать, говорит, что немодно. Выходит, что все мои вещи выбросит в мусорку. А мы каждую тряпочку берегли, сохраняли. Так из рук в руки и переходило. А сейчас не ценят вещи, мода эта всех загубила, – сокрушённо рассуждала старушка.

– Подари, они мне очень понравились. Вспоминать тебя буду, – Люся поставила подушку на свободный стул.

– Спасибо тебе, порадовала. Добрая ты девка. Давай стели скатёрку и раскатывай круг, пусть он поветрит минут 10–15, тогда он хорошо резаться будет.

Люся расстелила на подушку белую са-

мотканую льняную скатёрку и раскатала на неё круг теста. Она подошла к плите, попробовала вилкой в кастрюле курицу, посмотрела на часы и повернулась к старушке:

– Бабуля, а если я сейчас испеку блинцы, а то вдруг завтра просплю, а?

– Пеки, пеки. Сами утром позавтракаете, да и я поем ради праздничка, – согласилась старушка, умиротворённо глядя на большой тонкий круг теста. Она давно мечтала о домашней лапше, но сил уже не хватало, чтобы вот так красиво раскатать. Руки становились непослушными, вялыми. Она смотрела на Люсю, которая месила тесто для блинцов, и думала, что всё-таки судьба милостива к ней: то рядом была дочь и во всём помогала. А как ушла без времени на тот свет, то рядом оказалась вот эта чужая, но такая внимательная, добрая женщина. И мусор вынесет, и на рынок сходит, а то когда и постирает. Да и просто словом приветит. Права она – внучку не дождёшься. А куда деваться – родная кровь. Вот и приходится ждать и надеяться на лучшее.

Люся пекла блинцы и что-то весёлое рассказывала, смеялась. А старая Лукерья сидела у стола, подперев голову руками и прикрыв глаза. Мысли её гуляли по страницам прожитой жизни. Они то останавливались надолго, то перескакивали, не задерживаясь. Но вот она почувствовала прикосновение к руке и встrepенулась.

– Бабуля, ты что, задремала под мою болтовню? Пойдём ложиться спать. Я блинцов немного напекла, а завтра с работы приду пораньше и перепеку остальные. Я и лапшу нарезала. На вот, покушай, какие блинчики получились. – Люся подала старушке свёрнутый блинчик и показала рукой на свой стол, где на расстеленной скатерти сохла тонко нарезанная лапша.

Старушка взяла блинчик, осторожно развернула его и посмотрела на свет через многочисленные дырки. Она поцокала языком, показала головой и, довольно улыбаясь, произнесла:

– Надо же, как кружевной! Ну и мастерица ты: и лапшу нарезала тонкой паутинкой.

– Да я же у тебя научилась, бабуля, – заулыбалась довольная Люся.

– И-и, куда мне, я уже ничего не могу делать, – грустно проговорила старая Лукерья.

– Это сейчас ты просто устала. А раньше всё общежитие восхищалось твоей стряпнёй и училось у тебя. Пойдём, пойдём, я тебя уложу. – Люся повела старушку из кухни.

Ночью Лукерья не спала: она ворочалась с боку на бок, потом встала, выпила сердечное лекарство, посидела у стола, поглядывая на платяной шкаф. И всё же, не выдержав, подошла к нему, открыла дверцу и стала перебирать вещи, лежащие там.

С верхней полки старушка достала свой смертный узел, развернула и перебрала всё его содержимое. Каждую вещичку она бережно развёртывала, разглаживала своими старыми сморщенными руками с узловатыми скрюченными пальцами. Всё пересмотрела, аккуратно сложила и стала рассматривать на свет связанные шерстяные тапочки. Но всё было в порядке, молъ не тронула их, и она, облегчённо вздохнув, завязала узел и положила на стул рядом со шкафом.

Затем старушка взяла маленький узелок, также развязала его и перебрала лежащие там бусы, серёжки, перстеньки. Вот она приложила к себе бусы, посмотрела в зеркало и тихонько засмеялась, вспоминая что-то весёлое. Она осторожно связала узелок крест-накрест и положила его на большой узел.

Из другого отделения Лукерья достала новое шерстяное жаккардовое одеяло, расстелила его на койке, помяла руками пушистый ворс, перевернула на другую сторону, сложила и водрузила на большую подушку. Туда же положила два комплекта постельного белья и сверху поместила маленький узелок с украшениями. Глядя на эту образовавшуюся гору вещей, старушка облегчённо вздохнула, подошла к окну и посмотрела на улицу – там чуть-чуть начинало светать. Небо было чистым, безоблачным. Её старинные настенные ходики давно вышли из строя, а новые часы она не хотела покупать – зачем тратить деньги, когда днём по радио можно узнать время, а ночью они и совсем ни к чему? Она услышала шаги в коридоре и заспешила на кухню. Там у плиты стояла Люся. Увидев старушку, удивилась:

– Ты что это, баба Луша, ни свет ни заря вскочила? Праздник же сегодня. Спала бы себе и спала.

– Что-то не спалось мне. Ты не греми кастрюлями, а накорми своих блинцами. А сейчас пойдём ко мне, я тебе кое-чего дам.

В комнате она показала на сложенные вещи и решительно махнула рукой:

– Забери всё это к себе!

– Это ещё зачем?! – удивилась Люся.

– А я не тебе даю, а Веруньке в приданое. У неё бабушки нет, подарить некому. А это от меня на память. Может, когда могилку мою обиходит. Давай забирай, забирай и иди, корми своих домочадцев, а то на работу не успеешь.

– Чудная ты сегодня, – засмеялась Люся, смущённая таким дорогим подарком. – Чего ты торопишься? Сама на свадьбе и подаришь.

– Нет, Люся, не дотяну я. Ты вот узел мой положи на полку, чтобы знала, где он лежит.

– Да ты что, помирать собралась? – встревожилась Люся. – Тебе что, плохо живётся? В тепле, худо-бедно накормлена. Привыкла я к тебе, баба Луша. У меня же никакой родни нет. Поживи ты подольше. Ты же никому не мешаешь. До ста лет, а, бабуля?

– И-и, до ста – вот сказанула! А хоронить-то меня кто будет – все постареют чай, – развежилась старая Лукерья. – Ты, видно, девка, с голодухи такое брякнула. Давай-ка забирай приданое и иди завтракай, а то опоздаешь.

Люся вышла, а старушка подошла к окну и долго смотрела на парадку: а вдруг Полинка перед работой забежит и поздравит с праздником и с днём рождения – ведь ей сегодня исполнилось девяносто годков! Никогда она не отмечала их, эти дни рождения, но так захотелось, чтобы кто-то поздравил – ей и надо-то лишь одно доброе слово.

Почти весь день старушка провела у окна: то подходила к нему и подолгу стояла там, то отходила. Но какая-то неведомая сила вновь тянула её к окну. А вечером она вышла на улицу. На ней был новый яркий халат, пёстрый платочек, тёплая шерстяная кофта и чёрные, с белой опушкой тапочки. Женщины, вышедшие выносить мусор, пошутили:

– Бабуля, ты как на именины нарядилась.
– Так не вам же одним отмечать, – отшутилась старушка.

Женщины переглянулись между собой и, высыпав мусор, быстро скрылись в здании.

А старушка долго ещё стояла на площадке у входа, подслеповато глядя на угол здания, откуда должна была появиться Полинка. Она всё тяжелее опиралась на палку и чаще переминалась с ноги на ногу, но, так и не дождавшись, пошла домой. Она медленно поднялась на свой второй этаж и у самой лестницы почти столкнулась с Люсей. Та нежно обняла её и с упрёком сказала:

– Ты что же это, старая, скрываешь, что у тебя день рождения? Пойдём на кухню, там тебя сюрприз ждёт.

– Какой сюрприз? – заволновалась старушка.

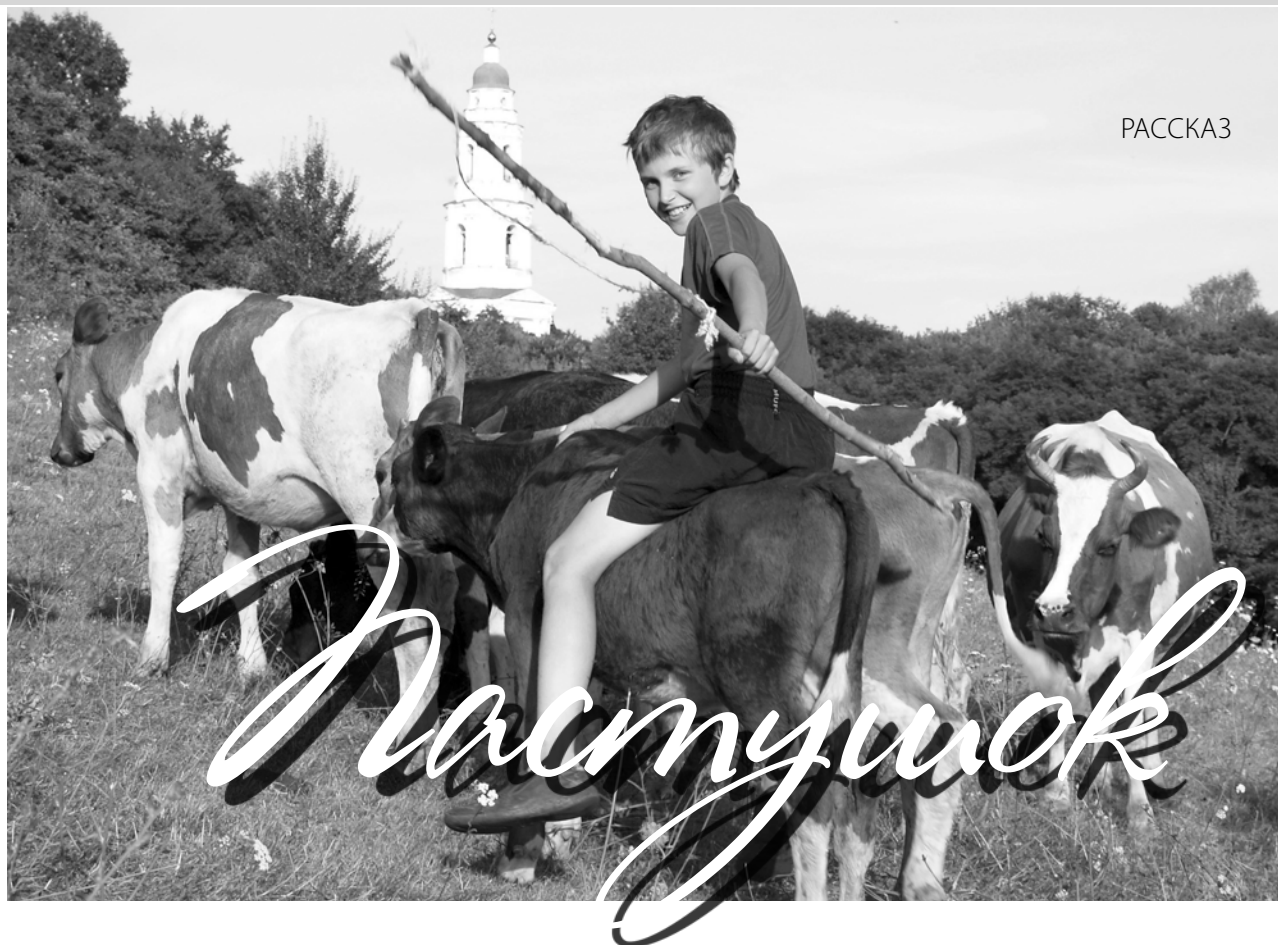
– Пойдём, пойдём, там увидишь, – улыбаясь, Люся вела её по коридору.

Войдя в кухню, старушка остановилась от неожиданности: все три стола были сдвинуты на середину, накрыты белой скатертью. В самом центре стола красовался букет цветов. А за столом сидели все три семьи, пользующиеся этой кухней. Её стали поздравлять, усаживать за стол. За разговорами и песнями не заметили, как стемнело. Старая Лукерья даже забыла о своём ожидании внучки.

Растроганная таким вниманием и заботой, она пришла в свою комнату умиротворённая и ещё около часа просидела с Люсей, которая расспрашивала её о прошлой жизни. Впервые за свою жизнь Лукерья спокойно вспоминала и легко рассказывала обо всём и была рада такой доброй и благодарной слушательнице. И ещё она радовалась тому, что в ней появились уверенность и надежда, что в беде её не оставят, да и схоронить помогут, и помянут по-человечески. А что ещё надо старому человеку, до конца прошедшему свой жизненный путь? Проходить на своих ногах, а не лежать прикованной к постели и умереть легко, спокойно и на людях, чтобы бречное тело твоё не испортилось, не истлело здесь, на земле, несхороненное. Это единственное, о чём она мечтала в последнее время. Именно боязнь умереть в одиночестве заставляла её так неистово ждать Полинку. А сейчас страх прошёл, исчез.

Ночью Лукерье спалось легко и спокойно. Утром она встала позже обычного. Она подошла к окну, отдернула штору и улыбнулась светящему солнцу и голубю, воркующему на карнизе окна. Посмотрев вниз на дорожку, она увидела Полину с мужем и дочкой – они приветственно махали ей рукой. Старушка засуетилась, заспешила к двери навстречу к ним. **А**

– Вот, молочка выпей парного, вкусно-го! – ласково обратилась женщина к внуку, разливая молоко по бокалам.

– Верно, молоко отменное, – согласился Воробьёв и громко добавил: – Молодец! Молодец, Андрюха, что приехал! Нечего тебе все каникулы проводить в городе. У вас же там что: кино, домино, компьютер – вот и все занятия в четырёх стенах... А у нас тут, в деревне...

Пётр Кузьмич встал из-за стола. Круглое с серыми глазами лицо его засветилось, а под пшеничными усами расплылась улыбка:

– У нас тут дел хватит, да и красоты-ища кака-ая! Ты только посмотри. – И указал на окно.

Курногого взъерошенного мальчугана лет десяти было едва видно из-за стола. Он сидел, опустив голову, надув губы, явно чем-то недовольный.

– Не дуйся, тебе говорю, – нахмурил брови Кузьмич.

Внук поднял на деда взгляд и выпалил:

– А радоваться-то чему?! Все ребята отдыхают, как нормальные люди. После каникул

только и хвастаются: кто Москву посмотрел вместе с братом-бизнесменом, кто заграничных родственников навещал на островах... А у Славы вообще... дядя – директор шоколадной фабрики. Только у меня... А я что ж?... А у меня мало того что дед деревенский, да ещё кто? Пастух!!!

И слёзы полились из больших глаз градом.

Приземистая фигура Воробьёва искривилась, словно её пронзило молнией, лицо то зеленело, то багровело. Зашевелив усами, Пётр Кузьмич схватил телогрейку, натянул кирзовые сапоги и выскочил из дома.

Примечателен Воробьёв был не только своей внешностью, но и характером: настоящим, упёртым. К труду относился добросовестно: к любой работе подходил серьёзно, с любовью. Уже добрый десяток лет он «служил» пастухом. Однажды весной пришёл к нему глава фермерского хозяйства и предложил пасти его коров. Задумался Кузьмич. Фермерских бурёнок пасти не то, что личную скотину, ответственности больше. Однако взвесив все «за» и «против», согласился.

На лугу, подстелив под себя телогрейку, сидел Пётр Кузьмич. Недалеко паслись его коровы. Неприятный осадок в душе от разговора с внуком не давал покоя.

– Вот оно, молодое поколение! Стыдно, значит, ему за деда-пастуха! Пастух! Пастух – он же не бизнесмен и не иностранец какой-нибудь! А деревня не Канары!

Кузьмич резко повернул голову в сторону и громко крикнул, словно его внук был рядом:

– А я, знаешь ли, свою деревню ни на какие Канары не променяю!

Слова эти вмиг эхом разнеслись по округе. Коровы тут же поддержали пастуха дружным мычанием.

Воробьёв опомнился, но продолжил вести диалог с собою, уже шёпотом:

– Как же всё это можно бросить? – взглядом окинул он великолепные окрестности деревни. – Выйдешь в лес, прикоснёшься к берёзкам и чувствуешь, что они живые. А весной? Когда зацветают сады, деревья наряжаются в зелёные костюмы: в бархатные, в атласные. Аромат сирени, рабочий звон пчёл и шмелей – всем этим можно любоваться вечно. Опять же бурёнки, погляди, красавицы...

– Дед, а дед! – Детская ручка постучала по плечу. – Ты с кем разговариваешь?

Воробьёв обернулся. Рядом в его сапогах «на выход» стоял Андрюша.

– Дед, а кнут-то забыл... – Мальчик смело протянул Петру Кузьмичу кнут.

Погладив Андрея по голове, Воробьёв взял внука за руку и повёл по тропинке к высокому холму. Перед взором как на ладони открылась вся деревня. Между землёю и небом – постоянное движение: реют птицы, летают насекомые, стелются запахи трав и кустарников.

– Смотри, внучек! Смотри, красотища-то какая! Вот она – твоя родина! Не сыскать больше в мире похожего места. Научили вас компьютером владеть, техникой всякой современной, а родину любить, красоту её видеть – тоже уметь надо. Ведь всем, что имеем, мы ей, дорогой, обязаны!

На следующий день Андрюша прямо с утра побежал за дедом и застал его «при исполнении служебных обязанностей». Тот стоял у обочины дороги и, закинув через плечо длинный кнут, зорко следил за разбредшими по лугу коровами.

Глядя на эту «пастушью технологию», которая показалась Андрюше чересчур простой, мальчик спросил:

– А ведь, наверно, пастухом быть – не дрова рубить?

– Э, браток, – с гордостью ответил Пётр Кузьмич, – плохо ты знаешь наше дело. Я даже когда в армии служил, такой ответственности не чувствовал, как сейчас. Шутка ли, командовать целой ротой, когда у каждого «солдата» по четыре ноги! – И подмигнул мальчонке как-то озорно, не по возрасту.

Внук залился смехом.

– Однако заболтался я с тобой, – спохватился Воробьёв и, неспешно подгоняя отставших животных, пошёл за стадом.

Андрюша поплёлся следом.

Так и провёл Андрей все летние каникулы с дедом на лугах. Привык к деревне, к красоте её окрестностей и даже к коровам, научился отличать «бурёнок» от «зорок».

Как-то за ужином, глядя в бокал с молоком, он обратился к дедушке:

– А знаешь, деда, быть может, это молоко в городские магазины поступает...

– Очень даже может, – одобрительно кивнул Кузьмич.

– Так, значит, моё молочко, ну то есть от наших коров, могут бизнесмены пить... А на шоколадной фабрике без него вообще не обойтись! Ведь правда?!

Пётр Кузьмич поправил пшеничные усы и заулыбался:

– Правда, правда! Выходит, мы с тобой, Андрей-воробей, поглавней всех будем!

– Вот здорово!!! – вздохнул с восторгом мальчик. – Здорово!!!

Марина ЕЛЮТИНА

Мерси, Баку!

НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, ПРИЕДЕТЕ ВЫ В БАКУ ПОЕЗДОМ ИЛИ ПРИЛЕТИТЕ НА САМОЛЁТЕ, ГАРАНТИРУЮ: ЧЕРЕДА ВОСТОРГОВ НАЧНЁТСЯ УЖЕ С ПЕРВЫХ ВАШИХ ШАГОВ ПО ГОСТЕПРИИМНОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЗЕМЛЕ.

Первое, чем вы будете поражены, – великолепие и роскошь главных ворот страны: как железнодорожного вокзала, так и воздушной гавани. И там, и там – суперсовременный дизайн в стиле хай-тек, идеальная чистота и образцовый порядок. Аэропорт «Гейдар Алиев» считается одним из красивейших в мире. Ежедневно здесь приземляются и взлетают несколько самолётов, совершающих рейсы из России и обратно. Время в пути из Москвы – около трёх часов. Правда, удивляет качество бесплатного вай-фая в этом суперсовремен-

ном комплексе. Он работает плохо: сигнал то и дело пропадает, и воспользоваться любым приложением – проблема. На поезде путешествие из Белокаменной займёт более двух суток. При этом разница в стоимости билетов будет незначительной. Виза для россиян не нужна. Транспортная доступность, недорогие авиабилеты и восторженные отзывы друзей, бывавших там ранее, подтолкнули нас с супругой на недельный вояж в Азербайджан. Сразу скажу: путешествие превзошло все ожидания и надолго останется в памяти...

ГОРОД ВЕТРОВ

Отношение к бывшим соотечественникам в городе ветров, как ещё называют Баку, прекрасное: ни одна просьба, с которой вы обратитесь к прохожим или продавцам в магазинах, не останется без внимания. Вам подробно объяснят и покажут, как дойти до места, которое вы ищете, или где выгоднее поменять деньги. По-русски в столице Азербайджана подавляющее боль-

и переливающийся фантастическими бликами «апшеронский бриллиант» не нуждается в подобных комплиментах. Баку неповторим и прекрасен. Его отличительные черты – доброжелательные и приветливые люди, вкусная кухня и потрясающая архитектура. Возникший в IX веке, город неспешно, словно восточный караван, навьюченный богатым товаром, пересёк десятки эпох, взяв по дороге из каждой всё самое ценное и

оставив в прошлом ненужное. Пройдя столь долгий путь, он ненадолго задержался в ускользающем настоящем и, не оглядываясь, направился в будущее. «Чёрное золото», которое добывается здесь несколько столетий, позволило это сделать. Баку сумел сохранить свою историю не только в многочисленных музеях. «Киношность» переулков и домов старого города с крепостными башнями слегка диссонирует с футуристическими небоскрёбами, расположенными по соседству.

Столица Азербайджана расположена на Апшеронском полуострове. Здесь проживают более четырёх миллионов человек – почти половина всего населения страны. С одной стороны берега Азербайджана омывает Каспийское море, с другой – он граничит с Россией, Грузией, Турцией и Ираном. Мегалополис утопает в зелени и цветах, даже в конце марта это хорошо заметно.

шинство говорит прекрасно и, как мне показалось, с удовольствием. Исключение – молодёжь, рождённая в 90-е годы. Сегодня русский язык изучают в школах, а в кинотеатрах больше половины репертуара «крутится» на «великом и могучем». Даже для сдачи экзамена в ГАИ местные жители могут выбирать один из двух языков – азербайджанский или русский.

Баку называют восточным Парижем, хотя этот сверкающий всеми гранями

Баку – родина многих прославленных людей. В их числе Рихард Зорге, Лев Ландау, Вагит Алекперов, Гарри Каспаров, Муслим Магомаев, Владимир Меньшов и другие. Мемориальные доски с именами знаменитых земляков и богатые мраморные барельефы украшают фасады сотен зданий.

ИЧЕРИ-ШЕХЕР

Это место, которое непременно посещает любой турист, попавший в Баку хоть на пару дней. На русский «Ичери-Шехер» переводится как «старый город». Лабиринты узких каменных улочек, сплетённых в неровные прямоугольники жилых кварталов и окружённых крепостными стенами, знакомы любому, кто смотрел фильмы времён СССР. Именно здесь снимались «Бриллиантовая рука», «Человек-амфибия», «Тегеран-43» и ещё десяток других легендарных картин. Наряду с Крымом и Прибалтикой эта часть Баку была огромным съёмочным павильоном с красивым не-

советским декором. Вы и сейчас, прогуливаясь по его узким, вымощенным камнем улочкам, непременно наткнётесь на съёмку, возможно, будущего киношедевра. «Тот» кинематограф после исторических достопримечательностей Ичери-Шехера, пожалуй, вторая его гордость. Один из местных жителей, когда мы спросили, где находится дом, возле которого снималась сцена «Цигель-цигель, ай-люлю...», прежде чем показать дорогу, с точными интонациями и узнаваемыми жестами гайдаевских персонажей, поч-

ти «один в один» воспроизвёл знакомый миллионам эпизод. Убедившись в том, что мы ищем именно «тот самый» дом и успели оценить его актёрские способности, он толково объяснил маршрут, при этом ещё и поинтересовался вдогонку: «А "чорт побъери"? Были?» Получив утвердительный ответ, он важно кивнул головой и занялся своими делами.

Бакинцы искренне любят свой город. Причём эта любовь выражается не только на словах. Забота о нём проявляется всюду – в аккуратно подстриженных и ухоженных газонах, красиво разбитых клумбах, вымытых до блеска тротуарах и автодорогах с идеальным покрытием, сверкающих окнах домов и витринах магазинов. Даже рабочие, ремонтировавшие тротуар, сначала положили большой лист полиэтиленовой плёнки, и уже на неё стали складывать строительный мусор. Порядок кругом. На окраине, конечно, всё проще, но откровенной разрухи нет.

Дворники в центре города встречаются чуть ли не на каждом шагу, трудятся с утра до поздней ночи. Другая причина непривычного для востока «орднунга» – полиция. Стражи правопорядка – пешие и на авто – повсеместно. В городе много видеокамер, ими оборудованы и патрульные машины, курсирующие вдоль улиц, так что гулять в любое время можно безопасно. Но это утверждение вряд ли относится к окраинам.

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

Готов поспорить – вас поразят и здешние подземные пешеходные переходы. Большинство из них тянут на памятники современной архитектуры. Облицованные мрамором, в котором вы видите своё отражение, с мозаичными полами, они оборудованы автоматическими эскалаторами, включающимися при подходе к ним.

Визитная карточка города – Приморский бульвар. Он раскинулся на 16 километров вдоль побережья Каспия. Красивая набережная с широкими аллеями каштанов, рододендронов, платанов и пальм является излюбленным местом отдыха горожан.

Дороги в Баку превосходны. Восьмиполосные автобаны проложены не так давно и сделаны в соответствии с мировыми стандартами. За городом машины могут двигаться со скоростью 120 км/час. Почти все автомобили имеют встроенный в задний

номерной знак специальный чип, а в полотно дороги вмонтированы датчики контроля. Полицейский компьютер точно высчитывает скорость машины, двигающейся от одного датчика к другому, и одновременно «видит» её номер. Так что желающих лихачить как-то не заметно. За разговор по телефону без хендс-фри во время движения – штраф около 30 долларов США. Пристёгиваться ремнями безопасности должны и пассажиры, сидящие на задних местах, – за этим внимательно следят.

В Баку можно с комфортом передвигаться на общественном транспорте. Несмотря на несколько миллионов живущих тут, привычной для московской подземки толчеи, шума и давки нет. Для оплаты нужна карта, которая продаётся в киосках и на которую вы сами положите столько денег, сколько вам необходимо. Проезд стоит недорого: из аэропорта (минут 40 езды на автобусе-экспрессе) – 0,3 маната (1 манат – примерно 34,5 рубля). Автобусы в городе новые и чистые. И бакинское метро, в отличие от московского, тише и чище. Проезд под землёй обойдётся в 0,2 маната.

КАЗАН И МАНГАЛ

Вдвоём в кафе подальше от центра можно вкусно и сытно пообедать за 10 манатов. Это примерно 350 рублей. В центре, естественно, дороже. В ресторане чек вырастет до 40 манатов. Но всё это без

чая и без спиртного, которое, несмотря на то, что Азербайджан – мусульманская страна, продаётся свободно. Как и табак. Курящих на улицах и в кафе много. Лаваш (чаще всего свежее испечённый) в общепите подают почти везде бесплатно. Вернее, он уже входит в счёт, отдельно платить за него не нужно. Российские рубли можно обменять в банке, правда, далеко не в каждом, да и расплатиться ими нельзя. В дорогих магазинах у вас примут доллары. Сдачу лучше проверить. Видя, что вы турист, сумму могут деликатно округлить в свою пользу. В супермаркетах богатый выбор продуктов. Удивили молочные отделы – они поражают ассортиментом. Вкуснейший местный мацони тут продают даже в трёхлитровых банках и пластиковых ведёрках. Местная выпечка нам не показалась какой-то особенной. Хорошая, свежая, но

это, пожалуй, всё, что можно о ней сказать. В старом городе можно купить восточные сладости и пахлаву, которые готовят местные жители. Этот «хендмейд» выйдет дороже, чем в магазинах, и, увы, мало чем будет отличаться от фабричного. Кстати, на наш вопрос одному из торговцев: «Орехи в пахлаве грецкие?» – мы получили удивлённый ответ: «Пачему грецкие? Наши, местные!»

В один из вечеров нас пригласили на ужин друзья, с которыми я учился в военном училище. Теперь они служат другой стране, но встреча была такой, словно мы расста-

лись только вчера, хотя прошло почти 30 лет. Бакинское гостеприимство не описать словами. Удивительные тосты и многочисленные истории принимающей стороны, богатый стол с десятками (!) блюд местной кухни – всё это тянет на отдельную главу в подробном повествовании. Все яства достойны того, чтобы попробовать их. В конце обильного кавказского застолья – небольшой кувшинчик мацони, который поможет желудку справиться с ужином, отчасти напоминающим гастрономическое шоу.

Если вы хотите отправиться на экскурсию по го-

роду или его окрестностям, к вашим услугам сотни экскурсоводов, чьи контакты легко найти в интернете. Например, поездка на легковом авто в Гобустан, знаменитый археологический заповедник с наскальными рисунками и причудливым ландшафтом, расположенный в 70 км к югу от Баку, и храм огнепоклонников обойдётся в 230 манатов. Побродив по городу, можно найти и менее дорогие варианты, правда, разница будет небольшая.

Наши ожидания от путешествия в Баку в действительности оказались гораздо ярче, чем мы могли предположить. И всё изложить в одной статье, увы, не получится. Одно могу сказать с уверенностью: Баку неповторим, забыть его сложно, а вот желание приехать сюда вновь с каждым днем всё сильнее... **А**

Вадим ГРАНИТОВ

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ УЧАСТИЕ «АЛЕКСАНДРА» В АКЦИИ «САД МИРА». В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ «СВЯТЫЕ ЛАВРЫ РУСИ ПРАВОСЛАВНОЙ» СОВМЕСТНО С ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ЖУРНАЛОМ «АЛЕКСАНДРЪ» И ЖИТЕЛЯМИ ЗВЁЗДНОГО ГОРОДКА В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ ПРОВЕЛИ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВЫСАДКЕ ЯБЛОНЕВЫХ САЖЕНЦЕВ, ПРИЗВАННЫХ СТАТЬ ОСНОВОЙ БУДУЩЕГО «САДА МИРА».

В закладке сада, прошедшей на поле близ храма Преображения Господня, приняли участие руководство Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина и Звёздного городка, ветераны космической отрасли и Великой Отечественной войны, учащиеся школ и гости из других городов.

Мичуринск-научоград на этом мероприятии представляли волонтеры Центра патриотического воспитания имени Н. Е. Рогожкина и главный редактор журнала «Александръ» А. С. Труба. Мичуринцы подарили более ста саженцев яблонь и груш и

помогли с их высадкой. Напомним, что всего в рамках проведения акции планируется высадить 27 миллионов плодовых деревьев в память о каждом из погибших в годы Великой Отечественной сограждан.

В 2018 году в преддверии Дня космонавтики здесь запланировано посадить ещё сто саженцев яблонь и груш.

По задумке организаторов акции плодовый сад мичуринской селекции со временем станет подлинным украшением Звёздного городка. **А**

Свято-Никольская Мамонтова пустынь,
с. Мамонтово

Поможем всем миром!

В монастыре Мамонтова пустынь монахи начали селиться с начала XVI века. Здесь старец Мамонт в начале XVII века обрёл образ Николая Можайского. В 1629 году на этом месте по указу царя Михаила Феодоровича был основан монастырь на землях его матери Ксении Ивановны Романовой (инокини Марфы).

В течение своего существования Мамонтова пустынь получала значительные пожертвования, в том числе от царя Алексея Михайловича. При Екатерине II в результате церковной реформы в 1764 году монастырь был упразднён, но его Свято-Никольский храм долгие годы действовал. Он не вмещал всех желающих здесь помолиться, его дважды перестраивали.

В 1905 году в честь рождения наследника престола на территории Мамонтовой пустыни была создана женская Алексеевская община. Местные жители пожертвовали ей большие средства, на которые в 1915 году был построен каменный храм, разрушенный в 1952–1955 годах.

В годы советской власти окрестные жители создали крестьянскую общину-коммуну, берега озера и бассейн реки Красная Дубрава были распаханы, в водоёме пытались разводить птицу, но безрезультатно: она погибала, как говорили, «не выдержав святости». В местном колхозе имени Вильямса занимались овощеводством и бахчеводством. Храм использовался как овощехранилище и магазин. На месте монастырского некрополя велась частная застройка.

В начале 90-х годов началось возрождение Мамонтовой пустыни: построена часовня, келейный корпус. На Николу Вешнего, 22 мая, собирается до 4000 человек. С 2005 года во время молебна наблюдается радуга в течение нескольких десятков секунд в любую погоду – одно из чудес этого места.

С надеждой на исцеление, на душевный покой с утра и до вечера едут люди разного социального положения к этому озеру. Кто-то надеется на исцеление души, кто-то – на исцеление тела, а кто-то, может, и благодарит за то, что он видит этот мир. Ведь здесь такая благодать, здесь люди делаются чище душой, и, как прежде, здесь совершается что-то необъяснимое.

**Религиозная организация
«Никольский женский монастырь»**
с. Мамонтово Сосновского района
Тамбовской области Мичуринской
епархии Русской православной
церкви (Московский Патриархат).
ИНН 6818028617
КПП 681801001

Банковские реквизиты:
р/с 40703810061000000166
Тамбовское отделение № 8594 ПАО Сбербанк
Место нахождения банка получателя:
392036, г. Тамбов, ул. К. Маркса, д. 130
БИК банка получателя: 046850649 Кор/с 30101810800000000649
ИНН банка 7707083893 КПП банка 682902001
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность.

